

ВИТЕЗЛАВ НЕЗВАЛ

АНЕЧКА-

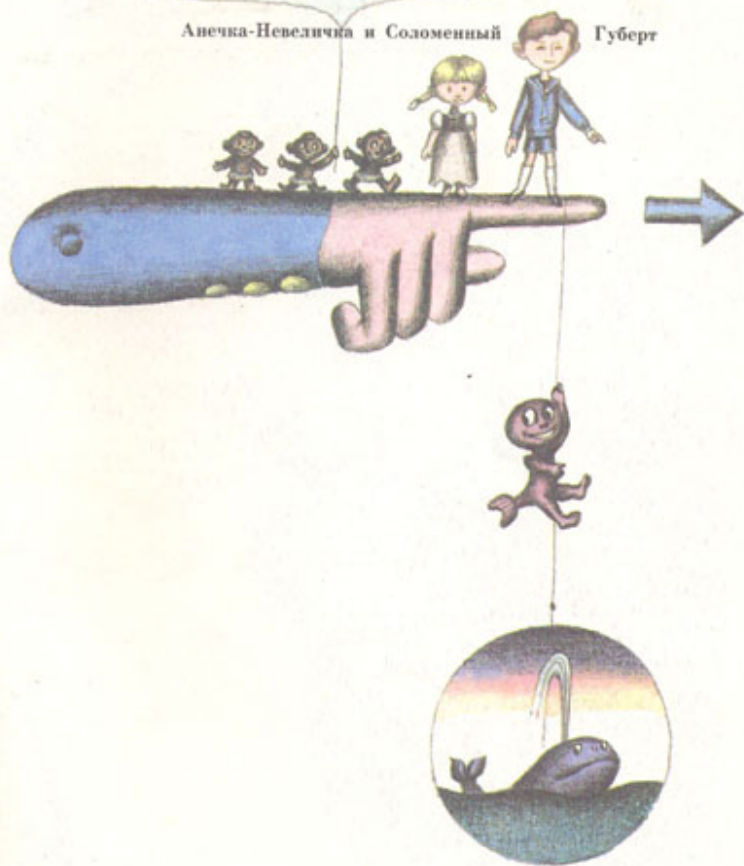
Невеличка

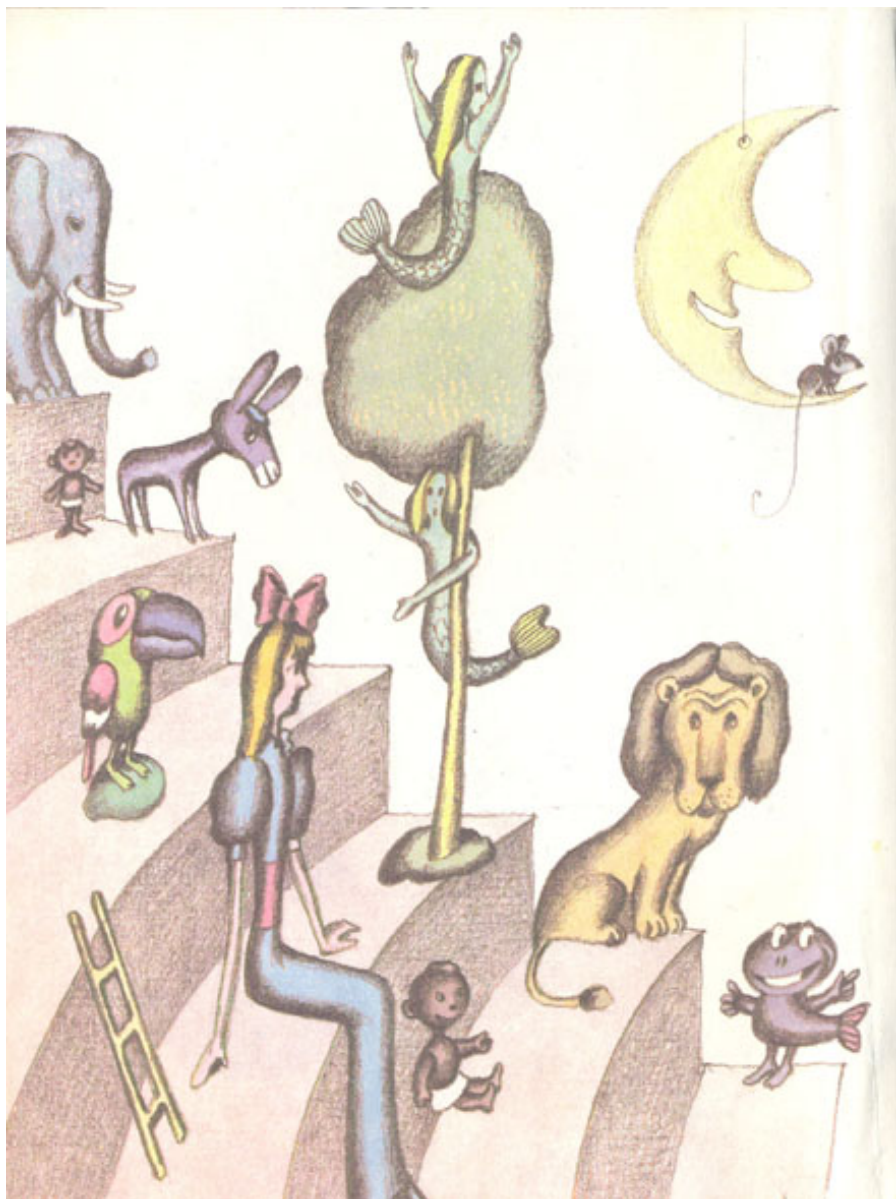

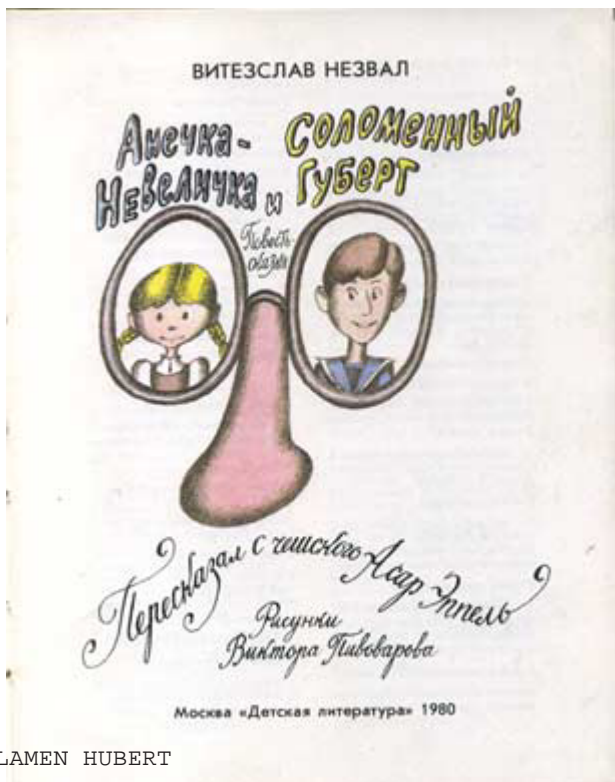
Сказочный **ГУБЕРТ**

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ

Авечка-Невеличка и Соломенный Губерт

Vitezslav Nezval

ANICKA SKRTTEK A SLAMEN HUBERT

Statní nakladatelství detské knihy Praha 1963

Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста

Витезслав Незвал

НЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА И СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ

ИБ № 1195

Ответственный редактор К. Д. Арон.

Художественный редактор А. Б. Сапрыгина.

Технический редактор Л. В. Гришина.

Корректоры Л. А. Лазарева и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 07.08.79. Подписано к печати 14.04.80. Формат 780/16. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,15. Уч.-изд. л. 17,68. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5363. Цена 2 р. 50 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграф-прома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва,

Сушевский вал, 49.

70801-353

M101 (03)80

Пересказ на русский язык. Иллюстрации. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПЛОЩАДЬ

Глава первая, в которой Анечка-Невеличка просыпается под голым небом на Заколдованной Площади	10
Глава вторая, в которой с нами знакомится Соломенный Губерт	13
Глава третья, в которой мы узнаём, что означают слова «ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМ-ЧАЙ»	16
Глава четвёртая, \ в которой Соломенный Губерт рассказывает, как он потерял шляпу	20
Глава пятая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт начинают играть в эстафету	22
Глава шестая, в которой Анечка-Невеличка бежит с пяточком, но не добегает, потому что видит Смерть собственными глазами	24
Глава седьмая, в которой Анечка-Невеличка видит за большим-большим, вернее сказать, огромным окном нечто удивительное	28
Глава восьмая, в которой Анечка-Невеличка не может столкнуться с Соломенным Губертом по поводу разных слов	32
Глава девятая, в которой Анечка-Невеличка рассказывает Соломенному Губерту про кузнеца	34
Глава десятая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт, оставаясь в Тут, внезапно окажутся в Где-тотам	38
Глава одиннадцатая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт рассуждают по поводу «Тут» и «Где-тотам»	41
Глава двенадцатая, в которой Соломенный Губерт рассказывает, как он бывал в Гдетотам	42
Глава тринадцатая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт, находясь в Тут, решают, что очутились в Гдетотам	46

Глава четырнадцатая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт не могут сделать ни шагу	50
Глава пятнадцатая, в которой появляется непонятный Страж Дверей	55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ

Глава шестнадцатая, в которой Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой попадают в Зоологический Сад	59
Глава семнадцатая, в которой Попугай экзаменует Анечку-Невеличку и Соломенного Губерта	63
Глава восемнадцатая, в которой в сопровождении свиты появляется Верховный Правитель Зоологического Сада	71
Глава девятнадцатая, в которой Кролик недолго думая расправляется с Дипломом	75
Глава двадцатая, в которой Попугай вовсе спятил и выдал Соломенному Губерту с Анечкой-Невеличкой суровую тайну	79
Глава двадцать первая, в которой подтверждается пословица «Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты»	81

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

У МЛАДШИХ БРАТЬЕВ

Глава двадцать вторая, в которой Соломенный Губерт и Анечка-Невеличка входят в Царство Кукол	84
Глава двадцать третья, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт выходят не на той станции	88
Глава двадцать четвёртая, в которой Анечка-Невеличка идёт к Негритятам	91
Глава двадцать пятая, в которой среди Негритят воцаряется печаль	95
Глава двадцать шестая, в которой Негритята принимаются за работу	97
Глава двадцать седьмая, в которой Самый Старший Брат читает Летопись	102

Глава двадцать восьмая, в которой Анечка-Невеличка догадывается, почему у Негритят такая странная Летопись	108
Глава двадцать девятая, в которой мы узнаём, что происходило с Анечкой-Невеличкой, Соломенным Губертом и Негритятами, пока они спали	111
Глава тридцатая, в которой Корабль Пустыни следует вдоль берега Великого моря.....	119
Глава тридцать первая, в которой Корабль Пустыни рассказывает сказку про купца Абабу и трёх Сирен	121
Глава тридцать вторая, в которой Анечка-Невеличка удивляется, как быстро прошла дорога	125

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

У СТРАННОГО ГОСПОДИНА АНТОНИО

Глава тридцать третья, в которой станет известно, куда ехал ковёр, по которому шла Анечка-Невеличка	128
Глава тридцать четвёртая, в которой все идут на свои места	132
Глава тридцать пятая, в которой выясняется, что происходит с Анечкой-Невеличкой во время антракта	136
Глава тридцать шестая, в которой Соломенный Губерт станет клоуном	139
Глава тридцать седьмая, в которой господин Антонио рассказывает, что произошло, когда он ЗАТОНУЛ	143
Глава тридцать восьмая, в которой Соломенный Губерт хочет увидеть трёх Сирен	145
Глава тридцать девятая, в которой Анечка-Невеличка рассказывает про выгон.....	155
Глава сороковая, в которой Анечка-Невеличка, Соломенный Губерт и чёрный Козёл пускаются в путь	160

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

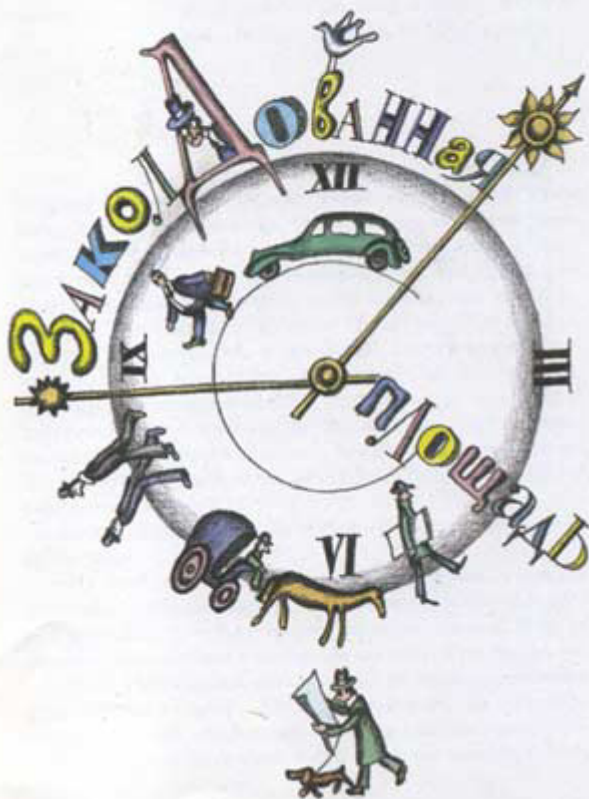
Глава сорок первая, в которой Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт оказываются за Стеной Последнего Приключения	168
Глава сорок вторая, в которой Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой ищут четвёртое колесо ...	172
Глава сорок третья, в которой Мартышка ведёт Соломенного Губерта и Анечку-Невеличку	176
Глава сорок четвёртая, в которой рассказывается, что случилось, когда Анечка-Невеличка задудела на Дудке	179
Глава сорок пятая, в которой говорится, кто были гости	184
Глава сорок шестая, в которой наконец-то выяснится всё про колесико	188
Глава сорок седьмая, в которой Соломенный Губерт рассказывает, как не повезёт Самокату, когда Самокат купят	192
Глава сорок восьмая и третья от конца	196

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСИКИ

Глава сорок девятая и предпоследняя	203
Глава пятидесятая и последняя	212

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава *в которой*
первая, *Анечка-Невеличка*
просыпается под голым небом
на Заколдованной Площади

«ОЙ, ПОБЬЁТ МЕНЯ ХОЗЯИН! —

подумала Анечка, за маленький рост прозванная Невеличкой. Подумала она так, услышав несмолкаемый перезвон, ничего хорошего обычно не предвещавший.— Видно, я проспала, и уже на колокольне звонят! Или баран задурил и удрал с выгона со всеми овцами, или амбар загорелся, и пожарники приедут. Если амбар загорелся, никто и не заметит, что я проспала. Хозяин наденет железную шапку и затрубит. Тру-ту-ту! Вот и затрубили. Не иначе — амбар загорелся! Хорошо ещё, что амбар! Загорись овцы — никому бы не погасить; как перины запылают, и палёным запахнет. А я бы их в пруд загнала! А если какая утонет, я не виновата... Только хозяин всё равно меня побьёт!»

Анечка-Невеличка прислушалась. Блям-м-м! — звякнуло снова.

«На овечьи колокольчики,— подумала она,— или на церковный звон не похоже. Похоже на велосипедный звонок почтальона, только громче, намного громче! Или на дверной колокольчик в лавке. Он звякнет, а ты говоришь: «Добрый день! Дайте, пожалуйста, на крону дрожжей!» или: «Добрый вечер! Дайте, пожалуйста, на двадцать грошей жёлтых леденцов!» — «Нету на двадцать грошей!»—скажет лавочник, а сам подденет лопаткой пять мятных шариков, вышлет мне на ладонь и спросит: «Как у вас курочки несутся?». «Сегодня тридцать яиц собрала»,— отвечу я. Потом скажу: «Благодарю вас!», и снова дверной колокольчик звякнет: блям-м-м!

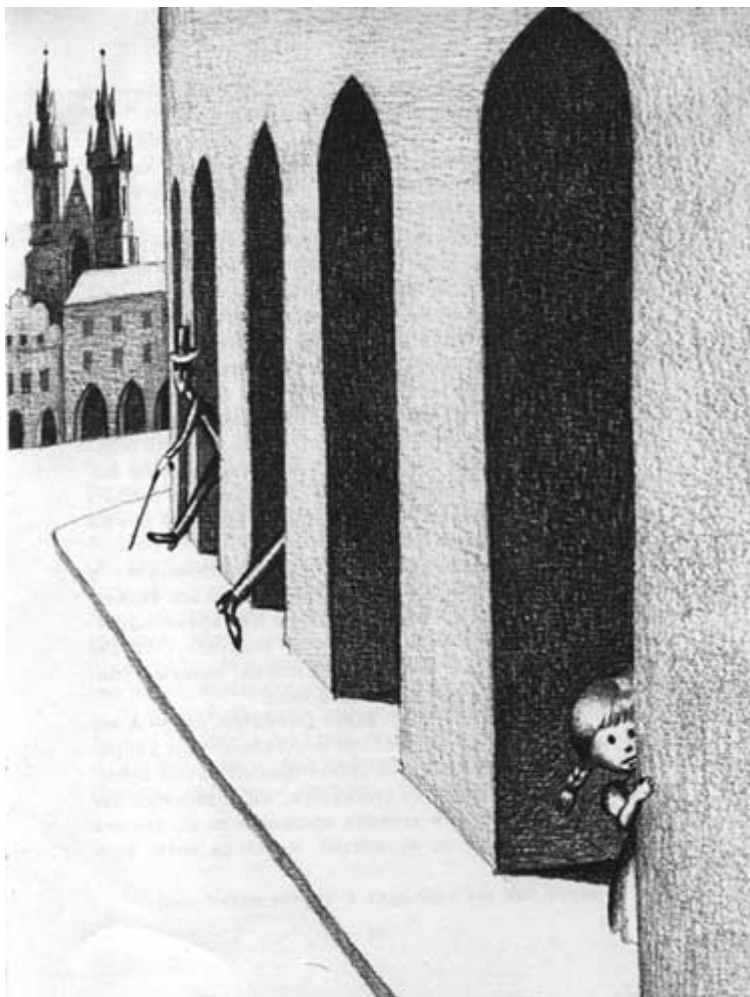
Знай хозяин, что лавочник угощает меня леденцами, я бы заработала затрецину. А это куда больнее тычка. Когда получишь тычка — поболит и перестанет. Дзынь! — звякнет боль и пройдёт. Поноет, правда, немножко. А от затрецины боль ударит — бу-бух! — и сразу слёзы потекут. Ох и больно! Отчего бывает так больно? Откуда мне знать! Я ведь всего-навсего Анечка-Невеличка, вот и зарабатываю затрецины! Кони затрецин не зарабатывают. Люди коней по гривам треплют».

При слове «кони» Анечкино сердце ёкнуло. Она втянула воздух и почуяла запах лошади. Батюшки! Она же забыла, что спит не за печкой, а в телеге! За печкой жарко, и мух там летом, словно в хлеву. Зато зимой за печкой тепло. Жёстко, а тепло. Летом всюду тепло, как за печкой. На телеге тоже. На телеге всегда есть солома. Она мягкая. А ещё на телеге лежит попона. Укроешься, и хозяин не увидит.

Знай хозяин, что Анечка спит в телеге, уж он бы закричал: «Безобразие! Ещё раз увижу — пойдёшь под окошки побираться!» А побираться под окошками стыдно. Люди дадут супу и выспрашивают: «А как вчера столяр мельничиху обозвал?» или: «Ты уже бегала за пивом?» Анечка не любит, когда выспрашивают друг про друга. Хорошо ещё, хозяин ничего не выспрашивает. Даст хлеба и скажет: «На вот, держи!» Я убегу на завалинку и рада, что меня ни о чём не выспрашивают.

Хозяин-то, кажется, запрягает. Когда кони не впряжены, телега не пахнет конюшной. Она пахнет соломой. А сейчас пахнет и соломой и конюшной.

Анечка выглянула из-под попоны. Двора вокруг не было. Отовсюду, словно в кузне, слышался звон.

«Плохо дело!—подумала она и зажмурилась.— Я спала и не заметила, что телега уже в кузнице. Хозяин, верно, коню ногу держит. А меня и не увидел! При кузнице он ругаться не станет. Раз, два, три!»

Она откинула попону, села и от удивления вскрикнула: «Оказывается, я на карусели!». Сперва ей и впрямь показалось, что она на карусели. Всё вокруг ехало и сверкало. Всё мчалось куда-то. Анечка протёрла глаза и торопливо, чтобы хозяин не заметил, прыгнула с телеги. Но что это? Земля оказалась твёрдой, словно Анечка соскочила с табуретки на кирпичный пол в чулане. Вот это да! Ступаешь по гладкому, как по церковным ступенькам, и глядишь по сторонам. И кажется, что ты посреди большой лесной поляны, а вокруг самые распрекрасные высоченные соборы. Такого даже на картинках не бывает! И смотрите-ка! Прямо по этой огромной поляне мчатся два маленьких красных поезда...

— Вот красота! — прошептала Анечка-Невеличка и тут же умолкла. Откуда ни возьмись, появился хозяин. Глядя себе под ноги и покачиваясь, он шёл прямо к телеге. «Сейчас заметит меня и побьёт!» — испугалась Анечка и мигом притаилась за большим столбом, который упирался в высокий-высокий чёрный свод.

«Я в городе, вот я где! — вдруг догадалась она.— А это площадь!» И Анечка ещё больше испугалась: ведь в городе, где хозяина не знают, он станет браниться ещё пуще, раз даже при соседях не стесняется. Ей захотелось заплакать и попросить у хозяина прощения за то, что она спала на телеге, а не за печкой, и всё на свете проспала.

А вдруг она всё ещё спит и просто видит сон?

Да нет же! И коней Анечка узнала, и телегу, и хозяина. И даже если кони были чужие, хозяин всё же был её хозяином, телега — его телегой, а раз она на этой телеге спала, то и кони, выходит, были хозяйские.

Вот хозяин потрепал их по гривам, вот вскарабкался на козлы, вот стегнул кнутом. Вот шевельнулись колёса...

Вот он причмокнул, и телега покатила. Теперь Анечке её не догнать, а если и догнать, то не вспрыгнуть на ходу и не успеть накрыться попоной, под которой она проспала всё на свете.

Телега между тем укатила, и Анечка-Невеличка перевела дух.

«Во сне ли я всё это вижу или наяву,— сказала она себе,— всё равно здесь очень красиво.— И сразу же подумала: — А есть ли в городе гуси? А овцы? А козы? А в какой стороне луг? А где лес? Окошек-то сколько, батюшки! Будто стеклянная лесенка в небеса! Неужто люди так высоко живут? Много же тут, как видно, народу — за всю жизнь с каждым и двух раз не поздоровашься, даже если под окошками побираться! А вдруг все здешние люди станут друг про дружку выпрашивать? А может, здешние люди все из поместья? Может, у них красивые шляпы, как у барыни из замка, когда она в собор едет? Вдруг здешние люди и вовсе чудные, а не такие, как у нас, и говорят на непонятном языке?»

И Анечка решила выйти из-за высокого столба, чтобы как следует разглядеть всю эту красоту.

Но тут у неё в руке оказался какой-то кружочек. Она разжала пальцы, и кружок — блям-м-м!—упал наземь.

Глава *в которой*
вторая, *с нами знакомится*
Соломенный Губерт

— ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ! — послышалось за столбом, стояло Анечке нагнуться за кружочком.

«Ишь ты! — подумала она.— А ведь я не ошиблась. Здешние и правда говорят непонятно. Выходит, и они не поймут языка, на котором я разговариваю с хозяином и овцами. Хозяин — тот меня понимает. И баран тоже. Стоит сказать: «Кыш из клевера!» — баран со всех ног удирает сломя голову. А когда он заблеет, я его тоже понимаю. Скажу: «Пасись давай!» — и он пасётся. Со здешними небось не столкнешься. И хорошо! Вот пойду побираться под окошками, станут люди друг про друга выспрашивать, а я скажу: «Не понимаю!» — и буду помалкивать. Когда помалкиваешь, не так страшно... »

Анечка разглядела упавший кружочек и очень удивилась:

«Ой, это пятак! Это пятак звякнул. Его, наверно, мне в руку положили. Надо бы спасибо сказать. А кому? Тут ведь никто не проходил. Откуда же тогда пятак взялся? Наверно, откуда ни возьмись, как я на Заколдованной Площади! Нет, просто я стояла-стояла — и уснула. Кто-то мне в руку положил его и ушёл. А спасибо я не сказала. Поэтому пятак — блям-м-м! — и выпал!»

Анечка огляделась и собралась подтолкнуть пятак с плитки на плитку, которыми, словно каменным полом, была покрыта земля.

— ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ! —

послышалось снова, да так близко, так близенько, что Анечка даже оглянулась.

Она увидела мальчика на голову выше её. Он растягивал щёки, точно гармонист гармонь, тряс головой, словно коза на выгоне, и — точь-в-точь куры на солнце — тарачил и закатывал глаза.

«Ну и странные тут люди! — подумала Анечка-Невеличка.— Видно, он у меня про кого-то выспрашивает. А вообще-то ничего странного! Когда щенок доволен, он вертит хвостом, когда смеётся — высовывает язык и моргает. Котёнок, если развеселится, заваливается на спинку и колотит задними лапками по воздуху. Хозяйка наша, когда чему-нибудь обрадуется, упирает руки в боки и вертит головой сначала справа налево, потом слева направо, и снова справа налево, и опять слева направо. А этот...»

На всякий случай Анечка раздумала дотрагиваться до пятака, но монетки коснулся башмак мальчика и решительно подтолкнул её с плитки на плитку.

— ШАХ! — сказал мальчик и громко засмеялся. Анечка-Невеличка была рада, что он засмеялся. Но

что же он сказал? ШАХ? Анечка решила запомнить странное слово. Оно, вероятно, означает что-то весёлое, очень весёлое, иначе бы мальчик так не хохотал. Стало быть, и здесь люди смеются? Вот хорошо! Анечка тоже любит смеяться и наверняка с ними столкнется. А вот плачут ли здешние люди? Если не плачут, значит, тут никого не бьют. Вот здорово! Только бы не плакали! Только бы никто никого не бил!

— ШАХ! — снова сказал мальчик, подталкивая пятак, пока тот не оказался рядом с Анечкиной ногой.

— Ах! — сказала Анечка-Невеличка и подтолкнула пятак с плитки на плитку. Мальчик расхохотался во всё горло и стал повторять:

АХ! АХ! АХ!

ШАХ! ШАХ! ШАХ!

Они принялись подталкивать пятак друг другу, и если Анечка говорила «ШАХ», мальчик говорил «АХ» — или наоборот.

«Так весело со мной никто никогда не играл, — думала между тем Анечка. — Хозяину не нравилось, если я с кем-нибудь играла. Поэтому играла я сама с собой. Подбрасывала картошки и приговаривала:

Раз! Раз! Раз!
Был в крыше лаз.
Был он чёрный, как могила,
В него галка угодила.
Вот тебе и лаз!
Раз! Раз! Раз!

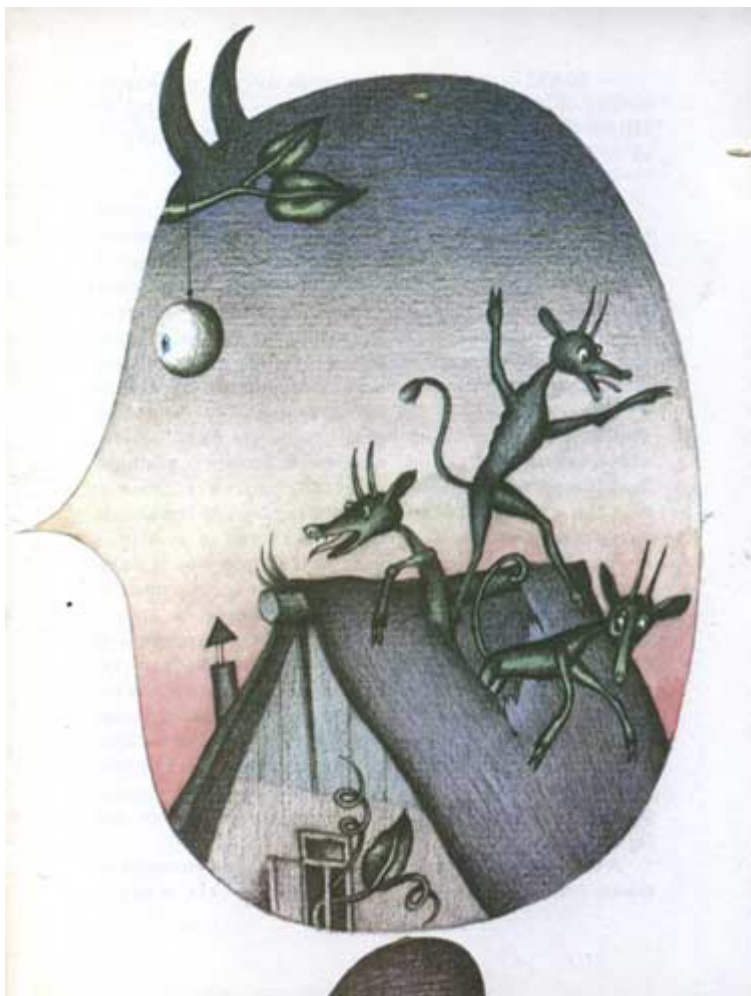
Раз! Раз! Раз!
Был в крыше лаз.
Там помоечная муха
Пауку жужжала в ухо.
Вот тебе и раз!
Раз! Раз! Раз!

Раз! Раз! Раз!
Был в крыше лаз.
Черти в этот лаз прокрались —
До смерти перепугались.
Вот тебе и сказ!
Раз! Раз! Раз!»

— ШАХ! — совсем весело сказала Анечка, но мальчик почему-то не сказал ни «ШАХ», ни «АХ», он сказал «ШАХ И МАТ», поднял с земли пятак и положил его себе на голову.

Этим, однако, дело не кончилось.

Положив пятак на голову, он взял его за краешек, словно это была маленькая-премаленькая шляпа, приподнял, как приподнимают шляпу, здороваясь друг с другом, господа из замка, а затем низко поклонился. Потом снова положил пятак на голову, снова взял его за краешек, словно это была маленькая-премаленькая шляпа, приподнял, как приподнимают шляпу, здороваясь друг с другом, господа из замка, и опять низко поклонился. Когда же он в третий, в четвёртый и в пятый раз положил на голову денежку и взял её за краешек, словно это была маленькая-премаленькая шляпа, а затем приподнял, как приподнимают шляпу, здороваясь друг с другом, господа из замка, и при этом низко поклонился, Анечка-Невеличка подумала, что мальчик неспроста в третий, в четвёртый и в пятый раз кладёт на голову пятак, берёт его за краешек, словно это маленькая-премаленькая шляпа, приподнимает, как приподнимают шляпу, здороваясь друг с другом, господа из замка, и затем низко кланяется, — ей показалось, что и она должна поклониться, но только чуточку, как барышни из замка; и когда мальчик в шестой раз положил на голову пятак, взял его за краешек, словно это была маленькая-премаленькая

шляпа, а затем приподнял, как приподнимают шляпу, здороваясь друг с другом, господа из замка, и низко при этом поклонился, поклонилась и Анечка-Невеличка, но только чуточку, как барышни из замка.

А поклонившись, но только чуточку, как барышни из замка, Анечка-Невеличка обнаружила, что слух её чудесно и тотчас преобразился: она стала понимать незнакомую речь, в которой есть такие непонятные слова, как «ШАХ» и «МАТ». Она услышала язык, который знала с малых лет и который прекрасно понимала и она, и хозяин, и лавочник, и овцы.

А сказал мальчик вот что:

— Позвольте представиться, я — Соломенный Губерт!

Глава *в которой*
третья, *мы узнаём,*
что означают слова
**«ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ
ТАМНИ ТАМЧАЙ»**

«СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ» — БЫЛО уже не так удивительно и непонятно, как «ШАХ» и «МАТ». Имя как имя! Губерт — это Губерт. Как Анечка — Анечка. Соломенный — фамилия. Как Железный, Коза, Быстрик, Новичок. В общем, ясно!

Встречаются фамилии поудивительней. Анечка знала Белоглавица, который был черноволос, Портняжку, работавшего сапожником, Косого, у которого глаза были не хуже, чем у прочих, и даже Бабку, который был дедкой.

Анечка обрадовалась, что в словах «Соломенный Губерт» нет ничего непривычного. Она обрадовалась, что странный язык, на котором говорил мальчик, внезапно сделался понятным и что на Заколдованной Площади люди зовутся не как-нибудь хитро, а «Соломенный», как Железный, Коза, Быстрик, Новичок. В общем, ясно!

Радовалась она недолго. Мальчик, держа в пальцах пятак, как держат зёрнышко проса или блоху, поднёс его к Анечкиным глазам и сказал: _

ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ!

«Опять эти ужасные слова! — подумала Анечка.^

Будь они хоть короткие, как слово «ШАХ». Так нет же! Длинные, противные слова. Разве их запомнишь?».

— **ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ!**— повторил Соломенный Губерт, словно бы что-то от Анечки требуя или словно обучая её своему языку.

— **ШАХ!** — сказала Анечка, чтобы хоть что-нибудь

ответить.

— **ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ!** —

опять повторил мальчик, держа пятак перед Анечкины-ми глазами.

«А что, если поклониться, но только чуточку, как барышни из замка? — подумала Анечка-Невеличка.— Раньше я поклонилась и сразу же стала всё понимать».

И Анечка поклонилась, но только чуточку, как барышни из замка. При этом нос её коснулся пятачка, который Соломенный Губерт держал в пальцах, как держат зёрнышко проса или блоху.

— **НЕ ПРОКАЗНИЧАЙ!** Я ведь предупредил: «**ТАМНЕ ТАМПРО ТАМКАЗ ТАМНИ ТАМЧАЙ!**» —воскликнул Соломенный Губерт и проговорил по слогам: — «**ТАМНЕ**»-это «**НЕ**», «**ТАМПРО**» —это «**ПРО**», «**ТАМКАЗ**»—это «**КАЗ**», «**ТАМНИ**» —это «**НИ**»...

— Ошибка! — перебила его Анечка.

Теперь она всё поняла. Стоит прибавить к любому слогу «**ТАМ**», и начинаешь говорить на непонятном языке. Однако было сомнительно, понял ли Соломенный Губерт Анечку, когда она заговорила на своём языке, понятном и ей, и хозяину, и лавочнику, и овцам.

— Какая ошибка? — удивился Соломенный Губерт. «Вот что значит поклониться, но только чуточку, как

барышни из замка! — подумала Анечка-Невеличка.— Сразу же начинаешь всё понимать, и тебя сразу же понимают!»— Какая? А вот какая!—сказала она.— Надо говорить «ТАМКА ТАМЗНИ»!

— Вот и нет! «ТАМКАЗ ТАМНИ»! А впрочем, всё равно* «КАЗНИ» получаются! — сказал Соломенный Губерт.

— Какие «КАЗНИ»?

— На которых казнят, вот какие! Теперь, я надеюсь, вам ясно?

Хотя Анечке-Невеличке было не очень приятно услышать про казни, она всё же обрадовалась, ведь ещё никто никогда не обращался к ней на в ы. На в ы обращаются к хозяину, хозяйке и лавочнику. К барану, например, обращаются на ты. На в ы следовало бы обратиться к барану, будь он Баран. Как Железный, Коза, Быстрик, Новичок. В общем, ясно!

— А кого казнят?..— опасливо спросила Анечка.

— Кого надо! Я предупреждал: «Не про-КАЗНИ-чай!» — а вы дотронулись до пятака.

— Я только носом! — испуганно прошептала Анечка и на всякий случай добавила: — С носа меньше спроса, чем соломы с проса!

— Тогда дело другое! Однако Смерть недалеко, и вы её увидите собственными глазами, потому что казнят... меня! Палач уже ходит ВОКРУГ ДА ОКОЛО!

— За что же вас казнят?

— А шляпу кто потерял? Я!

— Шляпу? Да она у вас в кармане!

— Эта? — засмеялся Соломенный Губерт, вытащив пятак. — Пятак не шляпа. А я потерял шляпу.

— Настоящую или такую же маленькую?

— Настоящую! Новую!

— Выходит, вас побьют?..

— Меня казнят! За солому спрос есть!

«Какие тут строгости!» — подумала Анечка-Невеличка. Она пожалела, что не попросила у хозяина прощения за то, что спала не за печкой, а в телеге на соломе, за которую, оказывается, есть спрос. Хозяин побил бы её, но не казнил. У них никого никогда не казнят. И палача у них нету. А здесь, на Заколдованной Площади, есть палач, и он ходит ВОКРУГ ДА ОКОЛО. Как это страшно!

— Где же вас казнят? — робко спросила Анечка-Невеличка.

— Тут! — сказал Соломенный Губерт и стал прыгать на одной ножке с плитки на плитку. При этом он выкрикивал, размахивая руками: — Был Соломенный Губерт, и нету Соломенного Губерта, и не бывать больше Соломенному Губерту!

— Как же нету, раз вы были Соломенным Губертом? — спросила Анечка и тут же вспомнила, что Божен-ка у них в деревне сперва была Быстрикова, а когда вышла замуж, стала Новичковой. Соломенный Губерт, наверно, тоже вышел замуж. Выйти замуж — значит надеть белое платье, положить на голову веночек и отправиться в церковь вместе с женихом.

— Да! Был я Соломенным Губертом! — сказал мальчик, прыгнув на одной ножке поближе к Анечке.— Видите вы на мне что-нибудь соломенное? — спросил он.— Может быть, у меня соломенные руки, соломенный нос, соломенный язык или соломенные волосы?

— Нет! Ничего соломенного!

— Значит, я — не Соломенный!

- Но если ваш отец был Соломенный, то и вы — Соломенный!
- Мой отец Соломенный? Никому бы не советовал так думать!
- Почему же вы были Соломенный?
- Потому что у меня было кое-что соломенное! — воскликнул мальчик и стал распевать:

Я Соломенную Шляпу
Раскрутил в руке.
И Соломенную Шляпу
Утопил в реке!
Если вещь утопишь —
В речке Влтаве то бишь! —
Значит, вещь лежит на дне,
Значит, нет её на мне,
Значит, есть за это спрос!
Вот ответ на ваш вопрос!

- Ой, вы потеряли Соломенную Шляпу!
- Правильно! Рассказать — как?
- Конечно!
- С одним условием. Если согласитесь играть в эстафету!
- А как это?
- Пока не скажу. Сперва дайте клятву, что будете играть!
- Даю клятву! — сказала Анечка-Невеличка, хотя и опасалась, что играть в эстафету так же страшно, как потерять Соломенную Шляпу, и за это, наверно, тоже могут казнить.
- Что ж, слушайте! — сказал Соломенный Губерт, перестал прыгать на одной ножке с плитки на плитку, уселся под столбом, упирившимся в высокий-высокий черный свод, и начал рассказывать.

Глава *в которой*
четвёртая, *Соломенный Губерт*
рассказывает,
как он потерял шляпу

— ДЕЛО БЫЛО ВОТ КАК. УВИДЕЛ я однажды десять соломенных шляп сразу. И не у людей на голове, а за большим-большим, огромным окном. Было их ровно десять. Сперва я пересчитал слева направо. Десять! Потом пересчитал справа налево. Тоже десять! И все соломенные!

«НОСИ СОЛОМЕННУЮ ШЛЯПУ — ЗАБУДЕШЬ ГОЛОВНУЮ БОЛЬ!» — было написано на плакате за большим-большим, огромным окном. А я носил берет. Поэтому я не забыл про головную боль, и голова у меня разболелась, как редко у кого! Я сказал про это дома. Каждый день она болела, как редко у кого, и каждый раз я дома говорил про это. Дома не вытерпели и купили мне соломенную шляпу. И голова у меня сразу же перестала болеть.

Теперь мы с ребятами играли только в «десять голов». Я был Соломенная Голова. Кто-нибудь крикнет: «Соломенная Голова, ниже, чем трава!» — я сдёргиваю шляпу и кладу на ступеньки. А если крикнут: «Соломенная Голова, выше, чем дрова!» — шляпу нахлобучиваю.

Дома в Соломенную Голову я играл сам. Натяну шляпу на уши, и получается призрак. А на самом деле это я. Или поскачу по комнатам — своя голова платком накрыта а Соломенная в руках. И получается Всадник Без Головы. Это тоже я.

Всех-всех я вызывал на единоборство. Выскользнет, когда умываюсь, мыло из рук, я его сразу же на единоборство вызываю. И всё без остатка смылю. На вешалке висит чёрное пальто, а я-то знаю, что это могильщик. Вызываю его на единоборство и цепочкой рукава ему связываю. Ещё вызвал на единоборство электрическую лампочку. Сперва зажгёт её, потом взял и погасил!

Вызовешь кого-нибудь на единоборство, а тебе сразу же говорят: «Не проказничай!» Только и слышишь — не проказничай да не проказничай! Или — «не озорничай!», или — «не докучай!».

Я взял и записал в тетрадке:

НЕ ПРОКАЗНИ-ЧАЙ!

НЕ ОЗОРНИ-ЧАЙ!

НЕ ДОКУ-ЧАЙ!

Да это же секретный шифр! Всё заканчивается одним и тем же словом: ЧАЙ-ЧАЙ-ЧАЙ. Ох уж этот ЧАЙ! Надоел он мне прямо не знаю как! По утрам особенно. Гулять пора, а дома говорят: «Выпей чай!» И приходится пить. А вчера я взял и записал в тетрадке: «ВЫПЕЙ ЧАЙ!» А потом переставил слова. Получилось «ЧАЙ ВЫПЕЙ!». И шифр был разгадан. Оказывается, чай принадлежит Выпяю. Птицам таким болотным. Значит, пил я не свой чай! Значит, я могу поплатиться за это! Значит, единоборство!

Если чаю выпью,
Будет битва с Выпью! —

сказал я себе и стал ждать Выпь.

Поздним вечером проезжал автомобиль, и у него глаза светились. Он как загудел: БИП-БИП! Но я-то сразу понял, что это «ВЫПЬ-ВЫПЬ!»! Это она кричала. Жаль, что мне поздно не разрешают гулять, а то бы я вызвал её на единоборство. Так и просидел у окна. А на улице то и дело — БИП-БИП! Даже страшновато иногда было.

Под вечер в воскресенье я пошёл на набережную. Спустился к воде и жду Выпь. А она затаилась. Ну, думаю, поиграю пока в Соломенную Голову. Только хотел сказать: «Соломенная Голова, выше, чем дрова!», меня как кольнут копьём в локоть! Тогда я крикнул: «Соломенная Голова, ниже, чем трава!» — и поглядел на локоть. На локте был волдырь и очень жгло.

Выпь вызвала меня на единоборство!

Я шляпой заслонился и жду. Вдруг вижу — туча летит. Выпь комариную Тучу против меня послала. Я сразу же вызвал Тучу на единоборство. Уцепился за шнурок на шляпе и раскрутил её, чтобы Тучу накрыть. А она в стороны всё время разлетается. Тут меня снова как ткнут копьём! Я опять ловить Тучу! А на меня летит чёрное что-то. Это была Выпь, превратившаяся в ночную бабочку. Я сразу же вызвал её на единоборство, прыгнул и махнул шляпой! И в руке у меня только шнурок остался. Шляпа улетела, а Туча за ней. Потом Туча её понесла. Потом нести перестала, и шляпа упала в воду.

Люди уже возвращались с прогулки. Играла музыка. А я пошёл домой, где только и знают, что говорят: «Не проказничай!» И всегда по-особенному: «Не про-казни-чай!», да ещё грозят пальцем. Я так и записал в тетрадке: «Не про-КАЗНИ-чай!» Потом написал отдельно «КАЗНИ». Я понял, что буду казнён, и сказал себе:

Понял в воскресенье я,
Что в понедельник казнь моя!

Вчера было воскресенье. Сегодня понедельник. Утром я опять сказал себе:

Понял в воскресенье я,
Что сегодня казнь моя!

И чтобы скорей всё кончилось, пока дома не узнали про Соломенную Шляпу, я пришёл сюда, на Старомест-скую площадь, где в давние времена совершались казни. Был Соломенный Губерт, и нету Соломенного Губерта, и не бывать больше Соломенному Губерту!

Глава *в которой*
пятая, *Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт начинают играть в эстафету*

— А ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ в эстафету! — сказал Соломенный Губерт, закончив свою историю.

— Можно узнать у вас про одну вещь? — спросила Анечка.

— А меня нету! Я на казни! — крикнул он и спрятался за столб, упавшийся в высокий-высокий чёрный свод.

— Я попрошу палача не казнить вас. Покажете мне его, когда он пройдёт около?

— Не ОКОЛО, а МИМО. Если он пройдёт ОКОЛО, ему придётся ходить ВОКРУГ ДА ОКОЛО!

— Так? — спросила Анечка-Невеличка и принялась ходить вокруг столба.

— Так! Ну-ка поймите меня!

Анечка, продолжая ходить ВОКРУГ ДА ОКОЛО столба, пыталась схватить Соломенного Губерта за руку, но тот всякий раз, хохоча, исчезал за столбом.

— Прохаживайтесь ОКОЛО! Прохаживайтесь! — весело кричал он.

— Так не поймаешь!

А вы попробуйте пройти МИМО!

Анечка-Невеличка, перестав кружить, быстро прошла МИМО Губерта и сразу же дотронулась до его руки.

— Вот и поймала! — сказала она, улыбнувшись.

— Именно так меня поймают и палач! Кстати, он уже

ДЕРЖИТ ПУТЬ... И кажется, **МИМО...**

— **ДЕРЖИТ ПУТЬ?** — удивилась Анечка.—Он **ПРОЙТИ** должен!

Тогда Соломенный Губерт показал ей усатого велосипедиста, ехавшего вдоль тротуара.

— Видите усатого?

— Разве он **ДЕРЖИТ ПУТЬ?** Он просто на велосипеде едет!

— А в руках у него что, по-вашему? — спросил Соломенный Губерт.

— Руль.

— А путь не зависит от руля, по-вашему?

— Ещё как зависит! — согласилась Анечка.

— Вот и выходит, что в руках он **ДЕРЖИТ ПУТЬ. ВОКРУГ ДА ОКОЛО** или **МИМО?**

— Раз он едет вдоль тротуара, значит — **МИМО!**

— Тогда он схватит вас! Спасайтесь!

Никогда! — спокойно сказал Соломенный Губерт.— Чем он схватит, усами, что ли? У него же руки заняты. Он в них ПУТЬ ДЕРЖИТ.

— И правда! — обрадовалась Анечка-Невеличка.

— Теперь поиграем в эстафету?

— А как?

— Я дам вам пяточок, а вы побежите на ту сторону улицы. Вон туда, видите?

— Вижу!

— Там положите его на какую-нибудь плитку. Только чтобы я не видел, на какую. Я прибегу и начну искать. Найду — побегу дальше и тоже положу на какую-нибудь плитку так, чтобы вы не знали, на какую. Вы найдёте его и побежите ещё дальше. А потом побегу я. А потом опять вы. Понятно?

— Понятно. Кто начинает? — спросила Анечка.

— Вы.

— Только не подглядывайте!

— Ещё чего!

И Анечка-Невеличка побежала.

Глава *в которой*
шестая, *Анечка-Невеличка*
бежит с пяточком,
но не добегает,
потому что видит Смерть
собственными глазами

ОХ И ЗДОРОВО БЫЛО БЕЖАТЬ!

Ни камушка не попало, ни крапивы. Даже чертополох за всю дорогу не встретился — а уж он как вопьётся в подол, потом еле отдерётся. Вот как здорово бежалось Анечке! Никогда ей так не бежалось.

Жаль, пробежала она совсем немного. Вот столько! Всего столечко!

Ей пришлось остановиться, потому что возле длинного коридора под красивым чёрным сводом, куда Анечка прибежала и где должна была положить пяточок, стояло столько народу, сколько бывает, когда что-нибудь случится и люди на что-то глядят.

На что они тут глядели? На что же они глядели? Люди, стоявшие тут и на что-то глядевшие, вообще-то глядели вверх, словно бы в небо. Что же там было, в небе? В небе не было ничего. В небе было небо, да и было его всего столько, сколько бы увидела Анечка, глядя она сквозь растопыренные пальцы.

Что же тогда разглядывали люди, если в небе не было ничего, а всего вот столько, всего столечко неба? Сказать по правде, люди вовсе и не глядели в небо — они гляделивверх, но не в небо. На что они, спрашивается, тогда глядели?

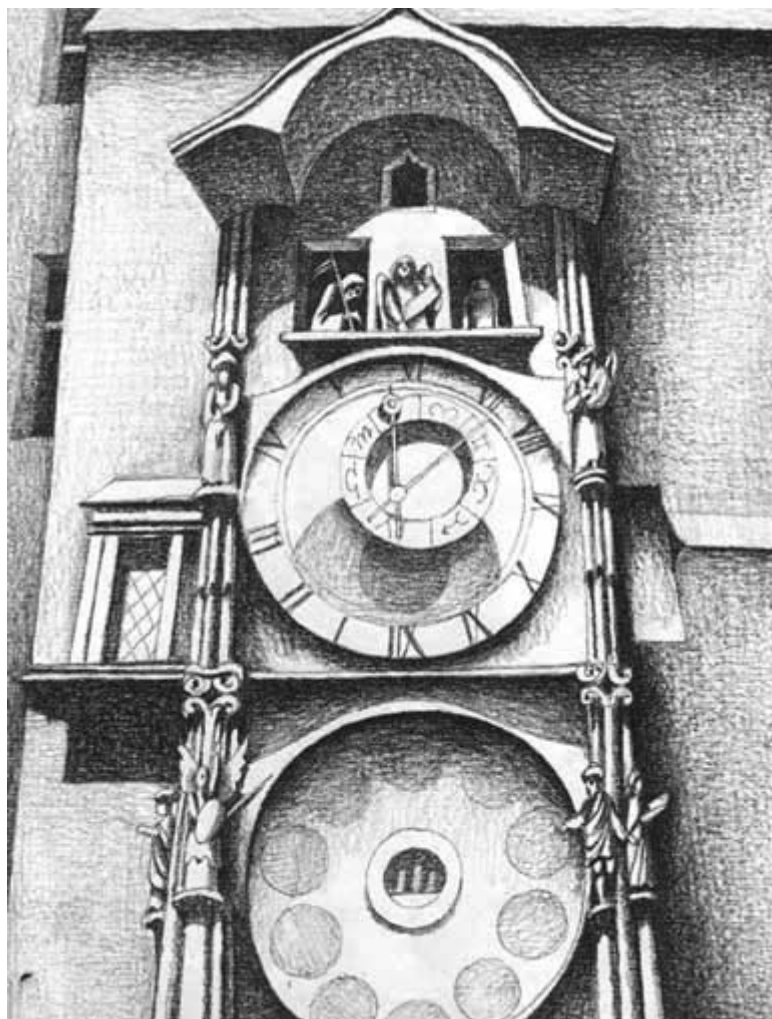
То, на что они глядели, было прекрасно и находилось высоко, но всё-таки не было небом, хотя и было прекрасно, как небо, даже прекрасней, в тысячу раз прекрасней. Находилось оно высоко, почти в небе, и было словно прекрасная картина, висящая на круглой прекрасной башне. А над ним, только гораздо выше, была вроде бы подвешена, хотя вовсе и не подвешена и всё-таки словно бы подвешена, большая золотая клетка.

Оттого, что люди, стоявшие тут, глядели вверх, стала глядеть вместе со всеми и Анечка. А пока Анечка-Невеличка глядела вместе со всеми вверх на прекрасную клетку, находившуюся высоко и вроде бы подвешенную, хотя вовсе и не подвешенную и все-таки словно бы подвешенную, сверху послышалось: б л я м! б л я м! б л я м! И звон этот был прекрасен — блям! блям! блям!—и прозвонило двенадцать раз: блям! блям! блям!

А когда прозвонило двенадцать раз — блям! блям! блям! — клетка, большая золотая клетка, вроде бы подвешенная, хотя вовсе и не подвешенная и всё-таки словно бы подвешенная, отворилась, и в ней появилась такая красота, что Анечка даже позабыла положить на тротуарную плитку пяточок, но так, чтобы Соломенный Губерт не видел, на какую.

В клетке появилась кукла — большая, как святые в соборе. Она немного постояла и, когда все на неё нагледелись, куда-то ушла. Едва она ушла, появилась другая кукла, тоже большая, как святые в соборе; она тоже немного постояла и тоже куда-то ушла, когда все на неё нагледелись. Едва она ушла, появились ещё и третья, и четвёртая, потом пятая и шестая куклы. Но когда, постояв немного, они ушли, появились восьмая и девятая, затем — следующие, и, наконец, двенадцатая кукла, тоже большая, как святые в соборе; она тоже немного постояла и тоже куда-то ушла.

А потом, когда она тоже немного постояла и тоже куда-то ушла, высоко, очень высоко на прекрасной башне, в окошечке прекрасной клетки, которая была вроде бы подвешена, хоть вовсе и не подвешена и всё-таки словно бы подвешена, появилось нечто страшное. И оно было прекрасным, хотя и страшным. То, что появилось — страшное, хотя и прекрасное,— было Смертью, и Смерть эта звонила в колокольчик, а потом кланялась, и это было страшно, хотя и прекрасно. Позвонит в колокольчик, а потом кланяется.

Когда Смерть вдоволь назвонилась и накланялась и дверка, словно бы её захлопнул ветер, затворилась, а Смерть, которая сколько звонила, столько и кланялась, исчезла за этой дверкой, наверху, над большой золотой клеткой, прокричал петух.

И хотя дверка затворилась, а Смерть исчезла и прокричал петух, люди, стоявшие внизу, всё ещё глядели вверх, словно бы ожидая, когда дверка снова откроется. Анечка-Невеличка тоже глядела вверх вместе со всеми на прекрасную золотую клетку, которая была вроде бы подвешена, хотя вовсе и не подвешена, и всё-таки словно бы подвешена.

Потом все стали о чём-то перешёптываться и смеяться, но так как прекрасная дверка золотой клетки больше не открылась, разошлись кто куда, однако по дороге останавливались и снова глядели и только потом расходились поодиночке — кто туда, кто сюда, а кто ещё куда-то; или вместе — эти туда, а те сюда.

А так как всё, что произошло, было удивительно и прекрасно, Анечка-Невеличка поглядела ещё раз вверх, потом ещё раз вниз, потом снова вверх, а потом опять вниз.

Тут она вспомнила предупреждение Соломенного Губерта и удивилась, что он оказался прав: Смерть действительно была недалеко, и Анечка увидела её собственными глазами. Затем она вспомнила, что надо пробежать ещё вот столечко и положить на какую-нибудь плитку пятак, но так, чтобы Соломенный Губерт не видел, на какую.

Она пробежала ещё вот столько, всего вот столечко, а когда вбежала под высокий свод, положила пятак на одну из плиток и поглядела в сторону высокого столба, видел Соломенный Губерт или не видел.

Но сколько Анечка ни смотрела, Соломенного Губерта нигде не было, и она не знала, подглядывает он или не подглядывает. Тогда она повернулась в сторону длинного коридора под высоким чёрным сводом и увидела большое-большое, вернее сказать, огромное окно, за которым оказалось нечто столь удивительное, что Анечка-Невеличка забыла и про пятак, и про Соломенного Губерта, а только глядела да глядела, раздумывая, что бы это — столь удивительное — могло быть за большим-большим, вернее сказать, огромным окном.

Что же там было?

Глава *в которой*
седьмая, *Анечка-Невеличка видит*
за большим-большим, вернее сказать, огромным окном
нечто удивительное

БЫЛО ОНО СТЕКЛЯННЫМ, СЛОВНО зеркало, за которым что-то происходит. Словно бы зеркало и словно бы не зеркало, хотя и было стеклянным. Было оно словно рама, но огромная, большая рама, за которой преспокойно могли поместиться комната, кухня, амбар и ещё комната. И за огромной этой, вернее сказать, очень большой рамой стояли стеклянные одноногие кругляки— точь-в-точь высокие грибы! — а возле каждого сидели чёрные, будто собравшиеся на похороны, мужчины в чёрных костюмах и белые, будто собравшиеся на свадьбу, дамы в белых платьях. На головах у белых дам были красные, голубые и золотые шляпы, такие большие, что дамам невозможно было заглянуть в глаза. Чёрным мужчинам в чёрных костюмах тоже невозможно было заглянуть в глаза, потому что перед глазами держали они огромные, вернее сказать, очень большие страницы и, как на похоронах — ну просто совсем как на похоронах! — пели по нотам. Что они пели? Что же они пели? Анечке показалось, что поют они вот что:

Прорасти, душа, из мрака,
Как горошина из праха;
Будешь ты весной в стручках,
Стережёт их дед в очках,
Он приятель живодёра;
Упаси нас от раздора!
Аминь!

Или, может быть, пели они вот что:

Чёрная стена во ржи,
Нам дорогу укажи,
Чтобы в поле не пропасть нам,
Чтоб в болото не попасть нам,
Где могилки у реки
И блуждают огоньки.

Могли они петь ещё и вот что:

Ой могила, ты могила,
Впрямь ли жизнь в тебе уныла?
Есть ли в речках твоих раки?
Есть ли в поднебесье птицы?
Много ли в полях зайчишек,
Бьют ли серых из ружьишек?
Иль в картошки целится,
Кто в тебе поселится?

Пели мужчины ещё что-то очень грустное и при этом — совсем немножко, просто чуточку — отхлёбывали из маленьких белых напёрстков, по виду простоигрушечных. Отхлебнув глоток, они разглаживали усы, а потом прикладывали к лицу большие красивые полосатые платки и плакали.

У белых дам в белых платьях и в красных, голубых и золотых шляпах, таких больших, что дамам невозможно было заглянуть в глаза, были огромные, вернее сказать, очень большие рты, словно бы дамы держали в них розы. И когда дамы что-то шептали, казалось, что розы раскачивает ветер. Дамы шептали и слушали пение чёрных мужчин в чёрных костюмах, а те, по всей вероятности, пели вот что:

Роза, роза, ночь настала.
Дней минувших не вернёшь.
Ты почти уже увяла
И до святок пропадёшь.

И начнут тебя метели
Снегом белым засыпать.
Роза, роза, неужели
Не воскреснешь ты опять!

Дамы слушали и молчали; а пока они молчали, между стеклянных одноногих кругляков расхаживали три чёрных господина в чёрном — высокий, средний и невысокий, просто совсем низенький; они не присаживались ни на минутку, а только расхаживали и кланялись, да ещё носили на руке большие белые башни и не переставая кланялись. Не переставая кланяться, они зажигали спички и светили белым дамам в белых платьях и больших шляпах в глаза, и вдруг оказывалось, что в глаза можно заглянуть. Глаза у дам были большие, словно у кошек, только больше, намного больше! А три чёрных господина в чёрном — высокий, средний и невысокий, просто совсем низенький,— которые всё время кланялись и носили белые башни, и зажигали спички, и светили белым дамам в белых платьях и в больших шляпах в глаза, эти три господина не пели, а постоянно что-то приговаривали.

Что же они приговаривали?

Приговаривали они, вероятно, вот что:

Отыскали в буераке
Замечательную кадь.
Все, какие есть, собаки
Стали прыгать и скакать!

Что же, что же в той кадлушке?
Там заморская княжна —
Не богаче побирушки,
Но прекрасна и нежна!

Тут пришёл колдун-пустынный
И упрятал кадь в подкоч;
Прилетел с ним дрозд-рябинник,
А потом настал потоп.

Или, может быть, приговаривали они вот что:

Перед самым алтарём
Примостился хитрый гном;
Что-то шепчет и бормочет,
Свечи гасит, ножик точит
Коротышка-бормотун.
Этот гном и есть колдун!

Могли они приговаривать ещё и вот что:

Чёрный мак в саду цветёт,
Марья замуж не идёт,
Всё мотает пряжу, пряжу:
Не просите — не уважу,
Замуж, мол, успею!
Что нам делать с нею?

Что же это была за огромная, вернее сказать, очень большая рама, за которой стояли стеклянные одноногие кругляки — точь-в-точь высокие грибы? Что же это были за чёрные мужчины в чёрных костюмах, белые дамы в белых платьях и в больших шляпах и три чёрных господина в чёрном — высокий, средний и невысокий, просто совсем низенький, — причём было всё это словно бы зеркало и словно бы не зеркало, а всё-таки зеркало, за которым что-то происходит?

Внезапно, откуда ни возьмись, появился рядом с Анечкой-Невеличкой Соломенный Губерт, и она спросила, что же это такое — словно бы зеркало и словно бы не зеркало, а всё-таки зеркало, за которым что-то происходит?

Соломенный Губерт поглядел, куда показывала Анечка, и сказал:

— ТАМТАМ ТАМБАР!

Глава *в которой*
восьмая, *Анечка-Невеличка не может столкнуться с Соломенным*
Губертом по поводу разных слов

— АМБАР? — УДИВИЛАСЬ АНЕЧКА. ТАМТАМ ТАМБАР! — повторил Соломенный Губерт.

— Вы не так сказали: надо — ТАМАМ ТАМБАР! ТАМТАМ ТАМБАР!—упрямо повторил Соломенный Губерт.

— Тогда «амбар» не получается! И разве там амбар?

— Там бар!

— Тамбаров у нас в деревне нету, одни амбары.

— Что вы про какой-то амбар заладили? Там — обыкновенный бар! — рассердился Соломенный Губерт, показывая туда, где было словно бы зеркало и словно бы не зеркало, а всё-таки зеркало.

— А у нас говорят «амбар»!

— Бар!

— Бар так бар! А телеги и кони где же?

— Откуда тут коням взяться? — удивился Соломенный Губерт.

— У нас возле бара-амбара всегда телеги и кони есть.

— Неужто за столиками сидят?

— Что вы! Иногда стоят, а иногда лежат.

— А заказывают кофе с молоком или мороженое?

— Мороженое? А что это?

— Такая вещь замороженная.

— Нос, что ли? — предположила Анечка.

— Да нет! Такая замороженная вещь, которую едят.

— Снег, значит! Верно! Лошади иногда едят снег.

— Мороженое — замороженное и сладкое!

— Значит, не снег...

— Заказывают они мороженое или не заказывают?

— А зачем?

— Чтоб съесть!

— Да они овёс едят.

— Из тарелки или из чашки?

- Овёс насыпают в мешочек.
 - Я себе тоже закажу когда-нибудь!
 - Овёс? — удивилась Анечка.
 - Кофе с молоком в мешочек!
 - В мешочке кофе только в зёрнах бывает.
 - Зёрна я не пью. А конь не разобьёт зеркало?
 - Какое зеркало?
 - Ну в раздевалке.
 - А разве в амбаре...
 - В баре!!!
 - ...есть раздевалка?
 - Конечно! Кто пудрится, кто шляпу нахлобучивает, кто меха поправляет! — объяснил Соломенный Губерт.
 - А у нас говорят «мехи»!
 - Какие такие «мехи»!
 - Для огня! В кузнице!
 - Что ещё за «вкусница»?
 - Кузница! Где кузнец!
 - Понятно! Лужайка, значит, с кузнечиком?
 - Не лужайка и не кузнечик, а кузнец!
 - Что ещё за кузнец такой? Ну-ка расскажите!
- И Анечка-Невеличка стала рассказывать Соломенному Губерту про кузнеца.

Глава *в которой*
девятая, *Анечка-Невеличка рассказывает*
Соломенному Губерту про кузнеца

Кузнец — это большой чёрный человек, который встает вместе с солнцем и съедает большую тарелку похлёбки. Все люди не сильные, а кузнец — сильный. Возьмётся за телегу, подставит под неё спину, приподымет и снимет колесо.

Только начало светать, и в небе ещё заря, а кузнец уже стоит возле большой чёрной дыры, похожей на чёрную карету, бросает туда горстями уголь и качает мехи. Да при этом ещё курит трубку. Курит и подкачивает. Отовсюду прилетает воздух и раздувает искры. Искры эти вовсе не похожи на голубые звёзды за туманом, а похожи на цветы, засыпанные золой.

Вдруг в окошке взлетает пламя. Кузнец затынется своей трубкой, а из чёрной дыры, возле которой он качает мехи, выскакивает большой огонь. И тут в кузне настает утро.

Потом кузнец наденет чёрный кожаный фартук, схватит клещами железо, опустит в огонь и подкачает мехи. Возле его сапога пробегает крыса. Кузнец и не замечает. Он глядит на железо, которое желтеет, желтеет и вдруг делается красным, как огонь. Даже не разберёшь, где огонь, а где железо.

Тогда кузнец перестаёт качать мехи, вытягивает клещами железный огонь, и тот сыплется на землю, словно цветы. Возле кадушки бегают крысы, и глаза у неё тожекрасные. Вот кузнец опускает железный огонь в кадушку с водой — в кадушке как зашипит! — и крыса убегает. И кошка убегает. А птицы улетают.

Потом кузнец кладет железо на наковальню и колотит по нему кувалдой. Искры летят большущие, как мяч. И маленькие искорки отскакивают в стену. Кузнец колотит кувалдой и молчит. Иногда, правда, поёт. Только его не слышно. А поёт он вот что:

*Шёл на плаху, был не весел,
Буйну голову повесил.*

*«Зажигайте тридцать свечек.
Тридцать я сгубил овечек.*

*Скоро с жизнью я расстанусь —
Чёрным воронам достанусь,*

*Да медведям с упырями,
Да ежам с нетопырями...»*

*Он со всеми распрощался
И на ёлке закачался.*

*Вороньё над ним маячит,
Да никто по нём не плачет.*

Курицы кудахчут и бегают по огороду. Кузнец колотит кувалдой и поёт. Мимо телега проехала. Кто-то входит в кузню. Кузнец не слышит. Колотит и поёт. Человек стоит в кузне, а кузнец его не замечает. У кузнеца только искры и дым перед глазами. Человек здороваются. Потом ещё здороваются. Тут кузнец его слышит. Потом видит его, перестаёт

колотить и выходит из кузницы. А там стоит телега, а на телеге лежит плуг. Он снимает плуг, взваливает на спину и несёт.

Потом коней подковывает.

Потом возвращается, опять заходит в кузницу, качает мехи и дымит. И кошка возвращается, хотя, того и гляди, снова убежит. А кузнец качает мехи и поёт. Поёт он теперь вот какую песню:

*«Ой на горке вырос цветик,
Ты его понюхай, светик!»*

*«Мне твой цветик не в понюшку,
Сена дам коням в кормушку!»*

*«Сена ты им не стели —
Наши кони не пришли.*

*Ты их в городе ищи,
На базаре пощи;*

*Возле мельничной стены
Кони съели белены.*

*Возле мельничной ограды
Ели сало конокрады.*

*Их разбойные ножи
Перерезали гужи.*

*А ножам, брат, не перечь —
Поучись коней стеречь...»*

И тут наступает полдень. Кузнец бросает железо и нянчит двоих детей. Хотя он и чёрный, дети его не боятся. А кузнец качает их на руках и поёт: Повезли её в грозу На намазаном возу.

*В землю закопали,
Надпись написали:*

*В королевском замке
Взяли муху в мамки.*

*С королевского стола
Муха ела и пила.*

*Каши не доела —
В супе околела.*

*Повезли её в грозу
На намазаном возу.*

*В землю закопали,
Надпись написали:*

*В королевском замке
Взяли муху в мамки...*

Кузнец нянчит детей и поёт дальше. Потом поест похлёбки и снова поёт. А в конце споёт так:

*В землю закопали,
Горько зарыдали.*

И тут песня кончается.

Вдруг гром как загремит! Это кузнец опять идёт в кузню. А дети глядят, как он качает мехи и как в окошке взлетает пламя. Поглядят-поглядят и убегают.

Зимой, когда снег, кузнец набирает его в кадушку и опускает туда железный огонь. В кадушке как зашипит! Но никто и не шевельнётся. А снег идёт. Кузнец закрывает дверь и греет руки в чёрной дыре. Кузнец чёрный-пречёрный, но печная труба ещё чернее.

Вечером он идёт из корчмы и опять распевает:

*Ой да что за палец —
Всё болит, докучный!
Ой да что за танец,
Если парень скучный?*

*Олариа-ола! Если скучный будешь,
Разболится палец —
Танцы позабудешь!*

Потом кузнец уснёт и спит. Спит до самого утра. Вот что такое кузнец.

Глава *в которой*
десятая, *Анечка-Невеличка*
и Соломенный Губерт, оставаясь в Тут, внезапно окажутся
в Гдетотах

РАССКАЗЫВАЯ ПРО КУЗНЕЦА,

Анечка-Невеличка шла всё время за Соломенным Губертом по длинному коридору под высоким чёрным сводом. Когда длинный коридор кончился и не стало свода, они очутились у дома, который оказался таким большим, что просто конца ему не было.

Был он весь из стекла, и в нём было всё. Прямо сразу, за бесконечным стеклянным окном, стояли дамы, с виду словно бы куклы; стояли они толпой, глядели и не моргали. Было удивительно, что они стояли, глядели и не моргали, однако это было так. Каждая странно поднимала вверх руки, причём все они не шевелились, а только стояли, глядели и не моргали.

Соломенный Губерт несколько раз махнул рукой, словно хотел поймать муху, и Анечке интересно было, моргнут дамы или не моргнут. Но дамы не моргали, а всё время глядели и стояли со странно поднятыми вверх руками.

Одна из них, тоже со странно поднятыми вверх руками, поднимала их как-то по-особенному. Она словно бы манила пальцем, приглашая куда-то, за бесконечное стеклянное окно, мимо остальных дам, которые стояли, глядели и не моргали. У дамы этой, которая словно бы манила пальцем, приглашая куда-то, рот был приоткрыт, и она, казалось, говорила вот что:

Заходите к нам с колядкой,
Только дверь закройте,
Ведьму вредную украдкой
В дом не приведите.
А не то она с берёзок
Наломает вскоре
Гибких прутьев, чёрных розог
Неслухам на горе.

Или, может быть, говорила она вот что:

Не ходи на сеновал,
Там гончар заночевал;
Всех, кто ел хозяйкин мёд,
Он в котомке унесёт!

Могла она говорить ещё и вот что:

Ну-ка, те и эти,
Все за мною, дети!
В рощу за плотину
Собирать малину
Или рвать полынь-траву,
Или лютики во рву,
Или маргаритки
Около калитки;
За калиткой у ворот

Золотой дракон живёт,
Он дворец нам отопрёт!
Этот, эта, тот и та,
Отворяйте ворота!

Анечка-Невеличка с радостью пошла бы за дамой, странно поднимавшей вверх руки и словно бы манившей пальцем, приглашая куда-то, и Соломенный Губерт тоже с радостью бы пошёл, но в бесконечном стеклянном окне нигде не было стеклянных дверей, которые бы отворились. Как же могла Анечка-Невеличка пойти куда-то и куда мог пойти Соломенный Губерт, если в бесконечном стеклянном окне нигде не было стеклянных дверей, которые бы отворились?

А как там было красиво, в бесконечном стеклянном окне! Там было всё. Были там кровати, великолепные и прекрасные, были там стулья, были там столы, было там всё на свете. Ещё там был конь, и барабан, и поезд. И было там ещё много всего: были там кавалеры, дамы, дети и деревья, было всё. Да! Там было всё!

Пока Анечка-Невеличка удивлялась, что там есть всё на свете, и пока огорчалась, что в бесконечном стеклянном окне нигде нету стеклянных дверей, которые бы отворились, она вдруг заметила, что где-то вдали, позади дам со странно поднятыми вверх руками, дальше кроватей, великолепных и прекрасных, даже намного дальше стульев — чуть ли не в самом конце мира, где было всё, ну просто всё! — стоит она сама, а с ней Соломенный Губерт, что там стоят они оба и глядят оттуда на самих себя, стоящих перед бесконечным стеклянным окном.

Да-да! Были они там, чуть ли не в самом конце мира, где есть всё, и в то же время здесь, перед бесконечным стеклянным окном, где не было стеклянных дверей, которые бы отворились.

Были они тут, и были они где-то там. Одновременно Тут и Гдетотам. Было это странно, но тем не менее было это именно так.

Глава
одиннадцатая,

*в которой
Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт рассуждают
по поводу «Тут» и «Гдетотам»*

— ВОТ МЫ И ТУТ И ГДЕ-ТО ТАМ,—

сказала Анечка-Невеличка.

— Очень рад! — заметил Соломенный Губерт. Чему?— удивилась Анечка.— Я вот не знаю, рада я или не рада. Даже страшно немножко. А вы правда рады?

— А то нет!

— Почему?

— Потому что я потерял шляпу в Тут, а в Гдетотам не терял.

— Но в Гдетотам на вас тоже нету шляпы. Разве не видите?

— А если в Гдетотам я её просто дома забыл?

— А так бывает?

— Конечно! Я ведь её не терял в Гдетотам!

— Откуда вы знаете?

— В Гдетотам я ведь не гулял по набережной!

— Неужто вы помните, что было в Гдетотам?

— В Тут я, конечно, не могу этого помнить.

— А разве можно помнить где-нибудь ещё, если не в Тут?

— А вот можно!

— А как?

— А вот очень просто!

— Ну где?

— Где? А вот в Гдетотам!

— Значит, и я буду помнить в Гдетотам, что было со мной в Гдетотам.

— Ни в коем случае! Вы забывчивая!

— Вовсе я не забывчивая!

— Вы не забывчивая в Тут! А в Гдетотам?

— Раз я не забывчивая в Тут, с чего мне быть забывчивой в Гдетотам?

— Всякое случается!

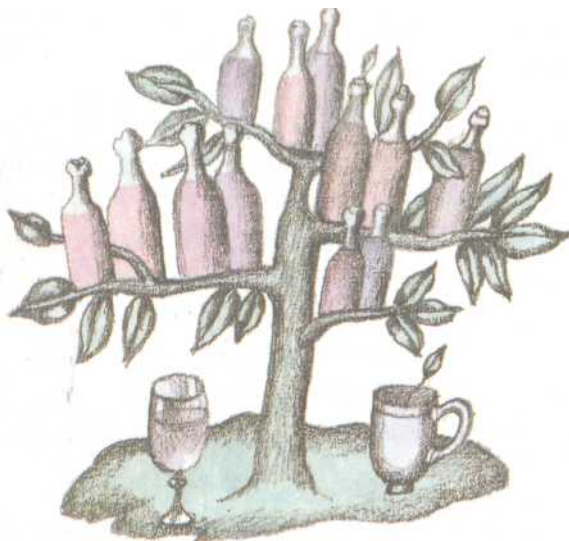
— Откуда вы знаете?

— Оттуда!

- Оттуда? Вы разве бывали уже в Гдетотам?
 - Ого-го! Сколько раз!
 - Расскажите?
 - Много будете знать, скоро состаритесь!
 - Ну и пусть состарюсь! Хоть большая вырасту! Расскажите скорее про Гдетотам!
- И Соломенный Губерт стал рассказывать, как он бывал в Гдетотам.

Глава
двенадцатая, в которой
Соломенный Губерт
рассказывает,
как он бывал в ГДЕТОТАМ

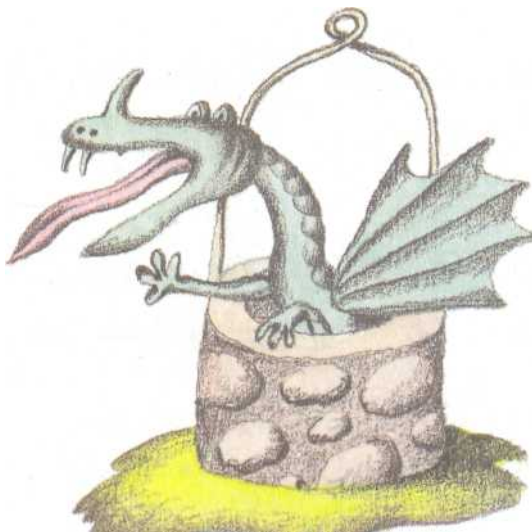
Стоит мне уснуть, и я попадаю в Гдетотам. В большой такой сад. А на деревьях растут бутылки с малиновым сиропом. Сорвал и пей!

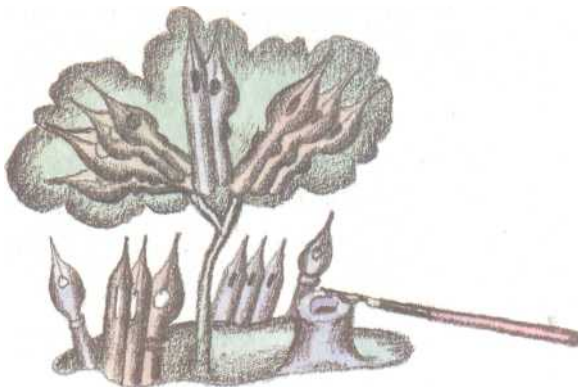
Ух, до чего холодный! Даже допить невозможно. Приходится выплеснуть остатки в красивый такой ручей; а в ручье плавают яркие фонарики!

Срываю ещё бутылку — и эта холодненькая! Что не выпил, выливаю. Только не в ручей, а в колодец.

А в колодце сидит дракон. Он как заорёт: «Я твоя жажда!» А я срываю бутылки, отпиваю немного и остатки — в колодец! Дракон только пасть разевает. А я сорвал последнюю бутылку, отпил и, что осталось,— опять в колодец. Тут дракон захлопывает пасть, и кончено!

Потом я попадаю в сад, где сплошь растут ученические перья. Сорвёшь одно, макнёшь в большой чёрный пруд и пишешь на стене:

*Соломенный Губерт
силач и чемпион
или
Соломенный Губерт послушный
и не будет наказан*

или

Соломенный Губерт заслужил самописку

Тут я — хватъ какую-то метлу и давай трясти её! Потрясу-потрясу, а в метле — самописка!

Ещё бывает, бегаю от окошка к окошку и гляжу, как ребята пишут в школе контрольную по арифметике. А у меня с собой рогатка. Я — раз! — и цифрой прямо в собственную тетрадку, которая на парте моей лежит. А потом — ещё одной цифрой, а потом — пятью сразу. И контрольная готова!

Ещё бывает, льва поймаю. Сажу на большом ящике, а лев идёт по своим делам. А я кинул в ящик рогалик и жду. А лев приглядывается. Потом прыг в ящик! И готово! Поймали! А я на пятке повернусь, и ящик поехал. Едем по мосту. А люди выходят с флагами и кричат: «Ура! Он поймал льва!»

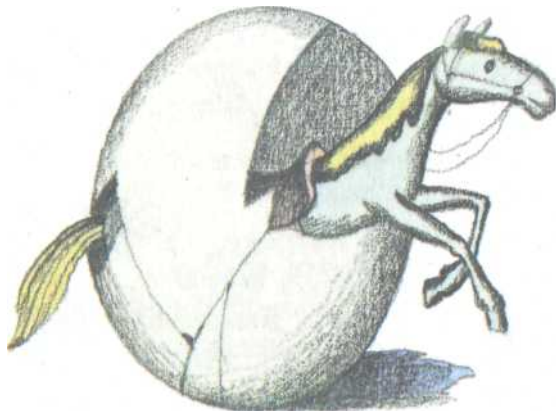
И мне вручают главный приз.

Я, когда сплю, всегда попадаю в Гдетотам.

Вот оказался я в физкультурном зале. И никого там больше нету, кроме сотни тапочек, которые гоняются за мной. Я — раз! — и на потолок. А тапочки бегут по стенам и тоже на потолок. А с потолка падают, как тараканы, и всмятку разбиваются. После этого где уж им ловить меня!

Потом я попадаю в погреб. А там два разбойника прячутся. У них с собой корзина, а в корзине узел с сокровищами. И никак они не могут развязать узел на узле. Развязывают, развязывают — никак не развяжут. И всё время друг друга по башке лупят. Как даст один другому, так из стенки кирпич вываливается! А когда в стенке дыра получилась, я убежал и позвал пожарников. Пожарники трубили и поливали погреб из шланга. Весь-весь залили. Тут узел и выплыл. Я его развязал, а в нём — осиное гнездо!

Однажды прихожу в чулан; а там целая куча яиц. Разбиваю одно, из него выскакивает солдат и —

раз! — в окошко. Второе разбиваю — тоже солдат и тоже в окошко. И в третьем солдат. Я все яйца разбил, и в каждом было по солдату. А в последнем оказался конь. Сел я на коня и приказал солдатам строиться. Солдаты построились и запели:

*На высокой ели,
Ать-два!*

*На высокой ели
Воры порох ели,
Ать-два!
Ать-два!*

*Были эти воры,
Ать-два!
Были эти воры
Страшные обжоры,
Ать-два!
Ать-два!*

*А когда объелись,
Ать-два!
А когда объелись,
Дрынъ! — и разлетелись.
Ать-два!
Ать-два!*

Потом я скомандовал: «Разойдись!» — и солдаты пошли по домам.

Ещё бывает — стою на полу, а надо мной гиря от ходиков. Я хватать за неё — и вверх! Колесики крутятся, часы стучат, а я лечу. Выше! Ещё выше! Вдруг гиря трах-тарарах обо что-то, и я — вниз! Падаю, падаю, падаю... Потом как закричу и проснусь.

Стоит мне уснуть, я всегда попадаю в Гдетотам.

А когда просыпаюсь, снова оказываюсь в Тут.

Глава *в которой*
тринадцатая, *Анечка-Невеличка*
и Соломенный Губерт,
находясь в Тут, решают,
что очутились в Гдетотам

-Я ТОЖЕ, КОГДА СПЛЮ, ПОПАДАЮ в Гдетотам,— сказала Анечка.— Но сейчас-то я не сплю, а в Гдетотам очутилась.

Она глядела не отрываясь в самый конец мира за бесконечным стеклянным окном и видела там себя и Соломенного Губерта, и было это наяву — ведь она ясно видела и себя, и Соломенного Губерта.

— А я в Гдетотам плавать умею! — сказал Соломенный Губерт и прищёлкнул пальцами. Прищёлкнул пальцами он и в Тут, и в Гдетотам.

— Прыгну в реку и выловлю шляпу! — продолжал он уверенно.

— А если шляпа утонула?

— На дне найду.

— А если её Рыба-Кит проглотила?

— Проткну Рыбу-Кит гарпуном!

— А вдруг шляпа размокла?

— Высохнет!

— А если высохнет и ничего не останется?

— Тогда я тоже стану невидимкой.

— Как это?

— А вот как! — сказал Соломенный Губерт и отпрыгнул на одной ножке от бесконечного стеклянного окна.— А я вас вижу! — сказала Анечка-Невеличка.

— Вы меня видите в Тут! А в Гдетотам видите? Анечка поглядела в бесконечное стеклянное окно.

— Нет, в Гдетотам не вижу.

— А сейчас? — спросил Соломенный Губерт и шагнул к бесконечному стеклянному окну.

— Сейчас вижу.

— И в Тут, и в Гдетотам?

— Да.

— Значит, Соломенную Шляпу я найду.

— Но тогда придётся стать невидимкой в Тут!

— Попытаюсь!

— Как? — спросила Анечка-Невеличка.

— Очень просто! — ответил Соломенный Губерт.

— Как — просто?

— А так! Мы забудем, что мы в Тут, и представим, что мы в Гдетотам.

— Но ведь в Тут мы всё-таки останемся!

— Лично меня уже в Тут нету. Лично я нахожусь в Гдетотам.

Анечка-Невеличка поглядела в самый конец мира за бесконечным стеклянным окном и снова увидела себя и Соломенного Губерта, который сказал:

— Я нахожусь в Гдетотам, видите? Я только в Гдетотам, и больше нигде меня нету.

Анечке вдруг показалось, что голос Соломенного Губерта приходит из далёкого далека, почти с самого конца мира за бесконечным стеклянным окном.

«Ой, он уже в Гдетотам, и больше нигде его нету!» — подумала Анечка. Но тут она услышала его голос так близко, словно бы Соломенный Губерт стоял рядом. И тогда ей показалось, что и она тоже в Гдетотам и что больше нигде её нету.

ТУТ

ГДЕТОТАМ

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО,
БЫЛА ОНА
В ГДЕТОТАМ,
И БОЛЬШЕ
НИГДЕ
ЕЁ НЕ БЫЛО.**

**И БЫЛ С НЕЙ
В ГДЕТОТАМ
СОЛОМЕННЫЙ
ГУБЕРТ**

Глава
четырнадцатая,

*в которой
Анечка-Нев еличка
и Соломенный Губерт
не могут сделать ни шагу*

ДАЙТЕ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА,

руку,— сказал Соломенный Губерт, стоя у большого шкафа и раскачиваясь, точно паяц на ниточках.

Анечка попыталась протянуть руку, но это почему-то не получилось, и она сказала:

— У меня почему-то не получается. Вы лучше подойдите ко мне!

— Или вы ко мне!

Анечка попыталась сделать и это, но и это не получилось: ноги её не отрывались от земли. Тогда Анечка потянулась рукой к руке Губерта, но тут же потеряла равновесие и тоже закачалась, точно паяц на ниточках.

— Вы что это вытворяете? — крикнул Соломенный Губерт.

— Руку вам протягиваю!

— Да вы всё время качаетесь!

— И вы тоже!

— Вы что, хоть на минутку остановиться не можете? У меня же голова закружится! — резко сказал Соломенный Губерт и зажмурился.

Анечка расставила руки и, удержав равновесие, перестала качаться. Зато Соломенный Губерт с зажмуренны-

ми глазами раскачивался и раскачивался, точно паяц на ниточках.

— Немедленно остановитесь! — закричал он.

— А я остановилась. Откройте глаза и увидите. Вы руки расставьте и тоже остановитесь! — посоветовала Анечка.

Соломенный Губерт открыл глаза, расставил руки и сразу же перестал раскачиваться.

— Что это?! Ой! — крикнула вдруг Анечка-Невеличка.— Видите?!

— Вижу! — ответил Соломенный Губерт.

То, что они увидели, хоть и было удивительно, но было на самом деле. Откуда ни возьмись, появились два сапожка и преспокойно стали расхаживать. Таких сапожков Анечка никогда не видела. Были они до колена, не выше, а расхаживали как ни в чём не бывало.

Потом, откуда ни возьмись, появилась вторая пара сапожков, за ней — ещё несколько пар, и тоже стали расхаживать как ни в чём не бывало, хотя были тоже до колена, не выше.

— Бегают, как цыплята!—шепнула Анечка.

— Как страшили бегают! — сказал Соломенный Губерт.

— Тише!—испугалась Анечка.— Вы их обидите, и они могут на нас напасть...

— Я бы этого им не советовал!

— Я бы тоже. Я бы им советовала бегать, как цыплята.

— А что толку, если они будут бегать, как цыплята?

— Я их позову, и они, может быть, подбегут! — сказала Анечка и позвала: — Цып-цып-цып, цыплятки! Не бойтесь! Цып-цып, идите сюда!Сапожки сразу же подошли близко-близко. Стоило протянуть руку, и можно было их поймать. Анечка потянулась было, но покачнулась, точно паяц на ниточках, и чуть не стукнулась головой об пол. Однако она успела схватить в каждую руку по сапожку, вернее сказать, не схватить, а просунуть в один сапожок одну руку, а в другой — другую.

И тут случилась поразительная вещь: Анечка побежала на руках, словно руки её превратились в ноги!

Соломенный Губерт вздрогнул и сразу же закачался, точно паяц на ниточках. И хотя качаться было очень неприятно, он бы предпочёл стоять и качаться, чем видеть, как Анечка-Невеличка бежит на руках, словно на ногах.

— Остановитесь! — крикнул он, когда Анечка пробежала мимо.

— Не получается! — на бегу ответила она.

Вдруг какой-то громкий голос, словно бы где-то заговорило радио, только громче, намного громче, приказал:

— Выключить ток!

Что-то щёлкнуло, и все сапожки — до колена, не выше — остановились. Вместе с остальными остановились сапожки, которые были на Анечкиных руках, и она во весь рост шлёпнулась на пол, причём сапожки сразу же соскочили с её рук.

— Не плачьте!—крикнул Соломенный Губерт.— Надо действовать.

— Я не плачу.

— Но и не действуете!

— Как же мне действовать? Встать, может быть?

— Этого я бы не советовал!

— Почему?

— Потому что у вас ноги опять прилипнут к земле.

— Что же делать?

— Обуйте сапожки, как положено.

— Значит, правый на правую ногу?

— Верно. А левый — на левую! Анечка-Невеличка так и сделала.

— Теперь встаньте! — посоветовал Соломенный Губерт, раскачиваясь, точно паяц на ниточках.

Анечка-Невеличка встала на ноги, а встав, так обрадовалась, что даже подпрыгнула.

Когда она подпрыгнула, ей показалось, что она легче перышка. Опустилась она тоже

легче перышка, а опустившись, опять подпрыгнула и опять опустилась. Внезапно где-то заиграла музыка, и оказалось, что Анечка, прыгавшая и опускавшаяся легче перышка, танцует.

Тогда она принялась ещё и напевать и запела вот что:

Ты неси меня, перо,
В облачное серебро.
Выше крыш и чердачков,
Выше лёгких паучков.

Унеси над башнями,
Словно птиц над пашнями,
Словно лист в осеннем лесе,
Словно звёзды в поднебесье.

Унеси, как бабочку,
Как сухую травочку,
Словно с тополя пушинку,
Словно с поля порошинку.

Унеси ты в сны меня,
Я проспать могу полдня.
Просыпаться не проси,
А неси меня, неси!

Потом музыка перестала играть, Анечка — танцевать и петь, а Соломенный Губерт перестал качаться, точно паёц на ниточках, и сказал:

— Теперь вам остаётся спасти меня!

— С удовольствием! Только научите как.

— Я могу лишь посоветовать. Вы намереваетесь ещё танцевать?

— Нет, кажется.

— Тогда вам необходимо проверить, сможете ли вы ходить.

Анечка проверила и стала ходить. Ходила она взад и вперёд, и ходилось ей прекрасно.

— Мне прекрасно ходится! — сказала она.

— Надо полагать, вы уже нагулялись! — крикнул Соломенный Губерт и хотел топнуть от злости, но тут же потерял равновесие и стал раскачиваться, точно паёц на ниточках. Анечка подошла к нему, придержала обеими руками, и он перестал раскачиваться.

— Надеюсь, вы не плачете? — спросила она, так как ей показалось, что он плачет.

— Никогда! И никому бы не советовал так думать!

— Я бы тоже никому не советовала.

— Однако вы советуете мне кое-что похуже! — крикнул Соломенный Губерт. — Вам угодно, чтобы мои ноги не отлеплялись от пола, пока вы танцуете, прохаживаетесь взад-вперёд и дразните меня.

— Вовсе я вас не дразню!

— Тогда могли бы принести мне сапожки! Анечка принесла ему сапожки, и Соломенный Губерт спросил:

— Который правый, а который левый?

— Оба правые и оба левые.

Стоило Соломенному Губерту обуться, и он высоко подпрыгнул от радости, а когда опустился, опять подпрыгнул. Он подпрыгивал и опускался, а между тем где-то забарабанил барабан, и Соломенный Губерт, подпрыгивая и опускаясь, стал приговаривать:

Потом Соломенный Губерт перестал подпрыгивать и опускаться, но зато с удовольствием принялся рассказывать взад-вперёд, топя и приговаривая:

Топ-топ-топ, сапожки!
Пять грибов в лукошке:
Первый звался мухомором,
Мухи дохнут на котором,
А второй — волнушкой,
Розовой ракушкой.
Третий был груздь.
Груздь? Какая грусть!

А четвёртый — рыжик,
Он вкусней коврижек.
Пятый — боровик.
К этим я привык!

Потом Соломенный Губерт заявил, что, когда топашь, неплохо ещё и притопывать. Он топнул, а потом проговорил:

Топ с одним притопом —
Тьма перед потопом!

И один раз притопнул. Едва он притопнул, стеклянный шар, висевший под потолком, загорелся и тут же погас. Соломенный Губерт снова топнул, снова притопнул и снова проговорил:

Топ ещё с притопом —
Рысю и галопом!

Не успел он сказать это, как послышался голос, словно где-то заговорило радио, только громче, намного громче. Голос приказал:

— Включить ток!

Что-то щёлкнуло, и сразу все сапожки — до колена, не выше — понеслись рысью и галопом, а с ними вместе и сапожки, в которые была обута Анечка-Невеличка, и те, в которые был обут Соломенный Губерт.

Стало быть, Анечка тоже припустилась рысью и галопом, и Соломенный Губерт — тоже. Бежали они, не зная куда.

Куда же они бежали?

Куда же они всё-таки бежали?

БЕЖАЛИ ОНИ ДОЛГО. СПЕРВА ПО ровному месту, потом по лестнице, потом снова по ровному месту. Потом был поворот, за которым оказались большие двери.

— Ворота после поворота! — крикнул Соломенный Губерт и вместе с Анечкой-Невеличкой внезапно остановился.

Большие двери сразу же распахнулись, и в них появился высокий человек. По виду этот человек не совсем был человеком, потому что вместо рук у него были рачьи клешни.

— Приготовьте входные билеты! — сказал странный человек.

— У вас есть билет? — спросил Соломенный Губерт Анечку.

— Я не знаю, что это такое.

— Бумажка, по которой разрешается войти.

— Приготовьте билеты! — снова сказал высокий человек, у которого были рачьи клешни.

— Нам придётся вернуться за ними,— ответил Соломенный Губерт.

— И не думайте! — сказал непонятный человек и добавил: — Приготовьте, пожалуйста, билеты в Зоологический Сад!

Соломенный Губерт стал шарить по карманам. Входного билета он не нашёл, зато нашёл носовой платок.

— Не задерживайте публику и предъявите билет! — сказал строгий человек.

Соломенный Губерт протянул платок, и человек пробил платок клешней, а затем спросил:

— На одно лицо или на два?

— На два! — ответил Соломенный Губерт.

Человек ещё раз пробил рачьей клешней носовой платок и пропустил Соломенного Губерта, а за ним Анечку-Невеличку.

Соломенный Губерт так обрадовался этому, что стал распевать:

Жук-олень
На ствол осины
Вполз почти до середины
И всюю жужжит,
А она дрожит.

И дрожащая осина
Гостя грозного
Спросила:
«Кто ты, господин?
Что за паладин?»

«Рыцарь я —
Рогдай Дубравный,
Забияка своенравный.
Выиграл я турнир
И приполз на пир».

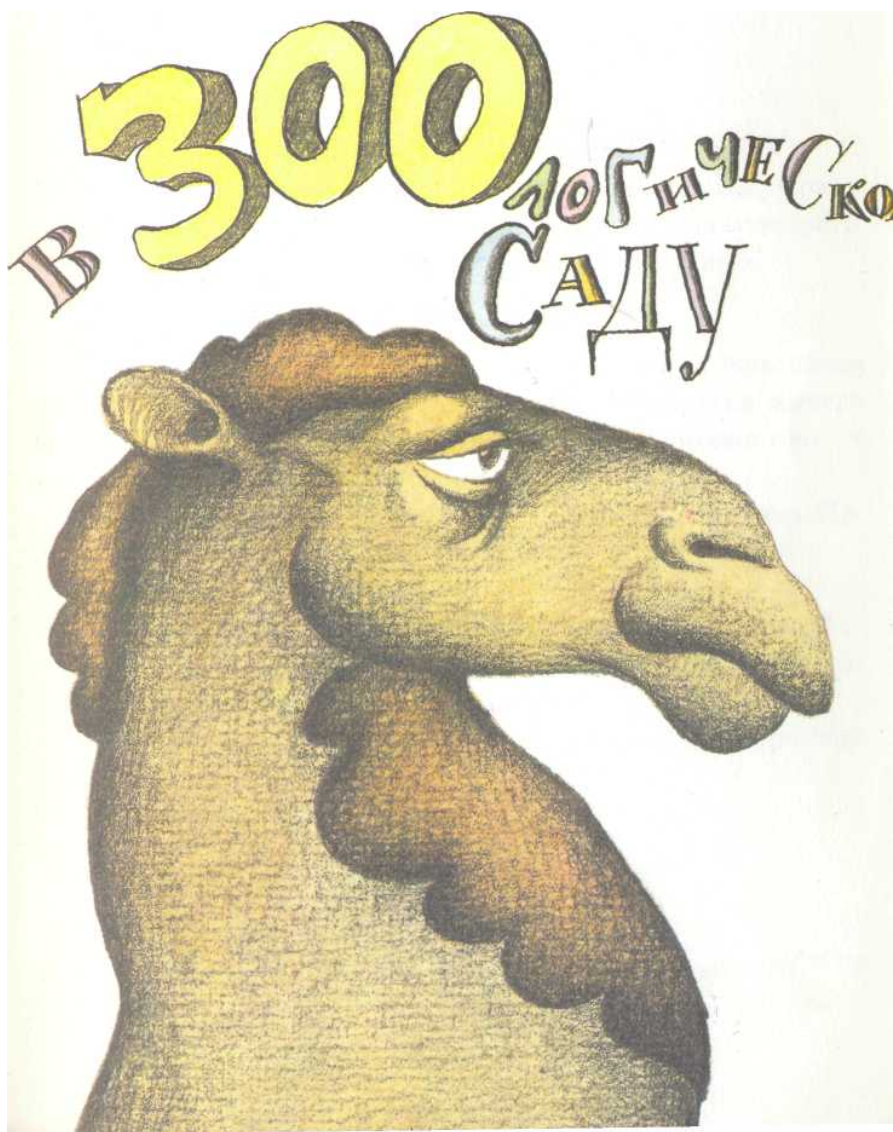
Но дрожит осина всё же:
«Твой удел в лесу, похоже?» —
«Верно, Возле пня
Замок у меня».

«Знаем этот край разбойный!
Раз ты, рыцарь,
Любишь войны,
Марш отсюда в лес!
Ишь куда залез!»

И давай трястись осина —
Ходуном пошла вершина!
Жук
Сидел-сидел,
Взял и улетел.

- Вернитесь! — сказал Человек С Клешнями.
- Я? — спросил Соломенный Губерт и перестал петь.
- Вы!
- Почему? — спросил Соломенный Губерт.
- Потому что пели!
- Но здесь нигде не написано, что петь запрещается.
- Петь не запрещается.
- Почему же я должен вернуться?
- Вы пели против Ветра!
- Я не знал, что петь против ветра запрещается!
- Я не сказал вам «запрещается», я сказал, что вы пели против Ветра.
- Ну и что?
- А это не рекомендуется, потом узнаете почему! Скажите «а-а-а»!
- Зачем это мне говорить «а-а-а»?
- Чтобы я мог удалить вам железы! — сказал непонятный человек и защёлкал клешнями.
- Не трудитесь. Мне их уже удалили.
- Раз так, можете пройти!
- Раз так, Соломенный Губерт прошёл.
- И всё-таки вернитесь! — приказал высокий человек.
- Я? — спросил Соломенный Губерт.
- Я? — спросила Анечка-Невеличка, испугавшись, что Человек С Клешнями захочет удалить ей железы.
- Оба!
- Зачем?
- Я забыл вас отключить!
- Не позволю, чтоб меня отключали! — гордо сказал Соломенный Губерт.
- Иначе вы ничего не увидите!
- Почему?
- Потому что будете то бежать, то останавливаться.
- А меня отключите,— сказала Анечка-Невеличка.— Я не хочу то бежать, то останавливаться. Мне хочется всё увидеть.
- Человек С Клешнями — чик-чик! — и отключил Анечку. Сделал он это, прокусив клешней печать на каблук сапожка, обутого на ее правую ногу.
- А поскольку — чик-чик! — и всё было готово, причём Анечка-Невеличка даже не пикнула, Соломенный Губерт захотел, чтобы и его отключили. Тогда странный Человек С Клешнями отключил и его. Сделал он это, прокусив клешней печать на каблук сапожка, обутого на его левую ногу.

Часть вторая

Глава
шестнадцатая,

в которой
Соломенный Губерт
с Анечкой-Невеличкой
попадают
в Зоологический Сад

ТАК СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ С Анечкой-Невеличкой попали в Зоологический Сад. Сразу же за воротами они увидели Верблюда, на шее которого висела грифельная доска. На доске было написано:

РАССТЕГНИТЕ МНЕ ГОРБ!

Соломенный Губерт трижды прочитал надпись слева направо и трижды справа налево. Не обнаружив ничего подозрительного, он объявил Анечке, что Верблюд просит расстегнуть горб.

- А как он расстёгивается? — спросила Анечка-Невеличка.
- Про это не написано.
- А застёгивается как? Может быть, на пуговицы?
- Скорее на пряжку. Ведь сумки из верблюжьей кожи всегда застёгиваются на пряжку.
- А вы умеете пряжки расстёгивать? — спросила Анечка.
- Не приходилось пока.
- А я умею.
- Когда это вы научились?
- Когда волов запрягала.
- Да Верблюд же вон какой громадный! До горба не дотянешься!

Тут Анечка трижды хлопнула в ладоши, и Верблюд, подогнув колени, улёгся.

— Вот и не громадный! — сказала Анечка-Невеличка и стала ощупывать верблюжью спину, отыскивая застёжки.

- Смотрите-ка, у него на спине три больших собяч-ки! — воскликнула она.
- Какие такие «собачки»? — удивился Соломенный Губерт.
- Которые на чертополохе растут и в подол вцепляются.
- Понятно! — сказал Соломенный Губерт.—Клубочки такие с крючочками!

Анечка-Невеличка вытащила из верблюжьей шерсти все три «собачки», и горб сразу же расстегнулся.

- У него тут радио! — удивился Соломенный Губерт.
- А зачем? — едва успела спросить Анечка, потому что послышался голос:
- Благодарю вас!
- За что это вы меня благодарите? — спросила Анечка.
- Ни за что я вас не благодарю,— ответил Соломенный Губерт.
- Вы же только что поблагодарили меня!
- И не думал даже!

— Благодарю вас! — повторил голос.

На этот раз Анечка ясно видела, что благодарил не Соломенный Губерт, — она следила за его губами. Благодарил не он. Благодарило радио.

— Я — Корабль Пустыни,— проговорил голос и, помолчав, повторил: — Я — Корабль Пустыни!

— Верблюд пожелал нам представиться, — догадался Соломенный Губерт.

— Я полагаю, нам тоже не мешает это сделать.— И он сказал: — Я — Соломенный Губерт!

— Я — Анечка-Невеличка, — сказала Анечка-Невеличка.

— Очень приятно! — сказала радио.

— До чего странный корабль! — шепнула Анечка-Невеличка. — У него даже флажка нету!

Но тут голос опять заговорил и говорил так долго и так печально, что Соломенный Губерт даже призадумался, и Анечка-Невеличка тоже призадумалась.

А говорил печальный голос вот что:

Я — Корабль Пустыни, плыл я по Сахаре.

Я — Корабль Пустыни, повидал я свет.

Я — Корабль Пустыни и при государе
Личным дромадером* состоял сто лет.

Под палящим солнцем я в песках тащился.
Суток сто — не меньше, пить хотелось — жуть
А пока тащился, сильно истощился,
Счастье, что в оазис вдруг уткнулся путь.

Помню, долго пил я у колодца воду —
Человек такую тёплую не пьёт..
Ровно век служил я правящему роду
В царстве, где бывает лето круглый год.

Жаркие самумы мне в глаза пылили,
Брёл я без дороги из последних сил.
Сколько всякой клади на меня валили!
Но — как царь корону — я её носил.

Целый век в пустыне — это срок не малый.
Долгая дорога, что ни говори!
Словно царь, вступал я в города, бывало,
И меня встречали кликами цари.

Я — Корабль Пустыни, помню время оно —
Царства бедуинов золотые дни.
И ещё оазис помню я зелёный,
Где жевал я листья и лежал в тени.

Дромадер* — одногорбый верблюд.

Верблюд свесил голову, и голос в ящике смолк. Соломенный Губерт долго молчал, и Анечка-Невеличка тоже долго молчала.

Наконец она сказала:

— Мне кажется, он спит!

Соломенному Губерту тоже показалось, что Корабль Пустыни спит, и, чтобы не разбудить Верблюда, он, отойдя на цыпочках подальше, сказал:

— Наш Большой Друг спит.

— Вы считаете его нашим Большим Другом?

— Конечно! Он ведь так здорово рассказал, как плыл по Сахаре.

— Значит, он защитит нас, если мы попадём в беду.

— По-вашему, такое может случиться?

— Конечно! — сказала Анечка-Невеличка, и тут же ей показалось, что они уже попали в беду. Кто-то крепко вцепился в её руку. Оглянувшись, Анечка увидела здоровенную Обезьяну, которая корчила рожи и всё крепче стискивала Анечкину руку.

— Что вам угодно? — испуганно спросила Анечка. Обезьяна, продолжая корчить рожи и стискивать

Анечкину руку, ничего не ответила.

— Она по-нашему не понимает! — сказала Анечка и попросила Соломенного Губерта поговорить с Обезьяной на иностранном языке.

— ТАМЧТО ТАМВАМ ТАМУ ТАМГО ТАМДНО? — спросил Соломенный Губерт у Обезьяны.

Однако Обезьяна по-прежнему корчила рожи и не отвечала. Причём одной рукой она сильно-пресильно стискивала Анечкину руку, а другой куда-то показывала.

— Глухонемая она, что ли? — забеспокоилась Анечка-Невеличка.

Не успел Соломенный Губерт ответить, как Обезьяна и его схватила за руку, а затем куда-то потащила обоих.

— Мы в беде,— тихо сказал Соломенный Губерт.— Нам не следует уходить от нашего Большого Друга.

Но это было невозможно, Обезьяна не отпускала их и продолжала тащить.

— Куда она тащит нас? — нервничал Соломенный Губерт.

— Куда же она тащит нас? — беспокоилась Анечка-Невеличка.

Обезьяна тащила их к длинной парте, над которой висела клетка со старым нахохлившимся Попугаем. Попугай топорщил перья, вертел головой и внимательно вглядывался в пришельцев.

Он так долго и внимательно в них вглядывался, что вдруг перестал вглядываться и крикнул:

— Куда девался Осёл?

Соломенный Губерт даже засмеялся. Анечка тоже засмеялась, но только чуточку, словно бы вовсе и не засмеялась.

— Куда девался Осёл? — снова крикнул Попугай и стал злиться.

Соломенный Губерт не знал, глядеть ли ему, как злится Попугай, или поглядеть, куда девался Осёл. Он оглянулся.

Из-за кустов показался Осёл. Он так спешил, что дважды споткнулся и один раз вообще чуть не брякнулся.

— Станьте за свою парту! — закричал Попугай. Осёл встал рядом с длинной партией, куда Обезьяна притащила Анечку с Соломенным Губертом, и потупился.

— Впредь не имейте привычки слоняться — вы не Слон! Вы — Осёл, и стойте за партией!
— крикнул Попугай.

Осёл кивнул и снова свесил голову.

— Ученики, прошу за ослиную парту! — возгласил Попугай, и Обезьяна, не переставая корчить рожи, принялась подталкивать Соломенного Губерта и Анечку-Невеличку к ослиной парте.

— Сейчас устроим вам экзамен! — строго сказал Попугай, когда Соломенный Губерт и Анечка-Невеличка уселись за парту.

— Какие могут быть экзамены во время каникул? — отважился заметить Соломенный Губерт.

— Зоологических каникул не бывает! — ответил Попугай.—Поэтому и устроим вам экзамен!

Глава
семнадцатая,

в которой
Попугай экзаменует
Анечку-Невеличку
и Соломенного Губерта

— СКОЛЬКО БУДЕТ ОДИН ДА ОДИН? — спросил Попугай уже несколько осипшим голосом.

— Один да один будет два,— ответил Соломенный Губерт.

— Как «два»? — удивился Попугай и засмеялся. Один да один — два, —подтвердила Анечка.

Попугай захохотал во всё горло, а потом сказал:

— Этим надо будет повеселить педсовет! Таких ученичков у нас ещё не бывало! — И добавил: — Один да один будет жёлтые ботинки!

Тут уж не удержался от смеха Соломенный Губерт. Анечка-Невеличка тоже засмеялась.

— Сколько же будет один да один?

— Один да один будет ослиные уши! — ответил Соломенный Губерт.

Анечка-Невеличка прыснула.

— Прекрасно! —сказал Попугай.— А сколько будет половина и половина?

— Один! — ответила Анечка. Попугай грозно нахотлился:

— Ещё пятнадцать подобных ошибок, и вам придётся для тренировки считать ворон! Ужасно! Просто ужасно!

Вволю поужасавшись, Попугай глубокомысленно заметил:— Половина и половина будет жёлтые полботинки. Садитесь и постарайтесь это запомнить!

Анечка села. Она не знала, плакать ей или смеяться.

— Сколько же будет половина и половина? Соломенный Губерт встал и отчеканил:

— Половина и половина будет яйцо всмятку!

— Отменно! — воскликнул Попугай.— Сдаётся мне, что вы уже где-то учились. Перейдём от Арифметики к Астрономии!

Тут вдруг Попугай страшно завопил. Анечка поглядела на Осла и увидела, что тот спит. От воплей Попугая Осёл проснулся и виновато устался в землю.

— Мы перешли от Арифметики к Астрономии! — просипел Попугай. — Ослу, я вижу, безразлично, что наш ученик перешёл от Арифметики к Астрономии.

Тут Осёл опомнился и низко поклонился Соломенному Губерту.

— То-то! И чтобы впредь не приходилось повторять! — строго изрёк Попугай и спросил Соломенного Губерта: — Как, по-вашему, что есть звёзды?

— Звёзды — это голубые искры! — сказала Анечка.

— Барышня, кажется, думает, что мы изучаем Арифметику и можем делать ошибки. Барышня заблуждается! Мы изучаем Астрономию, где каждая ошибка влечёт за собой космические неприятности. Поскольку барышня допустила ошибку — упала звезда. Это непростительно со стороны барышни. Постыдились бы!

— Звёзды — есть...— начал Соломенный Губерт и задумался, что же такое в Зоологической Школе звёзды.

— Прекрасно. Звёзды ЕСТЬ,— подхватил Попугай.— Не скажу, что это ошибка. Звёзды действительно ЕСТЬ, но всё же, ЧТО ЕСТЬ звёзды?

— Звёзды — это мыши...— тихонько шепнула Анечка

-Что есть звезды?

Попугай сразу же принялся кланяться Анечке и воскликнул:

— Давненько у нас не было такого скромного учёного! И не только потому, что вы совершили своё открытие бесплатно, но ещё и потому, что помогли лучшему нашему ученику. Мы переводим вас от Арифметики к Естествознанию.

Говоря это, Попугай всё время кланялся Анечке, причём даже прослезился от умиления. Обезьяна же перестала корчить рожи и трижды ловко перекувырнулась.

— Что такое одуванчик? — растроганно прошептал Попугай.

— Одуванчик — это пуховый диванчик, из которого пух улетает во весь дух! — ответила Анечка-Невеличка.

— Дивно! Просто дивно! — умилился Попугай и снова раскланялся.

Потом он быстро и подряд стал задавать вопросы. На один отвечал Соломенный Губерт, на другой — Анечка. Отвечали они очень быстро, но Попугай ещё быстрее задавал всё новые и новые.

**-Что такое
МОЛНИЯ?**

*-Молния-это
хлопушка,
набитая
канителью!*

- Что такое крот?

- Крот - это РАЗ! -
и подземный ход.

- Что такое Млечный Путь?

- Что такое
водяная
крыса?

- Встреча хвостика
с меховой
надутой сливой!

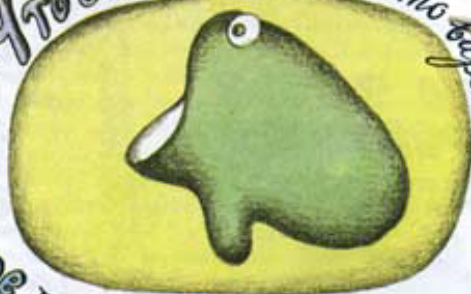
зимние каникулы.

Млечный Путь - небесные

- Что такое горюх?
- ВОЕННЫЙ БАРАБАН!

- Ч**т**о есть жаба?
Жаба - это варенка!

- Что такое ворон?

- Клянса
на
белом
снегу!

- Что такое
пруд
вечером?

- Воздушный шарик,
который вот-вот
улетит!

- Что такое
древесная
лягушка?

- Древесная лягушка

- Что
такое
сова?

- Сова - это прежде
всего голова!

Вот как быстро задавал Попугай вопросы, и вот как быстро отвечали на них Соломенный Губерт с Анечкой.

Попугай всё время повторял: «Дивно! Просто дивно!», причём говорил он это растроганно и с умилением, то и дело роняя слезу и раскланиваясь.

В который раз уронив слезу, он нахохлился, но не так, как делал это, когда злился, а совсем немножко, и объявил:

— Вы заслужили Зоологическую Похвальную Грамоту!

Потом повернулся к Ослу и приказал:

— Ступайте и доложите Верховному Правителю, что два школьника награждены Зоологическими Похвальными Грамотами. Пускай он соблаговолит устроить по этому случаю торжество первого разряда и вручит ученикам Диплом. И пусть хоть кто-нибудь позволит себе не участвовать в шествии! Попрошу вас поторопиться!

Осёл поторопился и ускакал.

— Однако пойдём дальше, — заявил Попугай.— На чём мы остановились? Ага! На каменном веке! Что же такое каменный век? Каменный век — это сорокэтажный кирпичный дом, где на каждом этаже по двенадцать столетий. Одно считается веком горбушек с маслом. Другое — пампушек с мёдом. Третье — ватрушек... Что такое? У меня всё перемешалось! Простите, дамы и господа. Ветер перемешал мою лекцию о каменном веке!

И он во всё горло принялся вопить. Но тут послышались звуки трубы, и Попугай умолк. Затем, учтиво поклонившись, он сказал:

— Сюда приближается Верховный Правитель!

Глава
восемнадцатая,

*в которой
в сопровождении свиты
появляется
Верховный Правитель
Зоологического Сада*

СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ И АНЕЧКА

не могли взять в толк, откуда доносятся звуки трубы.

— Как громко трубят, а во что, не видно! Во что же это трубят? — удивилась Анечка.

— Ясно во что! Неужели не видите?

— Вижу два больших-больших носа.

— Да это же хоботы, и в них трубят!

— Кто?

— Два Слона. А за Слонами всё шествие идёт.

— Ой, мне отсюда не видно!

— А вы влезайте на парту! Анечка-Невеличка с опаской оглянулась на Попугая, однако тот сидел сгорбившись и словно бы спал. Тогда, набравшись духу, она влезла на парту.

— Влезайте и вы! Ой, какое длинное красивое шествие!

Соломенный Губерт тоже влез на парту, чтобы увидеть, какое шествие длинное и красивое.

— Они забор с собой взяли, — удивилась Анечка. — Наверно, чтобы никто не присоседился.

— Где забор?

— А вон — красивый, полосатый!

— Это же Зебры! — сказал Соломенный Губерт.

— Да они, как забор, полосатые!

— Потому что Зебры — зоологический забор, иначе говоря — ЗЕБОР.

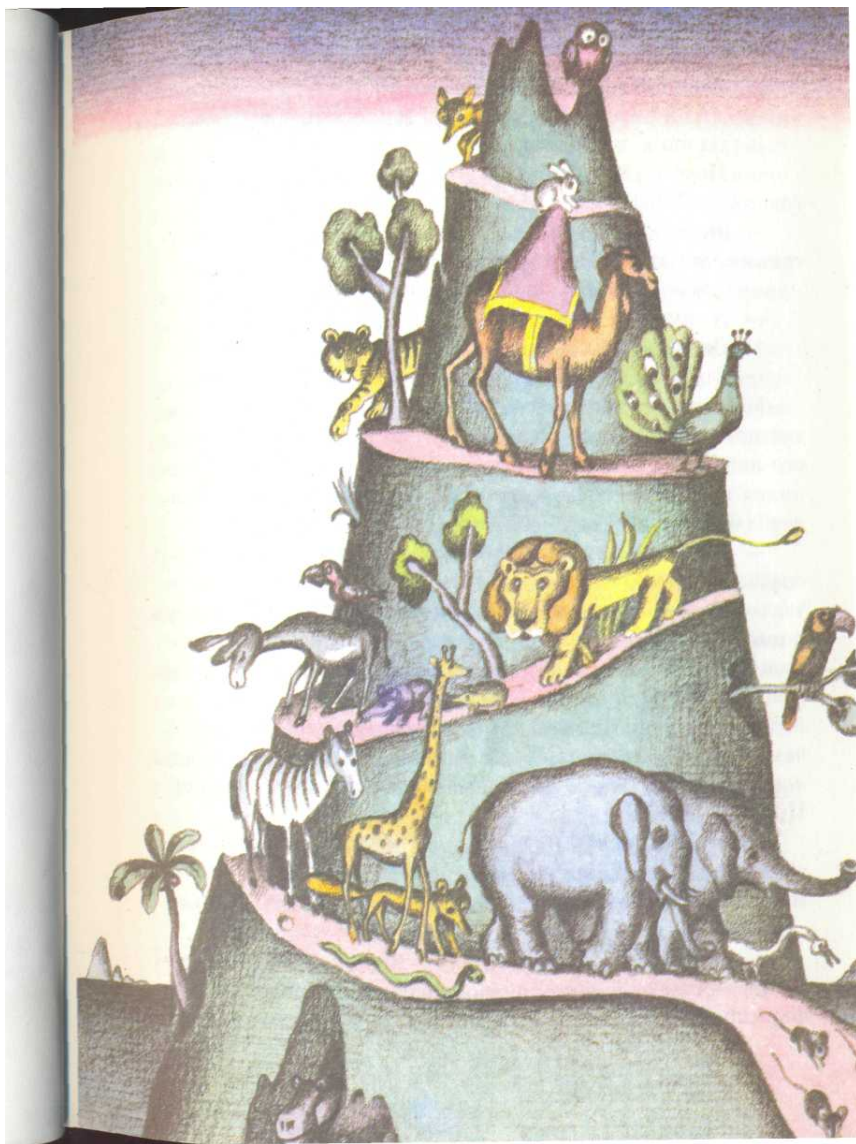
— Значит, я права. А поглядите, вон солдаты с султанами, и над головой у них штыки блестят...

— Это же Серны шеренгой идут!

— А шумный оркестр за ними — разве не Овцы?

— Овцы! Правильно!

— Ещё бы мне Овец не узнать!

Между тем откуда-то опустился большой лист и влетел прямо к Попугаю в клетку. Тот встрепенулся, прижал его лапой и трижды поклонился. После чего снова ссутулился и стал тихонько кудахтать. Пока он кудахтал, прилетел Почтовый Голубь и виновато зажмурился.

— Видите, Голубь, как скверно вы себя проявили? — сказал Попугай.— Будь у нас все такие ненадёжные почтальоны, как вы, это могло бы плохо кончиться. Вам следовало доставить Диплом срочным пакетом, а вы доставили обычным. Ужасная халатность! Никогда не имейте привычки путать срочные письма с обычными. Вот взгляните — Диплом прилетел сам! Не удивляйтесь! Это Сокол, заметив, что вы доставляете Диплом обычным письмом, а не срочным, отнял его у вас и передал по телеграфу. Прислушайтесь!

Почтовый Голубь прислушался, и Попугай тоже прислушался. Прислушались и Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом. Откуда-то доносилось постукивание.

Попугай продолжал:

— Слышите? Дятел, не жалея сил, трудится на телеграфе и передаёт мне массу сведений. Я обо всем информирован и вас, Голубь, поэтому не ждал. Вы можете

отправляться туда, откуда явились. А я бы предпочёл не раздражаться, поскольку шествие приближается, и мне не доставит удовольствия узнать, что Верховный Правитель заметил мою раздражённость. Можете отправляться, Голубь! И чтобы духу вашего здесь не было!

Голубь взмыл и пропал за высокими деревьями.

Попугай снова ссутулился, и снова могло показаться, что он спит, на самом же деле он, вероятно, принимал депеши Дятла.

Шествие между тем приближалось, и Анечка-Невеличка разглядела в нём что-то, что очень ей понравилось, так это было красиво. Было оно красиво, словно самые красивые шляпы на барынях из замка, но, красиво взлетая вверх, оно вдобавок ещё и сверкало.

— Глядите, какие красивые шляпы летают!

— Никакие это не шляпы! — сказал Соломенный Губерт. — Это Золотистые Фазаны.

— Правильно, они как из золота, даже красивее. Но на красивые шляпы с перьями они тоже похожи.

— Я же сказал, что это Фазаны! — повторил Соломенный Губерт.— И вообще я бы никому не советовал напоминать мне о шляпах!

И Анечка-Невеличка перестала напоминать о шляпах. Однако глядеть во все глаза она не переставала. А пока глядела, заметила нечто уж совсем красивое, ну просто прекрасное, и всё тут!

— Глядите, радуга! — закричала она в восторге.

— Это Павлин. Хвост распустил и стал как радуга!

— А почему он распустил хвост?

— Потому что за ним, кажется, следует Верховный Правитель.

— Кто же тут Верховный Правитель? — спросила

Анечка. Так как Соломенный Губерт не знал этого, он привстал на цыпочки, Анечка-Невеличка тоже привстала на цыпочки, и оба стали глядеть, кто же тут Верховный Правитель.

— Я, кажется, знаю! — сказала Анечка.

— Кто?

— Наш Большой Друг. Разве вы не видите нашего Большого Друга? Он идёт следом за радугой. Как хорошо, что Верховным Правителем оказался наш Большой Друг!

— Он, да не он! — с досадой заметил Соломенный Губерт.

— А кто же?

— Кто? А вон тот смешной ушастик, у которого на голове королевская корона! А сидит он на спине нашего Большого Друга!

— Ну и странный тут Верховный Правитель! Это же Кролик! — сказала Анечка и разочарованно прыгнула с парты.

ШЕСТВИЕ ПРИБЛИЖАЛОСЬ.

Овцы блеяли. Мыши посвистывали. Ослы ревели. Слоны трубили. Потом шествие остановилось. Зебры, чтобы никто не мог присоседиться, устроили ЗЕБОР. Золотистые Фазаны кружили, а Павлин распахнул свою радугу.

Корабль Пустыни, на спине которого в короне из клеверных листиков сидел Кролик, подошёл к клетке Попугая и опустился на колени. Овцы перестали блеять, Мыши — посвистывать, Ослы — реветь, а Слоны — трубить.

— Осёл, быстро за ослиную парту! — крикнул Попугай.

Осёл встал за ослиную парту и свесил голову.

— У меня впечатление, что не все присутствуют! — снова крикнул Попугай.— Сейчас проверим!

Он сорвал с ветки листок со списком обитателей Зоологического Сада и начал выкликать:

— Антилопа! Никто не отозвался.

— Как?! Антилопа отсутствует? Тогда вызываю Антилопу-гну!.. Красиво! Тоже отсутствует. Она, видимо, считает себя свободной от обязанностей по отношению к Верховному Правителю? Я принимаю к сведению отсутствие Антилопы-гну, но не извиняю её!

У Попугая задрожал голос. Ох, как у него дрожал голос! Дрожащим голосом он крикнул:

— Блохи!

Словно бы кто пустил ракету, — ввысь взметнулось такое количество Блох, что Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой вскрикнули от изумления. Только со спины их Большого Друга взметнулось Блох видимо-невидимо! А сколько других Блох! А сколько ещё Блох!

Попугай растрогался:

— Блохи в полном составе! Молодцы, Блохи! — А затем, взглядываясь в список, продолжал: — Судак, как всегда, отсутствует! Считаю нужным заметить, что обитатели водоёмов поступают не лучшим образом, обособляясь от нас и систематически избегая шествий! Не могут дышать воздухом! Это не отговорка! Аксолотль, надо полагать, тоже отсутствует? Прекрасно! Я вообще вычёркиваю Аксолотля из списка. Мне всегда было нелегко выговаривать это наименование; зачем же мучиться с произношением, раз он всё равно постоянно отсутствует! Ставлю в известность Верховного Правителя, что вычёркнул Аксолотля!

Кролик лежал на верблюжьей спине и, казалось, не слушал. Он шевелил носом и щурился, словно всё вокруг было ему безразлично.

— Прошу не рассчитывать, — продолжал Попугай, — что переключка будет по алфавиту и Тюлень, скажем, сможет поспать! Я вас, Тюлень, насквозь вижу! Проснулись наконец! Повторяю вам, Тюлень, недвусмысленно и ясно, что не буду выкликать уважаемых присутствующих в алфавитном порядке. Думаете, раз ваша буква в конце алфавита, можно отоспаться? Напрасно надеетесь, Тюлень!

Попугай снова охрип. Соломенному Губерту проверка показалась несколько затянувшейся,

и он поднял руку. — Что вам угодно? — спросил Попугай.

— Мне, прошу прощения, сделалось дурно, и я бы с удовольствием прошёлся по коридору.

Анечке тоже сделалось дурно, оттого что шествие сильно попахивало. Затем её и вовсе затошнило.

— Включить вентилятор! — приказал Попугай.

Из шествия вылетела Голубка, а за Голубкой Ястреб. Голубка принялась летать ВОКРУГ ДА ОКОЛО, а Ястреб гоняться за ней. И оттого, что Голубка летала ВОКРУГ ДА ОКОЛО, и потому, что Ястреб гонялся за нею, получился такой воздушный вихрь, что Анечке перестало быть дурно, а Соломенному* Губерту расхотелось пройтись по коридору.

— Выключить вентилятор! — крикнул Попугай, и Голубка перестала летать, а Ястреб гоняться за нею.

Попугай отшвырнул список и просипел:

— У меня создалось впечатление, что Верховному Правителю надоело слушать перекличку...

— Глупый же у них Верховный Правитель! — шепнула Анечка Соломенному Губерту.

— Слыхали? — сказал Попугай. — Барышня, имеющая Зоологическую Похвальную Грамоту, полагает, что У нас глупый Верховный Правитель. Поскольку так полагает барышня, имеющая Зоологическую Похвальную Грамоту, в этом, возможно, есть доля истины! Но почему вы корчите рожи, Обезьяна? Тоже считаете, что У нас глупый Верховный Правитель? У вас-то нет Зоологической Похвальной Грамоты, значит, вы не имеете права так думать. Надеюсь, остальные обитатели Зоологического Сада не думают, что Верховный Правитель глуп? Никто не имеет права так думать, потому что ни у кого нету Зоологической Похвальной Грамоты. Глуп наш Верховный Правитель или не глуп — неважно. Пусть Лев не надеется, что я не слышу, как он зарычал! Господин Лев самоуверен точно так же, как господин Орёл. Оба полагают, что были когда-то царями зверей. При любой возможности я не устану повторять, что это непроверенная легенда, и лучше бы господину Льву, равно как и господину Орлу, про неё забыть. Вообразите, уважаемые присутствующие, что нашим Верховным Правителем стал Орёл или Лев! Что бы с нами было? Господин Лев растерзал бы любого, кого бы ему заблагорассудилось, да и господин Орёл поступил бы точно так же. Представляете, как бы распоясались прочие хищники, двуногие и четвероногие? Поэтому радуйтесь, что наш Верховный Правитель глуп! Наш Верховный Правитель никого никогда не придушил и не растерзал. Пока в силе его законы, в Зоологическом Саду никто никого не душит и не терзает. И впредь этому не бывать! Провозглашаю славу нашему Верховному Правителю! Кто недоволен, пусть помалкивает и думает, что хочет!.. Однако к делу! Прошу Верховного Правителя вручить нашим ученикам Диплом!

Попугай подал Кролику плотный толстый лист, который и оказался Анечкиным и Губертовым Дипломом.

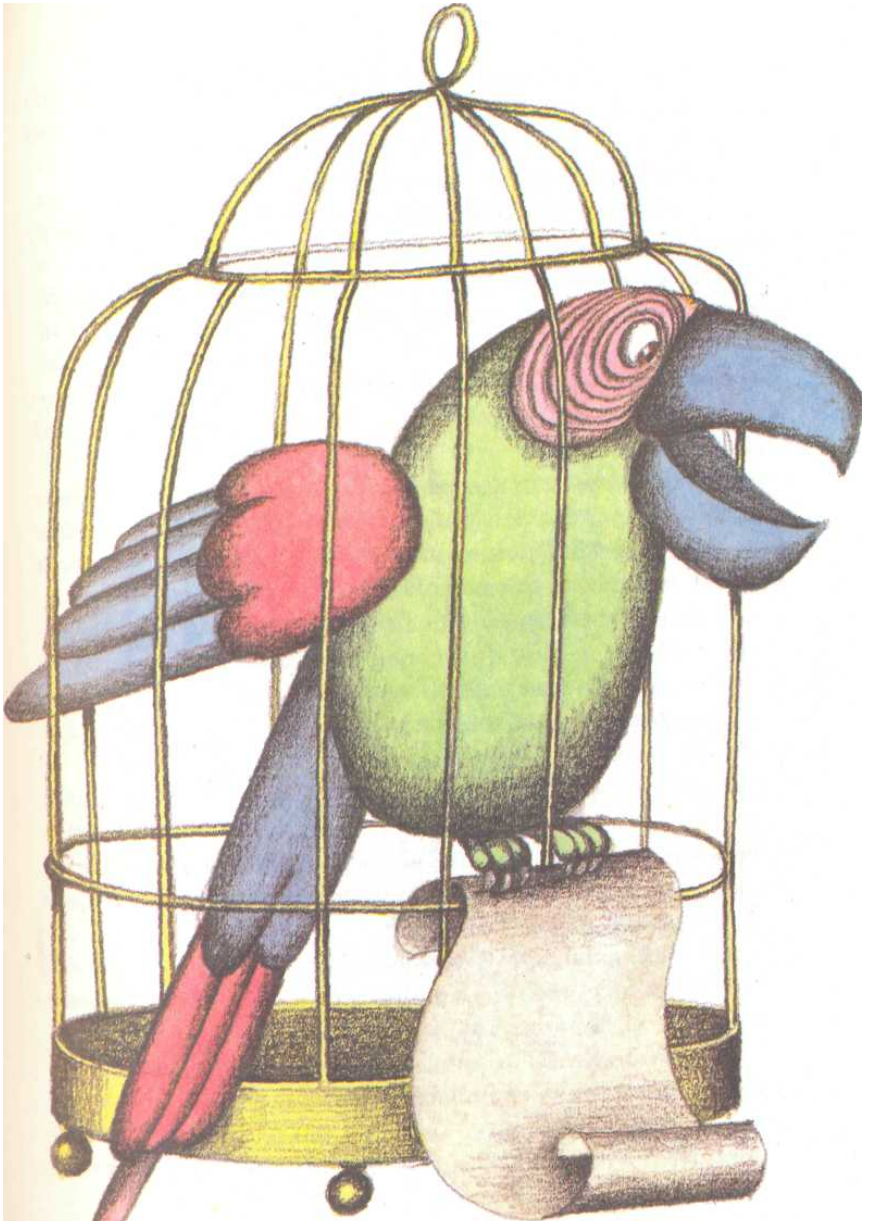
Кролик его обнюхал, повертел в лапках, а потом... съел.

Звери зашумели.

— Тише! — закричал Попугай. — Пусть никто не осмеливается критиковать Верховного Правителя!

Кролик огляделся, не понимая, отчего поднялся шум, пошевелил носом и весело подпрыгнул.

— Слава Верховному Правителю! — крикнул Попугай.

Кролик снова подпрыгнул, и с головы его свалилась корона из клеверных листиков. Кролик её тоже обнюхал и опять подпрыгнул.

Звери заворчали и забормотали.

— Требую немедленной тишины! — кричал Попугай и стал колотить клювом по клетке.

Тут же настала немедленная тишина. Тишина настала такая, что Анечка-Невеличка даже испугалась, — такая настала тишина.

В этой наступившей тишине был слышен тихий и трогательный звук, словно бы кто-то икал. Кто же икал? Кто же это икал?

Анечка-Невеличка огляделась, и Соломенный Губерт тоже огляделся, желая узнать, кто икает. Оказалось, икал Кролик! Случилось это, вероятно, потому, что Диплом был из плотного, жёсткого зелёного листа.

Среди зверей опять послышалось ворчанье и бормотание. Но когда Попугай снова потребовал тишины, бормотание и ворчанье опять прекратились. Тогда Кролик ещё раз подпрыгнул, обнюхал корону из клеверных листиков и съел её тоже.

Поднялся такой гвалт, что Кролик испуганно оглянулся, а потом — хоп! — спрыгнул с верблюжьей спины и бросился наутёк. Пробежал он немного, всего вот столечко, и юркнул в тёмную дыру под деревом, на котором висела клетка с Попугаем.

Попугай, колотя клювом по клетке, истошно кричал, что требует немедленной тишины. Когда тишина наконец наступила, он завопил так громко, что все задрожали:

— Вы ошибаетесь, уважаемые обитатели Зоологического Сада! Наш Верховный Правитель умнее, чем вы думаете! Съедая Диплом, он знал, что делает. Он просто решил, что барышня, посчитавшая его глупым, не имеет права на Зоологическую Похвальную Грамоту! Поэтому и только поэтому наш Верховный Правитель съел Диплом! Все видели, какой жертвой это было со стороны Верховного Правителя! Бедный Верховный Правитель стал икать! Он теперь наверняка расхворается. Но это ещё не всё! Это не всё, господин Лев и господин Орёл! Верховному Правителю отлично известно, что кое-кто зарится на его корону. Но Верховный Правитель, уважаемые собравшиеся, умнее, чем вы думаете! Он опять принёс себя в жертву и съел корону. Разве это не умно с его стороны? Где теперь корона? В желудке Верховного Правителя. Поняли? Раз она там, никто, господин Лев и господин Орёл, не может её отнять, хотя помышлять об этом может сколько угодно. А сейчас, уважаемые собравшиеся, хорошенько выслушайте, что я вам прикажу! Именем Верховного Правителя все марш по клеткам! — Попугай засмеялся и ещё раз крикнул: — Все марш по клеткам!

А потом крикнул в последний раз:

— Марш по клеткам, кому говорю!

Наступила полная тишина, и обитатели Зоологического Сада, сколько их было, свесив головы, медленно стали расходиться по клеткам.

Когда все разошлись, Корабль Пустыни встал и тоже медленно двинулся вслед уходящим. При этом из его горба послышался голос, который важно и печально — так, что Соломенного Губерта и Анечку-Невеличку взяла жалость, — сказал вот что:

Для своей невесты на моей попоне
Государь подарки повелел везти...
Нынче глупый Кролик там сидел в короне;
Чем такая доля — лучше смерть в пути.

Глава
двадцатая,

в которой
Попугай вовсе спятил
и выдал Соломенному Губерту
с Анечкой-Невеличкой
суровую тайну

— ХОРОШО, ЧТО ОНИ УШЛИ! — сказала Анечка-Невеличка.

— Почему? — спросил Соломенный Губерт.

— Потому что Обезьяна очень больно стискивала мне руку.

— А мне вообще больше не хочется сидеть за ослиной партой,— сказал Соломенный Губерт.

Вдруг Попугай ни с того ни с сего так чудно замотал головой, что просто невозможно было удержаться от смеха.

— Я — Тигр! — закричал он, потом залаял и так забился в клетке, что во все стороны полетели перья.

— Спятил он, что ли? — сказал Соломенный Губерт. Попугай между тем опрокинулся вверх тормашками и стал выкрикивать:

Ква-ква-ква —
Жила-была айва.

Тяв-тяв-тяв —
Она была удав.

Хрю-хрю-хрю —
Удав, я говорю!

Курлы-курлы-курлы —
Он съел кило золы.

Кря-кря-кря —
И это было зря.

Бе-бе-бе —
Ему не по себе.

Гули-гули-гули —
Дал ему пилюли.

Фить-фить-фить —
Удав просил запить.

Кудах-кудах-кудах —
Он снова на ногах!

Прогорлавив всё это, Попугай стал перекатываться с боку на бок.

— Он и в самом деле спятил! — сказала Анечка. Попугай, продолжая перекатываться, тихонько запел:

Щука в реку —
Бух! — с разбегу.

Щуку — раз! —
Съел карась.

Карасём
Обедал сом!

Потом он замолол такую чушь, что Анечке даже стало жаль его. То Попугай кричал, что он трёхтомный словарь, то вопил, что он — секретные чернила, и стоит его погреть у печки, как проступят на бумаге и он сам, и написанные с его помощью указания, как попасть из Зоологического Сада в Царство Кукол.

— Вот бы побывать в Царстве Кукол! — сказала Анечка.

— Я бы тоже не отказался, только не знаю, как туда попасть.

— Попугай, кажется, знает.

— Он же спятил! — махнул рукой Соломенный Губерт.

— Хоть и спятил, а знает!

— Да! Я знаю! — закричал Попугай.

— Расскажите тогда! — попросила Анечка-Невеличка.

— Не расскажу, не имею права — это суровая тайна!

— Раз вы спятили, вы имеете право выдать нам любую суровую тайну, — сказал Соломенный Губерт.

— Ни за что не выдам!

— Но мы желаем знать! — стоял на своём Соломенный Губерт.

— Желаете — узнаете!

— Как же это?

— Просто! — сказала полоумная птица.

— Ну как просто?

— А так! Я вам не скажу, а вы узнаете!

— Вот какие ненормальные вещи он говорит! — удивился Соломенный Губерт.

— Выдерните из меня перо, и оно вам напишет, как попасть в Царство Кукол!

Выдёргивать из полоумного Попугая перо не было необходимости. Пока Попугай бился и перекаtywался с боку на бок, он и так потерял много перьев. А когда снова стал трепыхаться и перекаtywаться, одно, самое разноцветное, выпало из клетки и опустилось на ослиную парту.

Соломенный Губерт схватил его и стал ждать, когда оно что-нибудь напишет.

И действительно, перо в его руках начало писать красивыми цветными чернилами и написало вот что:

*Отыщите самый тихий угол,
Где не слышно, как бормочут звери;
Там найдёте потайные двери,
А за ними будет Царство Кукол.*

— До чего волшебное перо! — воскликнула Анечка-Невеличка.

— Но где же этот тихий угол? — с досадой сказал Соломенный Губерт.

Пока он досадовал и раздумывал, где искать угол с дверями в Царство Кукол, красивое волшебное перо взяла Анечка-Невеличка, и перо написало вот что:

*Эта стёжка перестанет виться,
Где водица станет вверх струиться;
Там и есть заветный тихий угол,
За которым двери в Царство Кукол.*

Соломенный Губерт обрадовался, что больше не надо раздумывать, где искать тихий угол, и Анечка-Невеличка тоже обрадовалась, что красивое волшебное перо открыло, как заветный угол найти. И оба отправились по стёжке, которая должна была перестать виться.

Глава *в которой*
двадцать *подтверждается пословица*
первая, *«Что ни шёпоты,*
то с чёртом хлопоты»

ПОКА СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ с Анечкой-Невеличкой шли по стёжке, которая должна была перестать виться, голоса зверей замирали и, наконец, замерли вовсе. Когда они замерли вовсе, откуда-то послышался громкий шёпот. Казалось, шепчет целая улица, даже больше, чем улица, — таким громким был шёпот.

Пока Анечка глядела по сторонам, интересуясь, откуда может доноситься громкий шёпот, Соломенный Губерт заметил нечто сверкающее и обратил на то, что увидел, внимание Анечки.

Что это было? Что же это было?

Было оно сверкающее, как новогодняя ёлка, на ветках которой полным-полно игрушек. Причём — и в этом не приходилось сомневаться — оно-то и шептало!

— Ой, что же это? — спросила Анечка.

— Не догадывается?

— По-моему, стеклянная ёлка.

— Приглядитесь получше!

Анечка пригляделась и увидела, что это не стеклянная ёлка.

— Может быть, водяной куст? — предположила она.

— Водяной куст уже точнее! — сказал Соломенный Губерт. — Ведь это Фонтан!

Действительно, это был Фонтан.

Вода струилась вверх тоненькими прутиками, потом прутики сгибались, и вода падала мелкими капельками. И всё время повторялось одно и то же: вода била вверх тонкими прутиками и, оттого, что прутики сгибались, падала мелкими капельками. От всего этого рябило в глазах и получался громкий шёпот, более громкий, чем шёпот целой улицы, и более громкий, чем шёпот листьев на деревьях.

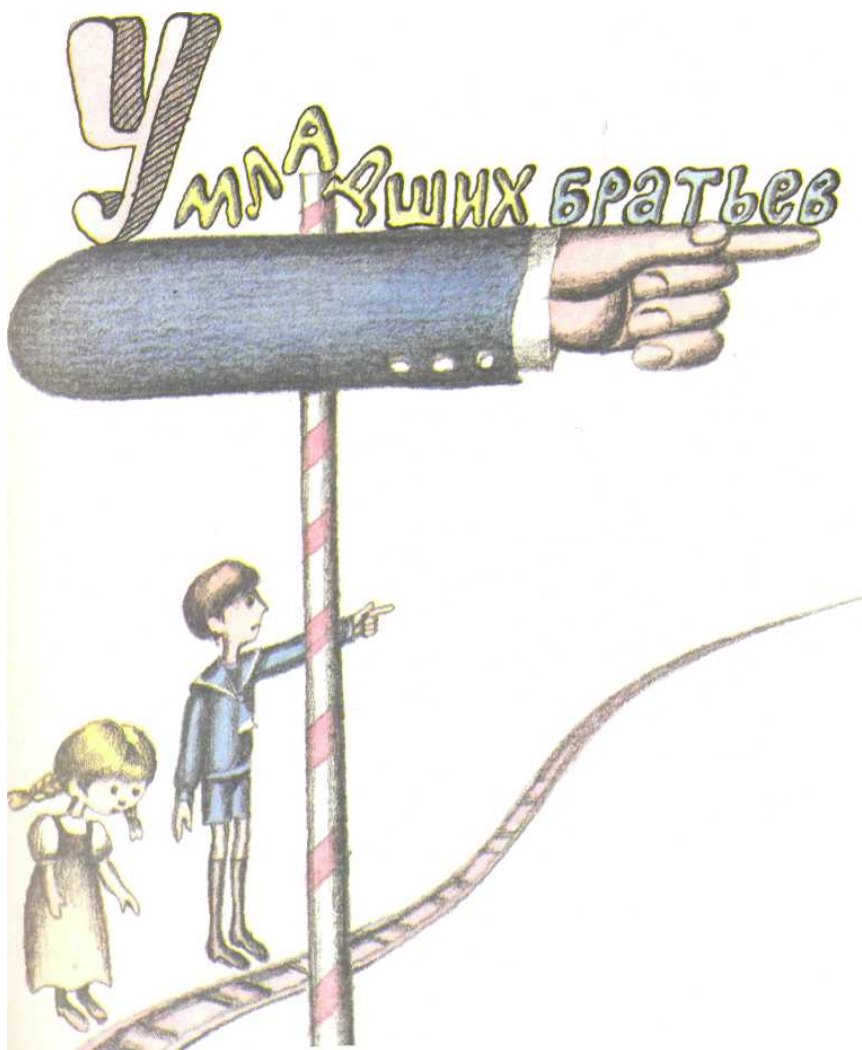
Анечке показалось, что Фонтан шепчет вот про что:

Звёздный шлейф я шью и шью,
Жемчугами разошью,
Тонкой ниткой золотой,
Золочёною иглой.
А когда всё вышью я,
Три глоточка выпью я
Из глубокого колодца,
А в колодце позолотца
Расколосась в блёсточки —
Это тоже звёздочки!

Когда Анечка-Невеличка сказала Соломенному Губерту про что, как ей показалось, шепчет Фонтан, тот заметил:

- Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты. Впрочем, поглядим!
 - Что поглядим?
 - С чёртом ли?
 - То, что шепчет Фонтан?
 - Конечно. Да и шепчет ли он вообще?
 - Разве вы не слышите?
 - Как не слышу? Но я не разбираю никаких слов!
 - И кажется, злитесь поэтому?
 - Конечно. Мне очень важно расслышать слова.
 - Я же их слышала! — сказала Анечка-Невеличка.
 - Те слова меня не интересуют!
 - А какие интересуют?
 - Которые сообщат что-нибудь о моей Соломенной Шляпе!
 - Вы думаете, Фонтан знает про вашу шляпу?
 - Думаю. Фонтан же — вода. А шляпа упала в воду. А раз Фонтан — вода, он должен знать, что случилось с моей шляпой.
 - Тогда подойдём поближе и послушаем! Они подошли поближе и стали слушать.
 - Я, кажется, слышу «шляпа, шляпа», а потом «сушится, сушится».
 - А я — совсем другое! — с досадой сказал Соломенный Губерт.
 - Что?
 - «Шишка» я слышу, вот что!
 - А я слышу «шиповник»!
 - А я — «шмель»!
 - А я слышу «пшено, пшено»!
 - А я — «мышь-мышь-мышь»!
 - А я — «шаль-шаль-шаль»!
 - А я слышу «шимпанзе», — сказал Соломенный Губерт, а потом добавил: — Ничего мы не узнаем! Я ведь говорил: что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты!
- И действительно Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом ничего не узнали про шляпу, ведь что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава *в которой*
двадцать *Соломенный Губерт*
вторая, *и Анечка-Невеличка*
 входят в Царство Кукол

— ВОТ ОНИ, ДВЕРИ, ПРО КОТОРЫЕ написало Волшебное Перо! — сказала Анечка-Невеличка.

— Я рад и счастлив! — ответил Соломенный Губерт. — Только они наверняка заперты, а у нас нет ключа.

Он был раздосадован, ведь Фонтан ничего не сообщил про Соломенную Шляпу! И вот, решив теперь, что потайные двери заперты, он, словно собираясь на эти двери напасть, сильно на них нажал.

Двери подались, и Соломенный Губерт куда-то исчез. Через секунду он снова появился, потом снова исчез и снова появился.

— Странные двери! — сказала Анечка-Невеличка.— Не открываются и не закрываются, а словно бы вертятся.

Так оно и было. Двери вертелись. Анечке тоже захотелось войти в двери, которые не открываются и не закрываются, а вертятся, и она, словно собираясь на эти двери напасть, сильно на них нажала и тоже исчезла куда-то, и тоже всего лишь на секунду, а потом снова появилась. И опять исчезла, и опять появилась.

Вдоволь наисчезавшись и напоявлявшись в удивительных дверях, она сказала Соломенному Губерту, что неплохо бы поинтересоваться, ч т о за дверями.

И они поинтересовались. За удивительными дверями оказался тёмный коридор, в конце которого горел огонёк. То и дело огонёк менял цвет, становясь попеременно красным, жёлтым и зелёным.

— Это светофор! — догадался Соломенный Губерт.

— Давайте поглядим на него поближе! — предложила Анечка.

У светофора Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом увидели рельсы, ведущие неведомо куда. Пока они разглядывали рельсы, над красивым полосатым столбиком откуда-то появилась рука и указала налево.

Они пошли налево и вскоре увидели ещё одни двери, на этот раз стеклянные, за которыми горел яркий-яркий свет.

— Придётся войти! — сказал Соломенный Губерт.

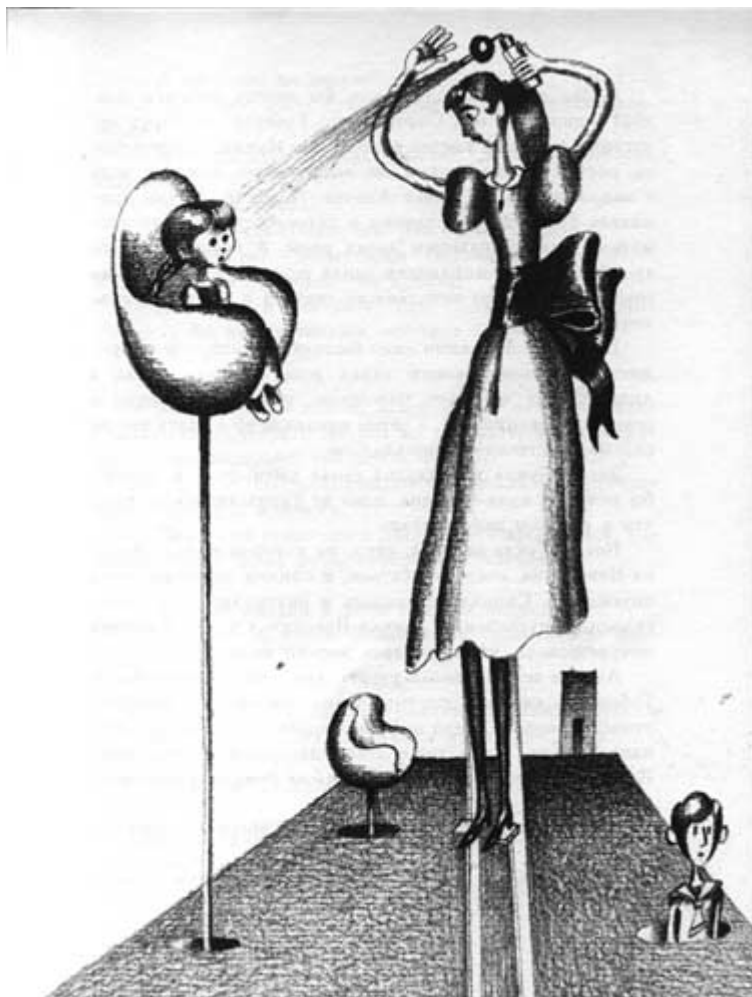
— Почему?

— Потому что тут не написано, что посторонним вход запрещён.

— Тогда войдём! — согласилась Анечка.

За дверями, где горел яркий-яркий свет, в большой комнате оказалось несколько зеркал. Перед каждым стоял стул с высокой спинкой, и каждый стул то поднимался вверх, то съезжал вниз.

— Садитесь! — сказал Соломенный Губерт Анечке.

— А разве написано, что я должна сесть?

— Нет.

— Почему же надо садиться?

— Потому что не написано, что садиться запрещено!

Анечка-Невеличка села на самый низкий стул с самой низкой спинкой. Стоило ей сесть, спинка стала выше, а стул поехал высоко вверх, так что Анечка оказалась как бы между небом и землёй.

— Вы тоже оказались как бы между небом и землёй? — спросила она Соломенного Губерта, но вдруг испуганно смолкла, увидев долговязую Куклу, которая была ростом до

потолка и на высоченных ходулях шла к задрожавшей от ужаса Анечке. Подойдя, Кукла принялась брызгать из флакона в лицо Анечке чем-то ароматным, напоминающим запах розы. А брызгая чем-то ароматным, напоминающим запах розы, Кукла ничего не говорила и только неподвижно глядела в одном направлении.

Когда всё Анечкино лицо было обрызгано чем-то ароматным, напоминающим запах розы, Кукла подула в лицо Анечке каким-то порошком, тоже превосходно и редко пахнувшим, а затем накапала ей в глаза что-то сильно блестящее и прохладное.

Затем Кукла на ходулях стала уменьшаться, словно бы исчезать куда-то в пол, пока не уменьшилась до того, что и в самом деле исчезла.

Когда Кукла исчезла, стул, на котором сидела Анечка-Невеличка, стал опускаться, и спинка его тоже стала опускаться. Спинка опускалась и опускалась, стул опускался и опускался, и Анечка-Невеличка в конце концов почувствовала, что коснулась ногами пола.

Анечка встала, желая узнать, как дела у Соломенного Губерта, и увидела, что тот сильно изменился. Глаза его, прежде озорные, стали неподвижными и глядели в одном направлении. Лицо тоже стало неподвижно, как лицо Куклы на высоких ходулях. Это был и не был Соломенный Губерт.

— Вы разве не Соломенный Губерт? — спросила Анечка.

— То есть как не Соломенный Губерт? А вы, кстати, кто такая?

— А вы разве не знаете?

— По-моему, вы — кукла, похожая на Анечку-Невеличку.

— Я — кукла? — сказала Анечка, и ей захотелось плакать.

— Конечно, кукла!

— Я — Анечка-Невеличка. Это вы — кукла!

— Я — кукла? — возмутился Соломенный Губерт.— Никому бы не советовал так думать!

— Хоть вы и говорите, как Соломенный Губерт: «Никому бы не советовал!», всё-таки вы — кукла!

— Это вы — кукла!

— Нет, вы!

— То, что вы — кукла, ясно! Я это вижу,— сказал Соломенный Губерт. — Но раз вы говорите, что я — кукла, значит, наверное, так оно и есть.

Так оно и было. Поглядев в зеркало, оба убедились, что стали куклами.

— Вам тоже брызгали в лицо чем-то ароматным, напоминающим запах розы? — спросила Анечка.

— Тоже.

— И тоже подули в лицо нежным порошком?

— Подули. А потом накапали в глаза что-то блестящее.

— И мне,— сказала Анечка.

В этот момент раздался громкий-громкий звонок, а над дверями появилась табличка с надписью:

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ПОЕЗД. САДИТЕСЬ!

Едва появилась табличка, Соломенный Губерт предложил побыстрее вернуться к рельсам и сесть в Занимательный Поезд. Однако на рельсах никакого поезда не оказалось. Были там только две большие-большие картонные коробки, лежавшие на плоских четырёхколёсных тележках, и на коробках было написано:

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ПОЕЗД

Немного подумав, Соломенный Губерт сказал, что придётся войти в коробки.

— А вам приходилось входить в коробки? — спросила Анечка.

— Ни разу!

— Тогда лучше бы не входить. Если произойдёт крушение, нам из них не выбраться.

— Крушения не произойдёт, потому что работает светофор.

— Значит, садимся? — спросила Анечка.

— Конечно! Я уже в коробке!—сказал Соломенный Губерт, и Анечка-Невеличка тоже забралась в коробку.

Едва они расположились в Занимательном Поезде, коробки захлопнулись — одна над Соломенным Губертом, а другая над Анечкой, — и Занимательный Поезд тронулся, поехав неведомо куда. Соломенный Губерт не знал — просто даже не предполагал, — куда едет Поезд, и Анечка тоже не знала — просто даже не предполагала,— куда Поезд едет.

Куда ехал Занимательный Поезд? Куда же он всё-таки ехал?

Глава *в которой*
двадцать *Анечка-Невеличка*
третья, *и Соломенный Губерт*
выходят не на той станции

ПОЕЗД БЕЗО ВСЯКОГО СОМНЕНИЯ ехал в туннеле, потому что вокруг было темно. Наконец, когда стало светлее, он сделал первую остановку, и крышки коробок поднялись. Соломенный Губерт прислушался, будут ли объявлять название станции и будут ли, как обычно, кричать: «Горячие сосиски!», «Ситро!», «Пиво!» Но ни названия станции, ни «горячие сосиски», ни «ситро», ни «пиво» не выкрикивали. Станция, безо всякого сомнения, была какой-то необычной. Соломенный Губерт встал, намереваясь узнать, куда они приехали, и тотчас же выпрыгнул из коробки — такое странное, чрезвычайно поразившее его зрелище он увидел. Выпрыгивая, он не забыл крикнуть Анечке-Невеличке, чтобы и она тоже выпрыгнула, и Анечка тоже выпрыгнула. Едва она выпрыгнула, Поезд тронулся и отъехал. Долго осматривались они и долго удивлялись. Чему они удивлялись? Чему же они удивлялись?

Удивлялись они тому, что вблизи не было ни вокзала, ни города, ни деревни. Всюду, куда ни глянь, торчали скалы, пустынные и выжженные, а под скалами что-то странно шумело.

— Мы, безо всякого сомнения, вышли не на той станции, — сказала Анечка.

— А какая, по-вашему, т а?

— Не знаю! — сказала Анечка-Невеличка.

В этот момент хлопнул выстрел, потом другой и третий.

— Повезло нам! — воскликнул Соломенный Губерт.

— Почему повезло?

— Поглядите, что происходит!

— А что происходит? — спросила Анечка.

— В Занимательный Поезд стреляют!

И правда, в Занимательный Поезд стреляли. Анечка не знала, откуда в него стреляли, но стреляли в него. Занимательный Поезд стал прыгать на рельсах. Пока он прыгал, раздался ещё один громкий, очень громкий выстрел, и Занимательный Поезд опрокинулся.

— Действительно, нам повезло, когда мы вышли не на той станции! — сказала Анечка.

— До чёртиков повезло! — пробормотал Соломенный Губерт.

— Пожалуйста, не говорите «до чёртиков».

— Почему это?

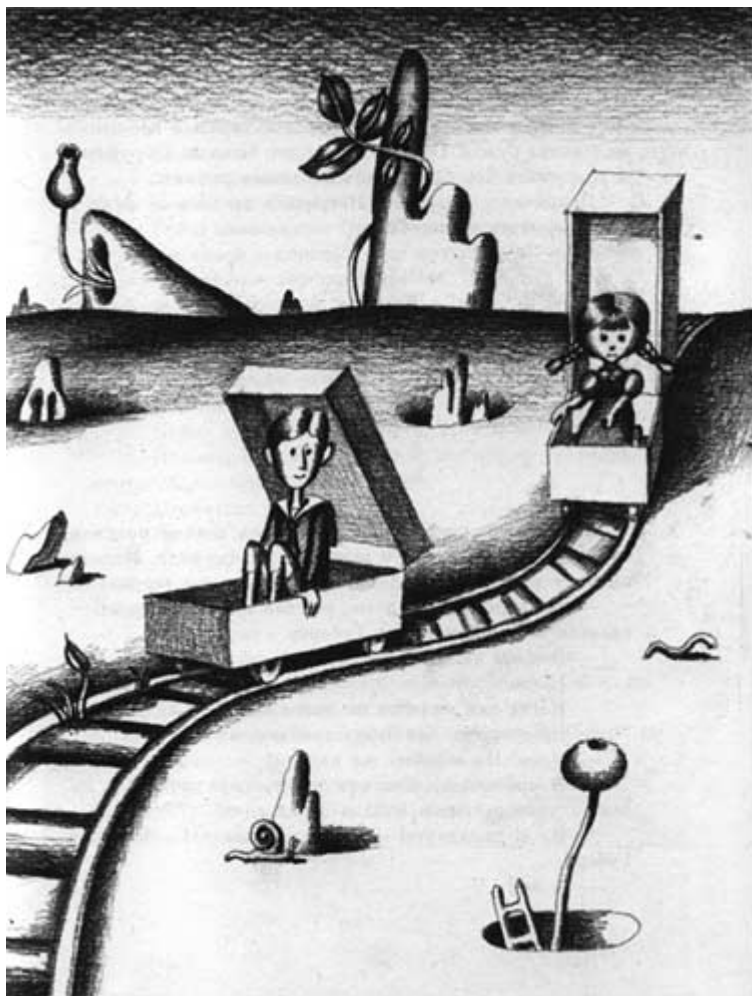
— Потому что с нами случится что-нибудь плохое!

— С нами случилось самое плохое, что могло случиться! — заметил Соломенный Губерт и пригнулся.

Анечка тоже пригнулась. Она хотела спросить, что же плохого с ними случилось, но вдруг заметила, что к рельсам подбежала толпа маленьких чёрных человечков и, бросившись на коробку, в которой приехал Соломенный Губерт, разорвала её в клочья.

— Дикари! — прошептал Соломенный Губерт и сжал кулаки.

— Что же делать? — спросила Анечка.

— Выждать время! — хладнокровно ответил Соломен-ннга Губерт.

И они стали выжидать время. Пока они выжидали время, Анечка разглядывала Негритят. Те были полуголые, причём кое-кто держал длинные копья, а кое-кто — маленькие ружья. Остальные кое-кто были не вооружены и разрывали коробку в клочья голыми руками.

Покончив с коробкой, Негритята взялись за руки и стали прыгать и припевать:

Победа! Победа!
Без боя! Без боя!
Ведь руки
И ноги
У нас с тобой
С собою!
Ура-а-а!!!

Попев и попрыгав, они уселись на землю, подняли вверх маленькие трубы и заиграли то, что пели. Играли они так красиво, что Анечка тоже едва не запрыгала.

- Наверно, они не злые, раз так красиво играют! — сказала она Соломенному Губерту.
- Это мы посмотрим.
- Когда?
- Когда они нападут на наш след.
- Вы думаете, они будут нападать на наш след?
- Ясно! На коробку же напали!
- А мне неясно. Раз они так красиво играют, я бы сама с удовольствием напала на их след!
- Ну и нападайте! — обиженно сказал Соломенный Губерт.
- А вы?
- А я пойду искать удобные пещеры в скалах и коренья, которыми нам предстоит питаться.
- А вы питались когда-нибудь кореньями?
- Никогда!
- А я питалась.
- Что же это были за коренья?
- Такие оранжевые. Называются морковки.
- Морковки — коренья? Вот почему я их не люблю.
- Морковки — хорошие коренья. Тут таких хороших кореньев, как морковки, наверно, и нету.
- Тогда не буду искать коренья! Лучше умереть с голоду, чем есть морковь!
- Я не дам вам умереть с голоду.
- Как вы это сможете сделать?
- Пойду под окошки к Негритятам и попрошу еды.
- Похоже, они вам нравятся, эти дикари! — раздражённо сказал Соломенный Губерт.
- Нравятся.
- Ну что ж, значит, конец.
- Почему?
- Раз они вам нравятся и вы к ним пойдете, они вас зажарят!
- Я не верю в это.
- Вы не верите, потому что они вам нравятся.
- Раз они мне нравятся, я тоже, может быть, им понравлюсь, и они меня не зажарят.
- Значит, идёте?! — крикнул Соломенный Губерт и улёгся на скале.
- Иду, раз вы хмуритесь,— сказала Анечка и пошла.

Глава *в которой*
двадцать *Анечка-Невеличка*
четвёртая, *идёт к Негритятам*

АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА НЕСКОЛЬКО раз оборачивалась и махала рукой, но Соломенный Губерт был хмур и не глядел в её сторону.

Она шла сперва по пустынным и выжженным скалам, потом спустилась в долину, потом снова пошла по скалам и, наконец, снова спустилась в долину. Тут она увидела большую хижину, возле которой суеилось множество маленьких чёрных человечков, странно при этом подпрыгивавших. Среди них были и те, которые играли и понравились Анечке. Играть они не переставали и не переставали ей нравиться.

Анечка пригнулась и направилась прямо к оркестру.

Вдруг человек, который, размахивая руками, показывал остальным, как надо играть, заметил её и так странно взмахнул руками, что все, кто играл, перестали играть, а он закричал:

— Туристы приехали!

И сразу же из хижины выбежало такое множество маленьких чёрных человечков, что Анечка даже испугалась. И все кинулись прямо к ней.

Бежали они к Анечке, как муравьи, а добежав, обступили кольцом и стали плясать, потому что опять заиграла музыка.

Когда все вдоволь наплясались, тот, кто показывал остальным, как надо играть, опять взмахнул руками, музыка умолкла, а из хижины выскочил Кролик. Анечка сразу его узнала. Это был Кролик, который сидел на верблюжьей спине и съел Диплом.

Анечка ужасно обрадовалась и, когда Кролик очень мило встал перед ней на задние лапки, подняла его за уши и взяла на руки.

В этот момент к ней подошёл тот, кто показывал остальным, как надо играть, и сказал:

— Приветствуем вас! Ваши Негритята!

На вежливое это приветствие Анечка ответила тоже как можно вежливее:

— Благодарю вас! Ваша Анечка!

— Мы знали, что вы на Занимательном Поезде приедете.

— И поэтому его разорвали?

— П о э т о м у мы его не разорвали!

— Почему же тогда?

— П о т о м у ч т о на нём никто не приехал!

— А как вы догадались, что мы приедем?

— В Дипломе было написано.

— А как сюда попал Диплом?

— Кролик его выплюнул.

Анечка-Невеличка прижала к сердцу преданно глядевшего на неё Кролика.

— Пусть никто его не обижает! — сказала она.

Тот, кто показывал остальным, как надо играть, добавил:

— И пусть ни один волос не упадёт с его головы!

Из толпы Негритят выскочил самый маленький и сказал:

— Вот волос, который упал с его головы. Это кроличий ус. Но я в этом не виноват. Получилось вот как. Я был дозорным возле дыр в морском берегу. Ходил от дыры к дыре и приглядывался, не собирается ли кто напасть на Остров. Вдруг кто-то как зафырчит! «Стой! Стрелять буду!» — крикнул я, но тут из одной дыры сперва высунулись длинные усы, а потом появился Кролик и сразу же выплонул Диплом. Диплом возьми и задень за кроличьи усы, и один ус упал. Вот он, этот ус!

- Ясно! — сказал тот, кто показывал остальным, как надо играть.
- Прекрасно! Диплом и Кролик с нами! — воскликнула Анечка и спросила: — А вы кто такой будете?
- Я — Самый Старший Брат. Остальные — Младшие Братья.
- А малюсенький, который был дозорным?
- Это Самый Младший Брат!
- У вас много Братьев?
- Сейчас придёт Товарный Поезд и привезёт ещё десятерых.
- Откуда?
- Из Мастерской!
- А сами вы откуда?
- Тоже из Мастерской! — сказал Самый Старший Брат и спросил: — А ваш Брат где же?
- У меня нет никакого Брата!
- Как это может быть?
- Я родилась без Брата.

Самому Старшему Брату показалось странным, что Анечка-Невеличка родилась без Брата, и он спросил:

- Кто же тогда тот, который должен был с вами приехать?
- Это не Брат. Это Соломенный Губерт.

Самый Старший Брат так удивился, что даже присвистнул. Младшие Братья тоже присвистнули — так они Удивились. И Самый Младший Брат, который был дозорным и принёс кроличий ус, тоже удивился и тоже присвистнул.

- Где же этот Соломенный Губерт? — спросил Самый Старший Брат.
- Он в скалах остался, потому что боится вас. Негритята так удивились, что даже присвистнули, но едва все присвистнули, как сразу же удивились снова, причём на этот раз куда сильнее, и снова присвистнули.

Чему они удивились? Чему же они удивились?

Удивились они поразительному зрелищу. Со скалы спрыгнул Соломенный Губерт, встал на руки и побежал прямо к ним. Анечка сперва испугалась, подумав, что снова включили ток и Соломенный Губерт вынужден бежать на руках, словно на ногах. Однако её опасения оказались напрасными. Соломенный Губерт внезапно сделал кувырок, встал на ноги и сказал:

- Я вас не боюсь! Если кому-то угодно думать, что я его боялся, я немедленно вызову того на единоборство!

Все Маленькие Негритята даже присвистнули от удивления, и Анечка-Невеличка поспешила сказать:

- Это я подумала, что вы боитесь. Но я уже так не думаю.
- Тогда я не вызову вас на единоборство.

Анечка-Невеличка обрадовалась, и Маленькие Негритята тоже обрадовались. Они так обрадовались, что Самый Старший Брат тотчас же сказал Соломенному Губерту:

— Приветствуем вас! Ваши Негритята! На что Соломенный Губерт ответил:

— Благодарю вас! Ваш Соломенный Губерт! Самый Старший Брат радостно взмахнул руками, Младшие Братья задудели, а Самый Младший Брат запел:

Я — Самый Младший,
Самый я Младший.
Младший я Самый Брат!
Если — Самый Младший,
Раз я Самый Младший,
Раз уж Самый Младший Брат,
Крыс мне поручили,
Чтоб не проскочили, —
Я же Самый Младший,
Я ведь Самый Младший,
Я, брат, Самый Младший Брат!

Вау-вау-вау,
Крысы, стой!

Вау-вау-вау,
Пушку в бой!

Вау-вау,
Навели!

Вау-вау,
Залпом пли!

Вау-вау-вау,
В цель я бил!

Вау-вау-вау,
Крыс разбил...

Дробь и порох!!!
Снова шорох!

Значит, промах
Снова был!

Услыхав такое, Кролик в ужасе задрожал, прыгнул с Анечкиных рук и помчался сломя голову наутёк.

Самый Старший Брат перестал махать руками, Младшие Братья перестали дудеть, Самый Младший Брат перестал петь, и все сломя голову помчались за Кроликом. Анечка-Невеличка сломя голову помчалась вместе со всеми, и Соломенный Губерт тоже помчался вместе со всеми сломя голову.

Глава *в которой*
двадцать *среди Негритят*
пятая, *воцаряется печаль*

КАК СТРАННО МАЛЕНЬКИЕ Негритята мчались сломя голову!

Мчались они сломя голову так, что задние перепрыгивали через передних, а передние затем перепрыгивали через задних.

— Жаль, не могу через вас перепрыгнуть,— сказала Анечка, бежавшая позади Соломенного Губерта.

— Я бы этого никому не советовал! — ответил Соломенный Губерт, бежавший впереди Анечки.

Но уже не было необходимости ни Анечке-Невеличке перепрыгивать через Соломенного Губерта, ни Соломенному Губерту перепрыгивать через Анечку. Маленькие Негритята, мчавшиеся сломя голову и перепрыгивавшие друг через дружку, внезапно остановились.

Самый Старший Брат вцепился в свои курчавые волосы и стал причитать:

— Наш Добрый Дух пропал! Наш Добрый Дух пропал!

— А кто ваш Добрый Дух? — спросила Анечка-Невеличка.

— Мы считаем Добрым Духом каждого гостя.

— Значит, вы плачете из-за Кролика?

— Пока что не плачем, а причитаем, — сказал Самый Старший Брат.

И действительно, пока что они не плакали, а только причитали, и причитали следующим образом:

Добрый Дух, не прогневишь,
Поскорее воротись!
Защити нас от ненастья,
От напасти, от несчастья!
Добрый Дух, обрадуй нас —
Воротись к нам сей же час!

Тут Самый Старший Брат принялся чертить круги на песке.

— Зачем это он? — спросила Анечка Соломенного Губерта.

— Для заклинаний, наверно.

И действительно, Самый Старший Брат стал говорить заклинания. Заклинал он Доброго Духа так:

И на суше, и на море
С нами ты не будь в раздоре;
Воротись к нам, Добрый Дух,
Чтоб очаг наш не потух,
Воротись, обрадуй нас!
Я взываю в первый раз!

Потом Самый Старший Брат стал чертить на песке новые круги и снова принялся заклинать Доброго Духа. Заклинал он его так:

И на суше, и на море
С нами ты не будь в раздоре;
Воротись к нам, Добрый Дух,
Чтоб очаг наш не потух,
Воротись, обрадуй нас!
Во второй зываю раз!

Потом Самый Старший Брат стал чертить на песке ещё круги и опять стал заклинать Доброго Духа:

И на суше, и на море
С нами ты не будь в раздоре;
Воротись к нам, Добрый Дух,
Чтоб очаг наш не потух,
Воротись, обрадуй нас!
Я зываю в третий раз!

Но Кролик не возвратился.

— Добрый Дух не возвратился! — запричитал Самый Старший Брат. За ним запричитали Младшие Братья и, наконец, Самый Младший Брат.

Вволю попричитав, Самый Старший Брат достал из кармана пузырёк и принялся плакать. Плакал он вот как: по одной слезе скатилось в пузырёк сперва с его правого, потом с его левого глаза, за ними по очереди скатились ещё две слезы, а за ними ещё и ещё. Капали слёзы в пузырёк до тех пор, пока тот не наполнился.

Младшие Братья тоже плакали и роняли слёзы в пузырьки, пока пузырьки не наполнились. Последним плакал и ронял слёзы Самый Младший Брат. А так как у него были маленькие слёзы и пузырёк долго не наполнялся, Самому Младшему Брату пришлось долго плакать и ронять слёзы, пока пузырёк не наполнился доверху.

Анечке-Невеличке было жаль Негритят, и она тоже уронила слезу, но не в пузырёк, а наземь.

— Разве не жаль ронять слёзы наземь? — удивился Самый Старший Брат.

Не успел он это сказать, как слеза Анечкина стала подниматься вверх, всё выше и выше, а когда поднялась до самого неба, солнце брызнуло в неё лучами, и на небе засияла радуга, но не большая, а маленькая, словно маленькая радужная гребёнка. Стоило засиять радуге, как Самый Старший Брат улыбнулся и сказал:

— Добрый Дух с нами помирился!

Стоило Самому Старшему Брату улыбнуться, улыбнулись и все Маленькие Негритята, да так, что у них даже зубы засверкали, а большие рты захлопали — хлоп-хлоп!

Но тут Самый Старший Брат сказал, что время приниматься за работу, и Негритята собрались приняться за работу.

Глава *в которой*
двадцать *Негритята*
шестая, *принимаются за работу*

АНЕЧКЕ НЕ ТЕРПЕЛОСЬ УЗНАТЬ, как Негритята примутся за работу, и она спросила Самого Старшего Брата:

- Вы что собираетесь делать?
- Сажать Волшебные Растения.
- А зачем?
- Чтобы запах был.
- А на Волшебных Растениях бывают плоды?
- Сроду не было, — сказал Самый Старший Брат.
- Чем же вы питаетесь? — спросила Анечка и слегка побледнела. Если здешние растения не дают плодов, то и подумать страшно, чем Негритята питаются и кого зажаривают.
- Мы питаемся Волшебными Запахами, — ответил между тем Самый Старший Брат.
- Как это?
- А во сне! Мы засыпаем, Волшебный Запах нас одурманивает, а когда мы одурманится, перед нами появляются еда и питье; мы едим и пьём, пьём и едим!
- И я смогу пить и есть во сне?
- А как же! Только сперва надо уснуть.
- А я смогу уснуть? — допытывалась Анечка.
- Конечно! Только сперва должны зацвести Волшебные Растения.
- Вот бы зацвели!
- Сперва надо возделывать Остров.
- Трактором?
- Трактором?! А что это такое?
- Трактор даже больше паровоза.
- А паровоз что такое?
- Паровоз впереди поезда едет!
- Нету у нас тракторов,— сказал Самый Старший Брат и долго удивлялся, зачем бы это заводить тракторы.
- Но плуги у вас есть?
- А это ещё что за штука?
- Такая железная соха, которой выворачивают землю.
- И плугов у нас тоже нету,— сказал Самый Старший Брат и долго удивлялся, с чего бы это вдруг выворачивать землю.
- Разве она наизнанку, чтобы её выворачивать?

— Так уж и наизнанку! — сказала Анечка.— Семена ведь наверху, а должны быть внизу, чтобы прорасти. Ну хоть мотыги у вас есть?

Однако у Негритят не было даже мотыг.

— Я-то собиралась вам помочь, но раз и мотыг у вас нету, я просто не знаю, чем и помочь.

— Помочь вы нам очень можете, — сказал Самый Старший Брат. — Смотрите, как мы работаем, и улыбайтесь.

А работали Негритята вот как:

Сперва сделали пальцами ямки в земле, потом запели:

Добрая земляца,
Всё в тебе родится!
Будет всё расти-цвести,
Только, братцы, не грусти!

Потом каждый достал пузырёк со слезами и осторожно капнул в каждую ямку по слезинке.Затем все запели:

Унесите горести!
Обратитесь в радости!
Если всходов больше,
Значит, радость дольше!

Негритята пели и устраивали ямки в земле. Потом снова пели и осторожно капали в каждую ямку по слезинке, а потом снова пели.

Анечке всё это ужасно нравилось. Она глядела и улыбалась. А так как она улыбалась, небо становилось голубым и чистым, хотя порой по нему и пробегали тучки.

— Вы хмуритесь? — спросила Анечка Соломенного Губерта.

— Хмурюсь! — ответил Соломенный Губерт.

— Зачем же? Разве вы не видите, что небо тоже хмурится? А всё потому, что хмуритесь вы.

— Нахмуришься тут, если сроду не слышал, что Негритята разводят овощи!

— Не овощи, а Волшебные Растения!

— Волшебные Растения тоже овощи!

— Чем же, по-вашему, они должны заниматься?

— Рыбу ловить, охотиться на китов и диких зверей и воевать!

— А я рада, что они не ловят рыбу, не охотятся и не воюют.

— А по мне, лучше бы воевали! И ещё я хмурюсь оттого, что они ко мне невнимательны.

— Как невнимательны? Разве они не сказали вам: «Приветствуем вас! Ваши Негритята!»?

— Я им тоже сказал: «Благодарю вас! Ваш Соломенный Губерт!»

— Но вы же больше ни о чём и не спрашивали!

— Я не спрашивал, потому что они только с вами всё время разговаривают! А знаете что, спрощу-ка я, как они занимаются рыболовством! — сказал Соломенный Губерт и улыбнулся.

Едва он улыбнулся — на небе растаяла тучка. Потом ещё одна и ещё одна. Наконец растаяли все, сколько их в небе было.

Тем временем Негритята доделали работу и пропели:

Не ходи ты, солнце, к западу,
Дай нам всяческого запаха!
Подари нам в закрома ты
Неземные ароматы!

А когда они спели это, произошло чудо. Из земли проклюнулось множество маленьких

цветочков, и чем больше Анечка улыбалась, тем выше они росли, пока не стали большими-большими, вернее сказать, огромными.

— В первый раз такие вижу! — поразилась Анечка.

— А они называются как-нибудь? — спросил Соломенный Губерт Самого Старшего Брата.

— Конечно! У них названия что надо! — ответил Самый Старший Брат и велел Самому Младшему Брату с толком и по порядку рассказать про каждый цветок.

Самый Младший Брат начал объяснять:

— Вон то Волшебное Растение, похожее на молоток, называется Сапожник Холодный Дикорастущий.

— А почему? — спросила Анечка-Невеличка.

— А потому что всё время покачивается, словно гвоздики в подошву заколачивает.

— А как называется красный цветок, у которого рожки и который словно бы вертит головой? — спросил Соломенный Губерт.

— Это наш Бодяк Бодучий. Понюхайте-ка его!

Соломенный Губерт стал нюхать Бодяк Бодучий, а пока он его нюхал, Бодяк Бодучий нацелил рожки и боднул Соломенного Губерта.

— Больно? — спросила Анечка-Невеличка.

— Ничуть! — сказал Соломенный Губерт и в свою очередь боднул Бодяк Бодучий. Бодяк в ответ боднул Соломенного Губерта, и так повторилось несколько раз.

— Он пахнет свежей земляникой, даже ещё лучше, — сказал Соломенный Губерт, наигравшись.

— А как называется вон та бледно-голубая лента, которая красиво скручивается и раскручивается? — спросила Анечка.

— Кружевножка Лентобантичная, — ответил Самый Младший Брат. — А вы к ней подойдите и сами увидите.

Анечка-Невеличка смело направилась к Кружевножке Лентобантичной. Едва она к ней подошла, Кружевножка Лентобантичная начала обвиваться вокруг Анечки и обвила её с ног до шеи.

— Вам очень идёт, — сказал Соломенный Губерт.

Негритята тоже сочли, что Кружевножка Лентобантичная идёт Анечке-Невеличке, очень даже идёт, да и сама Анечка считала, что Кружевножка Лентобантичная ей очень идёт.

— Она пахнет, как сундук со свадебными нарядами, — сказала Анечка.

Тут Кружевножка Лентобантичная начала раскручиваться, пока не раскрутилась совсем, и Анечка пошла с Соломенным Губертом любоваться другими цветами.

Каких тут только не было!

Была Зеватка Снежнонежная, которая только и делала, что широко раскрывала рот, словно бы зевая. Пахла она горьким миндалём.

Был Укусус Блошинный, весь в волосках, словно крапива, но кожу Укусус не обжигал, она только слегка чесалась, и при этом пахло свечечкой.

Была ещё Булочка Одышливая, похожая на булку, намоченную в кофе и непрерывно дышавшую, причём пахло жареными пончиками.

Был Табакур Чубучный. Этот особенно понравился Соломенному Губерту. Табакур и впрямь был похож на курительную трубку, а когда Соломенный Губерт покурил из него, над цветком появился дымок и долго потом висел в воздухе.

Между тем Самый Младший Брат показал Анечке-Невеличке и Соломенному Губерту Волшебное Растение Конёк Фигурный, пахнувшее, как шоколадная конфета. Едва Соломенный Губерт поставил ногу на Конёк Фигурный, тот пришёл в движение и стал выписывать красивые круги и восьмёрки, так что Соломенный Губерт покатался, словно на катке. Анечка тоже покаталась, словно на катке, и хотела было узнать про другие

Волшебные Растения, например про Бочарник Завязтый или про Безза-ботку Плешивую, но не успела. Соломенный Губерт ловко её опередил и спросил Самого Старшего Брата:

— Выходит, вы дипломированные цветоводы?

— Нет, — ответил Самый Старший Брат, — мы скалолазы дипломированные!

— Это я заметил, — сказал Соломенный Губерт. — Но всё-таки я удивлён, что вы не охотитесь на китов и диких зверей, не занимаетесь рыболовством и не воюете.

Самый Старший Брат даже присвистнул от удивления. Самый Младший Брат тоже присвистнул, он тоже очень удивился. А когда оба присвистнули, Самый Старший Брат сказал:

— Этим занимались наши предки. А нам эти дела ни к чему!

— Откуда вы знаете, что этим занимались ваши предки?

— Как же нам не знать! В хижине хранится Летопись нашего Праотца, в которой про всё написано.

— Очень было бы интересно познакомиться с вашей Летописью!

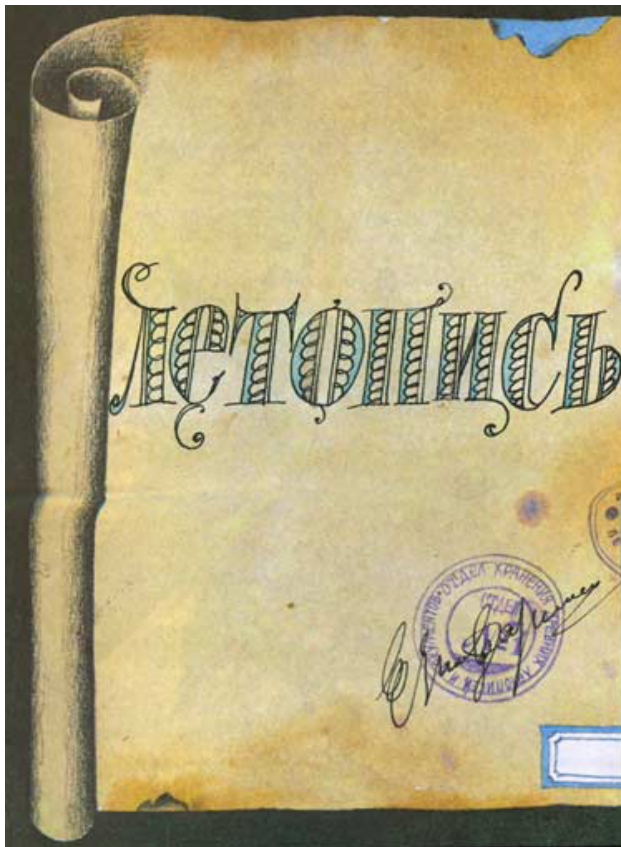
— Прекрасно! Я вам что-нибудь прочту из неё, — сказал Самый Старший Брат.

Один из Младших Братьев сбежал за Летописью, и Самый Старший Брат стал читать вслух.

Прочёл он следующее:

**Глава
двадцать
седьмая,**

*в которой Самый
Старший
Брат
читает
Летопись*

Вначале было большое чёрное перо. И это большое чёрное перо посадило большую чёрную кляксу.

Так возник мир!

А поскольку мир возник из большой чёрной кляксы, люди, населявшие его, были только чёрными. Кровь у этих чёрных людей тоже была чёрного цвета. Но стоило им однажды поразиться, и кровь их тотчас покраснела. Тогда они ужасно испугались. Некоторые с перепугу даже побежали. А победив, стали белыми и сразу же переселились в другие края.

Те, кто не побежал, были очень отважны и стали воинами. Они ловили рыбу, охотились на диких зверей и вели войны.

Ведя войны, они распевали воинственные песни. Озотнес всемо распевали они такую воинственную песню:

Кончен день!

Ура-ура!

Повоеем до утра!

Из реки добудем шкуру,

А потом отмочим шкуру —

Закаруним Рыбу-Кит!

Кто из воинов проспит,

Тех наважем белым цветом

И пошлём их банным мылом!

Принимая Рыба-Кит и всех прочтуня!

Если они ещё и танцуют вальс:
Удальцы, гроба дождят!

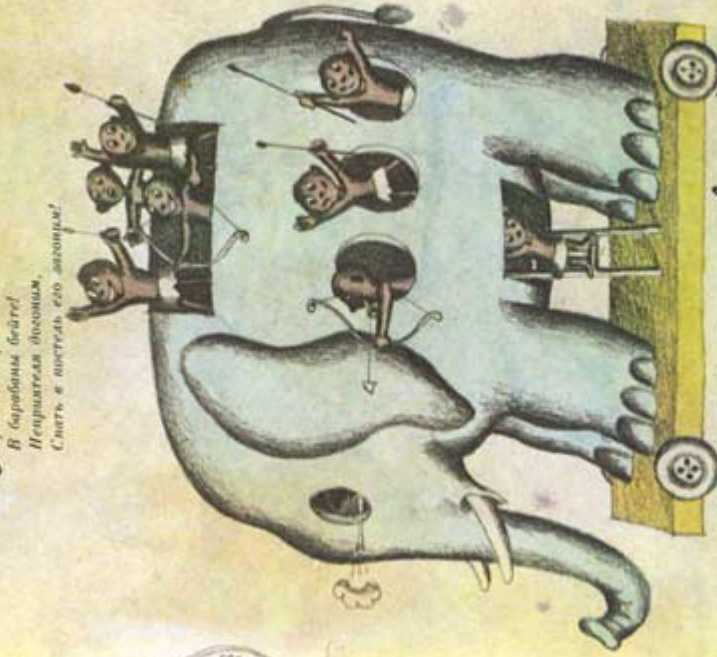
Пыж и лагрон и клык вперед!
Зверь выходит на охотку —
Поподи ему и макушку!
Кто промажет — тот пропал,
К зверю в лапы он попал!

Пробежал дивный зверь и всех растерзал.

С особым удовольствием иши они
вот танцуют вальс:
Братцы, не робейте!
В баррабанах бейте!
Неприкаяла босониза,
Спать и постыдь его экономя!

Душе парится и всех забавал.

Тогда пришли они
к козлуну-пустынни-
ку и говорят:

— Пришла Ры-
ба-Кит и все прогло-
тила.

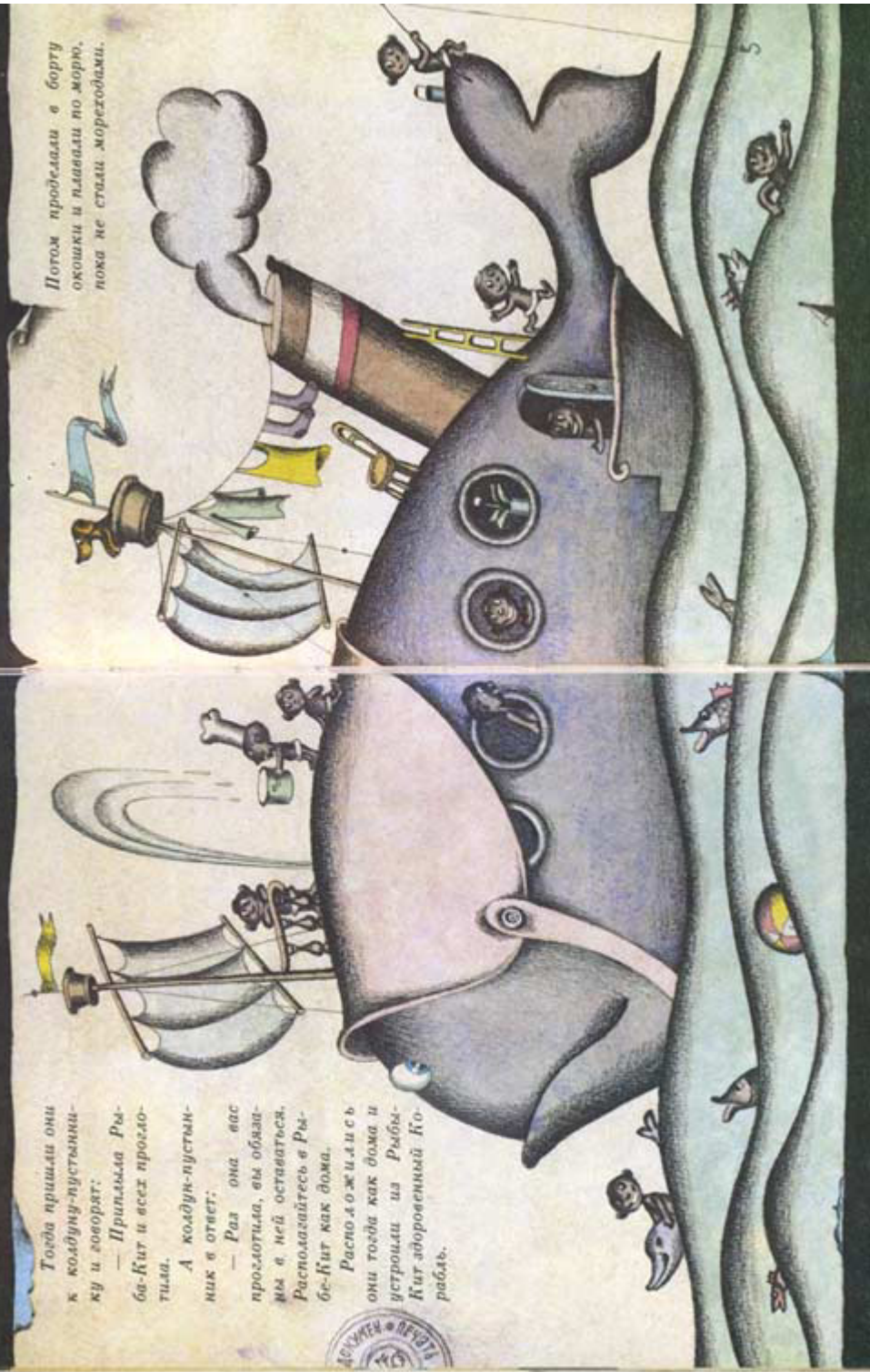
А козлун-пустын-
ник в ответ:

— Раз она вас
проглотила, вы обяза-
ны в ней остаться.
Распомаляйтесь в Ры-
ба-Кит как дома.

Распомалялись
они тогда как дома и
устроили из Рыбы-
Кит здоровенный Ко-
рабль.

Потом проехали в борту
окошки и плавали по морю,
пока не стали мореходами.

— А что делать нам, если нас растерзал
 дикий зверь? — спросили те, которых ра-
 стерзал дикий зверь.

На это коздиун ответил:

Ничего не поделаешь!

— Если вас растерзал дикий зверь, остаётся прыгать
 на одной ноге и гонять собственную голову.
 Стали они прыгать на одной ноге и гонять собствен-
 ную голову, а раздвигать чего не учились играть в футбол.

Колдун ответил:

— Если вас завоевали, ничто поделаю не будет. Можно только научиться летать и от неприятеля улететь.

— Как же это — ведь мы не птицы? —
— А вы постройте воздушный шар, — посоветовал колдун-пустынный.

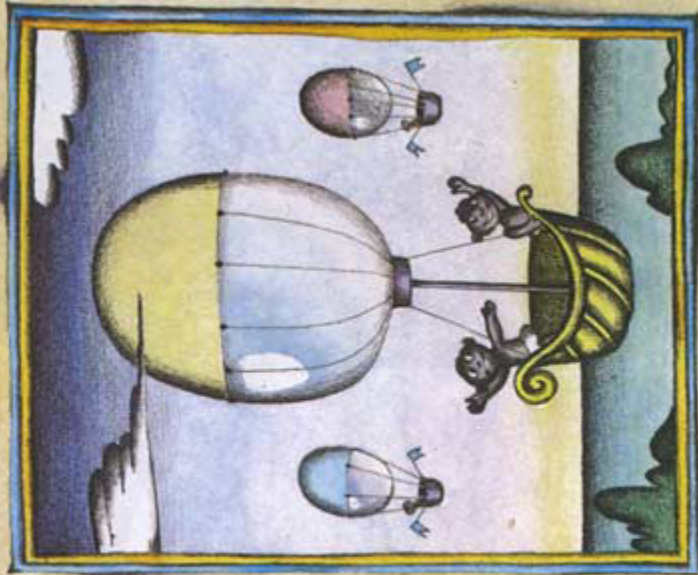
— Эх и дураки мы! Даже и не подумаю про воздушный шар!

Надоевали они пузырярей в луже и стали на них летать, как на воздушном шаре.

Полетали, полетали и решили, что лучше летать на воздушном шаре, чем вести войну, и тут же заключили со всеми мир. А когда заключили мир, всё пошло прекрасно.

Пусть я эти слова
давшим гусиным перам,
которые было вначале.

А Князь — долой!

Ну хорошо, — сказали колдуну те,
которые завоеван неприятели —
Что же делать нам, без нас завоеван.

Глава *в которой*
двадцать *Анечка-Невеличка*
восьмая, *догадывается,*
почему у Негритят
такая странная Летопись

КОГДА САМЫЙ СТАРШИЙ БРАТ дочитал Летопись, Соломенный Губерт спросил:

— Ваш Праотец, случайно, не озорничал, когда, скажем, выпьет?

— Чего выпьет? — удивился Самый Старший Брат.

— Шампанских Слез.

— Он бы тогда превратился в Волшебное Растение, которое похоже на бочонок в голубых точках, пахнет палёными кудрями и называется Промашка Лекарственная.

— Тут есть такое?

— Тут нет! — сказал Самый Младший Брат. — Ведь из нас никто никогда не пил Шампанских Слез, вот оно и не растёт здесь.

— Откуда же вам известно о Промашке Лекарственной? — в свою очередь удивился Соломенный Губерт.

— Мне о ней известно в вашу честь! Ведь придумали же вы про Шампанские Слезы!

— Придумал! Отгадали! — сказал довольный Соломенный Губерт и спросил: — Значит, ваш Праотец случайно не озорничал?

— Случайно нет! — ответил Самый Младший Брат.

— Значит, озорничал он не случайно!

— Почему вы так решили? — опять удивился Самый Старший Брат.

— Потому что Летопись у вас чудная какая-то! — сказал Соломенный Губерт и спросил Анечку: — Вам не показалось?

— Немного показалось.

— Это почему же она чудная? — спросил Самый Старший Брат.

— Ну как могли те, кого проглотил Кит, взять и прийти к колдуну?

— Очень просто! В колонну по два,— сказал Самый Младший Брат.

— Разве что! — воскликнул Соломенный Губерт. — Я-то думал, они шли по одному, и никак у меня не получалось! По одному Кит бы их не выпустил. Пасть захлопнул бы и не выпустил. Но если они шли в колонну по два, один, вероятно, открывал китовую пасть, а другой проходил и заодно прихватывал первого.

— Очень возможно, — согласился Самый Старший Брат.

— А не кажется ли вам, что ваша Летопись немного перепутана? — спросил Соломенный Губерт.

— Конечно, перепутана! И ещё как! — ответил Самый Старший Брат. — Недаром наш Праотец звался Лилипутаником.

— Значит, и вы зовётесь Лилипутаниками? — заинтересовался Соломенный Губерт.

— Я — только иногда. Например, сейчас. Потому что, когда читал, ещё больше перепутал Летопись.

Анечка огорчилась, что Самый Старший Брат вынужден зваться Лилипутаником, и сказала:

— По-моему, он не должен зваться Лилипутаником, он же не больше нас спутался.

— А мы спутались, по-вашему? — удивился Соломенный Губерт.— Конечно! Вы разве не спутались? — спросила Анечка Соломенного Губерта.

— Честно говоря, немножко, — признался Соломенный Губерт и слегка зевнул. Зевнув, он спросил Младших Братьев: — Не кажется ли вам, что вы тоже немного спутались?

— Кажется! Кажется! — закричали те и тоже зевнули. А когда зевнули, всё вокруг порозовело — такими розовыми оказались их языки.

Потом Соломенный Губерт спросил Самого Младшего Брата, не кажется ли тому, что и он немного спутался. Самый Младший Брат согласился с таким предположением и тоже зевнул, но так, словно бы глотнул огонёк, — таким розовым оказался его язык, когда он зевнул.

Анечке тоже захотелось зевнуть, однако она застеснялась, ведь зевать пришлось бы в присутствии Соломенного Губерта, Самого Старшего Брата, всех-всех Младших Братьев и, наконец, Самого Младшего Брата. Она прикрыла рот ладошкой и, вместо того чтобы зевнуть, сказала:

— А я знаю, отчего мы все немножко спутались!

— Отчего? — спросили все и зевнули.

— Оттого что нас одурманили Волшебные Растения. Все обрадовались, узнав в чём причина, а Соломенный Губерт зевнул и спросил Самого Старшего Брата:

— Когда мы не будем спутанные, прочтёте Летопись ещё разок? Но только не перепутанную!

— Конечно. Я ее задом наперёд прочту, — зевнув, пообещал Самый Старший Брат, и все снова зевнули, причём Анечка-Невеличка заметила, что с некоторых пор глаза у неё слипаются, а так как все вокруг только и делали, что зевали, она тоже стала зевать, уже не стесняясь.

Волшебные Растения пахли. Они так сладко пахли, что стало даже смеркаться. И хотя стемнело, откуда-то всё же разливался свет, такой белый, что хотелось зажмуриться. Освещенный этим светом Сапожник Холодный Дикорастущий словно бы заколачивал гвоздики. Кружев-ножка Лентобантичная скручивалась и раскручивалась, Зеватка Снежнонежная широко разевала рот, Укусус Блошинный пахнул свечечкой, а Булочка Одышливая непрерывно дышала. Было так красиво, что Анечка-Невеличка уже не думала ни о чём, а только глядела на Волшебные Растения и вдыхала их одурманивающие запахи.

Самый Старший Брат взмахнул руками, но как-то неуверенно, словно бы и не взмахивал, а все Маленькие Негритята приготовились спеть что-нибудь на сон грядущий, но тоже как-то нехотя, словно бы вовсе и не приготовились.

Однако они всё же приготовились и запели, хотя на этот раз в их пении не было ни складу ни ладу. Спели они вот что:

Доброй ночи, всё на свете!
Доброй ночи, белый свет!
Доброй ночи, птичьего голоса!
Доброй ночи, блохи, спать пора!
Звёзды вон посвистывают, словно птичьего клювики.
Луна позвякивает, словно бубен.
Будь здоров, стеклянный шарик,
Только завтра далеко не закатывайся!
Спите спокойно, пуговички,
Только окажитесь утречком на месте!
Всего хорошего, чёрствая горбушка!
Нас позвали на угощение.
Весь мир уедет на поезде.
Новый — по рельсам прикатит.
Всего хорошего, овечий бубенчик!
Доброй ночи, всё на свете!

Соломенный Губерт расположился на скале, которая вдруг стала мягкой, словно перина. Стоило скале стать мягкой, и Соломенный Губерт почувствовал, что глаза его слипаются. Когда глаза его совсем слиплись, ему пришла в голову какая-то очень важная мысль. Такая важная, что Соломенный Губерт разлепил глаза и сказал:

— Заперли?

— Кто? — хором спросили, разлепив глаза, Негритята.

— Ключом?

— Где?

— Позавчера! — настаивал Соломенный Губерт.

— Как это?

— В десять.

— Кому?

— На два оборота.

— И остальные тоже?

— Конечно!

— Кого чего?

— Тогда всё в порядке,— пробормотал Соломенный Губерт и стал радоваться, что всё оказалось в порядке. Анечка между тем свернулась калачиком, пошевелила губами, словно собираясь что-то сказать, однако ничего не сказала и уснула как убитая.

Соломенный Губерт тоже уснул как убитый. И все Маленькие Негритята уснули как убитые. Все спали.

Что с ними происходило, пока они спали? Что же с ними происходило?

Глава *в которой*
двадцать *мы узнаём, что происходило*
девятая, *с Анечкой-Невеличкой,*
Соломенным Губертом
и Негритятами, пока они спали

АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА ПРИОТКРЫЛА рот, и в нём, откуда ни возьмись, появился кубик сахара. Это был замечательный кубик сахара. А был он замечательный потому, что почти не уменьшался. Анечка-Невеличка втягивала сквозь него все-все ароматы — чудесные эти, одурманивающие ароматы, причём сперва она чувствовала вкус мёда, потом земляники со сливками и, наконец, — апельсинового лимонада. Ох и полакомилась Анечка, ох уж она и полакомилась!

А пока она лакобилась и чудесный сахар потихоньку таял, Анечка сладко спала, точно в колыбели.

Когда засыпал Соломенный Губерт, ему показалось, что сверху опускается что-то очень ароматное и накрывает ему лицо, словно бы желая заслонить от света.

Что же это была за невесомая вещь, опустившаяся Соломенному Губерту на лицо? Уж кто-кто, а Соломенный Губерт знал, что это была его Соломенная Шляпа. Причём была она теперь из марципана, и Соломенный Губерт мог преспокойно обкусывать её поля. До чего же вкусны оказались марципановые поля шляпы! Они были так вкусны, что Соломенный Губерт обкусывал их, как обкусывают ломоть дыни, такие они были вкусные.

А когда он их обкусал, осталась от Соломенной Шляпы как бы маленькая соломенная чашка, в которой шипело ситро. Оно шипело и было холодным-холодным, прямо ледяным. Соломенный Губерт пил его большими глотками, а пока пил и пока оно убывало, убывала и чашка. Наконец, он сделал последний глоток, и соломенная чашка растаяла, словно вафельный стаканчик, когда мы слизываем с него последние капли ванильного мороженого.

Потом Соломенному Губерту сладко-сладко спалось, словно бы спал он на мягком-премягком диване.

Самый Старший Брат, засыпая, ещё немного помахал руками, словно бы показывая Маленьким Негритятам, как надо петь. Потом разинул рот, как будто пел слово «мак», а когда разинул, Маленькие Негритята тоже разинули рты, как будто пели слово «мак».

Стоило им разинуть рты, откуда ни возьмись, появилась стайка жареных рыбок, и рыбки эти влетели в их разинутые рты.

Тогда Маленькие Негритята закрыли рты, и раздалось: хрум-хрум! — так понравились Негритятам рыбки!

Потом все Негритята снова разинули рты, но так, словно бы пели слово «краса», и сразу же впорхнула в их рты стайка жареных чижиков, каждому — один; Самому Старшему Брату — самый большой, Младшим Братьям — поменьше, а Самому Младшему Брату — самый маленький. Тут послышалось — хруп-хруп! — и все Негритята проглотили чижиков.

Потом каждый из них проглотил по печёному кроту, по одному жареному пирожку с муравьиным мармеладом, вкусом напоминавшим мак с мёдом, по клеверному пудингу, причём только и слышно было — ням-ням! — вот как лакомились Негритята!

Вдруг, откуда ни возьмись, прикатил Занимательный Поезд, и вышли из него десять Негритят из племени Рыбушменов.

Они принялись лязгать медными тарелками, да так, что все Маленькие Негритята тотчас

проснулись и вскочили на ноги. Соломенный Губерт тоже проснулся и вскочил на ноги, и Анечка-Невеличка тоже проснулась и вскочила на ноги.

Когда Самый Старший Брат увидел, что приехали Негритята из племени Рыбушменов, а не из племени Ли-липутаников, он даже присвистнул от удивления. Младшие Братья тоже присвистнули от удивления, и Самый Младший Брат тоже присвистнул.

— Приветствуем вас, Рыбушмены! Ваши Негритята! — сказал Самый Старший Брат.

— Спасибо вам, Негритята! Ваши Рыбушмены! — ответили Рыбушмены.

— Не перепутали ли вы, случайно, номер Занимательного Поезда? — спросил Самый Старший Брат.

— О нет! — ответили Рыбушмены. — Мы ведь не Лилипутаники.

— Тогда, значит, вас в Мастерской перепутали! — сказал Самый Старший Брат.

- Почему это нас в Мастерской перепутали?
- Наверно, потому, что у них карта спутанная.
- Почему это у них карта спутанная? Они ведь тоже не Лилипутаники!
- Потому что у нас тут — суша, а вы — Рыбушмены, и вам здесь будет тяжело дышаться, — сказал Самый Старший Брат.
- Нам будет легко дышаться, — сказали Рыбушмены и, улыбаясь, прибавили: — Вот вам тяжело будет дышаться.
- Нам-то л е г к о будет дышаться. У нас — л ё г к и е. А у вас жабры. А жабрами у нас не подышишь.
- Наоборот, жабрами-то мы у вас хорошо подышим. А вот за вас беспокоимся. Л ё г к и м и вам дышать будет н е л е г к о.
- Отчего же нелегко? До сих пор мы дышали с удовольствием, и море нам было по колено!
- А теперь будет не по колено. Потому что скоро Потоп.
- Разве будет Потоп? — испуганно спросил Самый Старший Брат.
- Неужели будет Потоп? — спросили все Младшие Братья, а с ними и Самый Младший Брат.
- Настоящий Потоп? — воскликнул Соломенный Губерт.
- Потоп? — ахнула Анечка-Невеличка.
- Да. Будет Потоп. Оттого-то мы тут,— ответили Рыбушмены.
- Как может случиться Потоп, если дыры в морском берегу хорошо заделаны? — спросил Самый Старший Брат.
- Плохо они заделаны! — сказали Рыбушмены.
- Желаете убедиться? — спросил Самый Старший Брат.
- Желаем!

И Рыбушмены со всеми Негритятами отправились убеждаться, хорошо ли заделаны дыры. Соломенный Губерт тоже отправился убеждаться, и Анечка-Невеличка тоже.

Придя на берег, все убедились, что дыры не заделаны вовсе, и сквозь них на Остров уже хлынула вода.

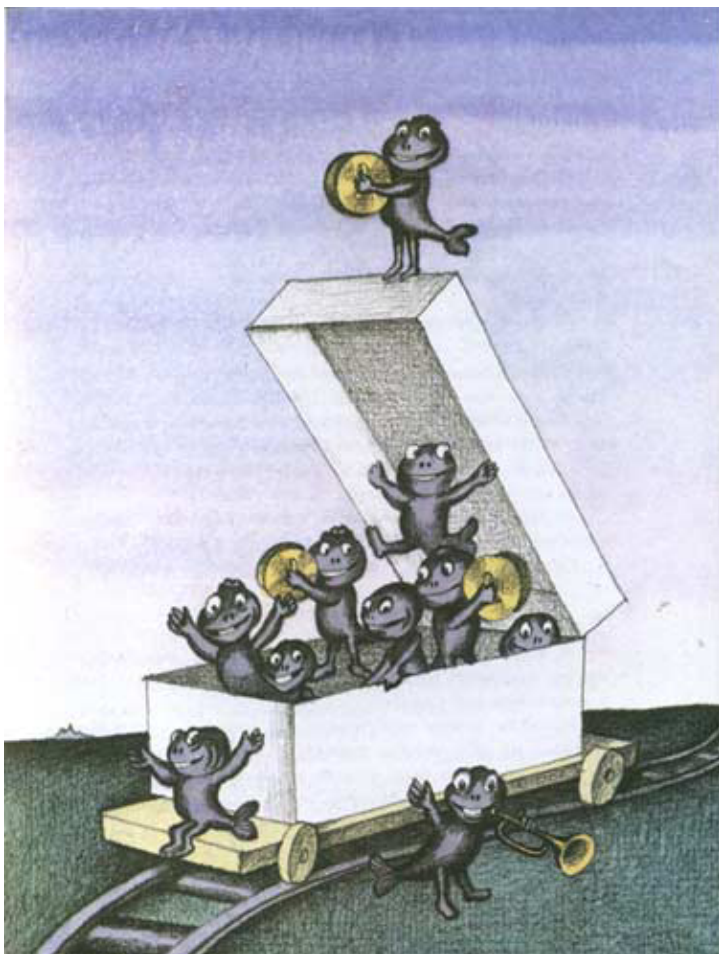
- Кто раскупорил дыры? — воскликнул Самый Старший Брат и запричитал:

Горе, братья, горе!
 Разыгралось море.
 Навалились тучи,
 Хмуры и могучи.
 Плачьте! Горе нам!

А Рыбушмены добавили:

Так и надо вам!

- Почему нам так и надо? — спросил Самый Старший Брат.
- Потому что дыры раскупорили!
- Мы их не раскупоривали! — закричали хором Маленькие Негритята и начали причитать:

В чёрной ночи день утоп,
Надвигается Потоп,
Будут воды притекать,
Будут молнии мелькать,
Сорок суток будет лить.
Что нам делать? Как нам быть?
Плачьте, братья! Горе нам!

А Рыбушмены добавили:

Плачьте! Так и надо вам!

— Почему нам так и надо? — спросил Самый Старший Брат.

— Потому что не верили, что дыры раскупорены!

— Мы же их не раскупоривали, как же мы могли поверить? — спросили Младшие Братья.

— Уж не вы ли это сделали? — спросила Анечка Соломенного Губерта.

— Конечно, нет! И никому бы не советовал!

— Кто же тогда? — спросили Рыбушмены.

— Пусть объявится тот, кто раскупорил! — прокричали громовым голосом все Маленькие Негритята и Соломенный Губерт. Анечка так рассердилась, что тоже прокричала громовым голосом.

И сразу откуда-то выскочил Кролик. Он весь трясся, причём голова у него была опущена, а уши прижаты.

— Значит, ты раскупорил дыры? — крикнула Анечка, склонившись над дрожащим Кроликом.

Сверкнула молния, и над Островом прокатился оглушительный гром.

— Видишь, видишь, что ты натворил! — запричитала Анечка.

— Он будет казнён! — воскликнул Соломенный Губерт.

Кролика трясло, и, наверно, от тряски из него выпало что-то, похожее на дробинки. Дробинок этих было шесть. Они были зеленоватые и круглые, как полагается дробинкам, но на каждой стояло по букве. На одной буква «Д», на другой— «И», на третьей— «П», на четвёртой— «Л», на пятой— «О» и на шестой буква «М».

— Прочитайте, пожалуйста, что получается! — попросил Самый Старший Брат Соломенного Губерта.

Соломенный Губерт прочёл:

ДИПЛОМ

— Видишь, видишь, — сказала Анечка Кролику, — что ты натворил! Ничего себе Верховный Правитель был в Зоологическом Саду!

Кролика между тем трясло всё сильнее и сильнее. И снова из него выпало несколько дробинок, только на этот раз дробинки были совсем малюсенькие, причём на каждой виднелось по буквочке, тоже малюсенькой.

Соломенный Губерт прочитал:

ПРОСТИТЕ МЕНЯ

— Простим его? — спросила Анечка Самого Младшего Брата.

— Раз он подал письменное заявление, придётся! — сказал Самый Младший Брат.

И Кролика простили.

Анечка-Невеличка наклонилась к нему и сказала:

— Видишь, видишь, мы тебя простили!

Тут Кролик ещё ужаснее затрясся, словно ему было очень холодно, и выпала из него на кучку дробинок корона из клеверных листиков.

— Видишь, видишь,— сказала Анечка Кролику, — ты перестал быть Верховным Правителем. Теперь ты обыкновенный Кролик и не будешь больше сидеть на спине нашего Большого Друга.

— У меня идея! — вдруг сказал Соломенный Губерт.

— Какая? — спросили все Маленькие Негритята, все Рыбушмены и Анечка-Невеличка.

— Сказочная!

— Поделитесь! — попросили все, как один человек.

— Если все, как один человек, просят поделиться, я поделюсь, — сказал Соломенный Губерт.

И поделился:

— Попали мы в беду? — спросил он.

— Попали, — ответили все, но не как один человек. Ответили все, кроме Рыбушменов.

— А к кому решили мы обратиться, когда попадём в беду? — спросил Соломенный Губерт Анечку.

— К нашему Большому Другу!

— Кто он? — спросили все, как один человек.

— Корабль Пустыни! — ответили Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой, как два человека.

— Корабль бы нам пригодился, — согласились Негритята. — То-то и оно! Но как его вызвать? — сказал Соломенный Губерт.

— Я знаю как! — воскликнула Анечка и подняла с кучки дробинок корону из клеверных листиков. Потом наклонилась к Кролику и сказала: — Видишь, видишь, ты нам должен помочь, глупый Кролик. Назначаю тебя снова Верховным Правителем; однако не думай, что я делаю это просто так. Ты должен нам помочь!

Анечка-Невеличка положила Кролику на голову корону из клеверных листиков и сказала:

— Теперь ты, глупый ушастик, опять Верховный Правитель. Отправляйся, пожалуйста, в Зоологический Сад и прикажи Кораблю Пустыни привезти тебя к нам.

Едва на Кролике оказалась корона, он перестал трястись, гордо поднял голову и важно зашевелил носом.

— Только поглядите, как он важничает! — сказала Анечка.

Кролик и вправду страшно важничал, а когда Анечка пожурела его, отвернулся, словно бы не расслышал.

— Не сердитесь, Верховный Правитель! Вы вовсе не глупый ушастик, вы хитрый Верховный Правитель, такой хитрый, что просто ужас! — сказала Анечка. — Очень просим вас, господин Верховный Правитель, поручить Кораблю Пустыни доставить вас к нам.

Кролик церемонно кивнул и, важно шевеля носом, стал кланяться во все стороны, затем он церемонно и важно запрыгал к одной из дыр, а когда исчез в ней, Рыбушмены пожаловались, что им стало тяжело дышаться.

— Нам как-то тяжело дышится! — сказали они и сделали несколько вольных упражнений, чтобы легче дышалось.

Между тем на Остров обрушилась вода. Обрушивалась она большими, просто огромными волнами. А едва она обрушилась, Рыбушмены, которым стало плохо дышаться, бросились к этим волнам. Добежав до них, они весело попрыгали в воду, и сразу же им стало легче дышаться. Дышалось им всё легче и легче, пока не стало дышаться совсем легко.

— Подержите-ка волны, чтобы они так быстро не обрушивались! — крикнул Соломенный Губерт.

Рыбушмены принялись удерживать волны. Это было не просто. Стоило Рыбушменам ухватиться за какую-нибудь волну, та начинала вырываться, так что удержать ее было трудновато. И всё-таки Рыбушмены удерживали волны, борясь с ними, как силачи.

— Сможете подержать ещё минуточку? — спросил Соломенный Губерт.

— Ещё минуточку, похоже, подержим, однако дольше вряд ли,— ответили Рыбушмены, изо всех сил удерживая волны.

— А ещё минутку? — кричал Соломенный Губерт.

— Минутку подержим. Но уж точно, всего минутку. Наконец они выбились из сил и закричали:

— Мы уже не можем удержать волны!

— Тогда отпускайте! — крикнул Соломенный Губерт, так как заметил, что из большой дыры, которую в давние времена прогрызли мыши, появился Корабль Пустыни.

Рыбушмены отпустили волны, и те покатались по Острову. А Соломенный Губерт, Анечка-Невеличка и все Маленькие Негритята помчались во всю прыть к Кораблю Пустыни.

Корабль Пустыни шёл, медленно покачиваясь, словно бы плыл. Подойдя к Соломенному Губерту, к Анечке и ко всем Маленьким Негритятам, примчавшимся во всю прыть, он, подогнув ноги, лёг. Когда он лёг, на спине его подпрыгнуло что-то маленькое и поникшее. Это был

Кролик. Короны на кроличьей голове не было. Мало того — видно было, что с головы этой упал не один ус!

— Видишь, видишь, ты уже опять не Верховный Правитель! — сказала Анечка. — Но не горюй! Ты будешь у нас Кроликом Домашним, и больше ни один ус с твоей головы не упадёт!

Между тем волны катились по Острову так, что страшно было смотреть. Соломенный Губерт предложил Анечке-Невеличке вскарабкаться по его спине на спину Большого Друга. Поскольку Соломенный Губерт предложил это очень вежливо, Анечка-Невеличка не стала стесняться и влезла по его спине на спину Большого Друга. Удобно усевшись там, она подала Соломенному Губерту руку, а поскольку она её так мило подала, не застеснялся и Соломенный Губерт, ухватился за Анечкину руку, влез на спину Большого Друга и удобно устроился впереди Анечки, у которой на коленях сидел Кролик.

Самый Старший Брат взмахнул рукой, словно бы показывая остальным, как надо петь, разбежался и одним махом вспрыгнул на загривок Верблюда. Все Маленькие Негритята вспрыгнули вслед за ним и тоже одним махом, но уже не только на загривок, а куда пришлось.

Поскольку больше некуда было прыгать, Самый Младший Брат прыгнул одним махом за ухо Верблуду и удобно там устроился.

Когда все удобно устроились, Корабль Пустыни встал и, медленно покачиваясь, пошёл.

Покачивался он медленно, словно плыл.

Куда он плыл?

Куда же он плыл?

Глава
тридцатая, *в которой
Корабль Пустыни
следует вдоль берега
Великого Моря*

КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ СЛЕДОВАЛ вдоль берега Великого Моря, которое разливалось и разливалось. Анечка-Невеличка никогда ещё не видывала ничего подобного. Море сперва накатывалось на берег, а потом откатывалось назад, словно бы кто-то раскачивал его.

И, накатываясь сперва на берег, а потом откатываясь назад, море так сверкало и переливалось, что у всех рябило в глазах. То оно становилось розовым, словно луг, на котором сплошь растут полевые гвоздики, то голубым, будто страусовое перо, а то вдруг покрывалось позолотой, словно само солнце окунулось в воду.

Соломенный Губерт тоже никогда не видывал такой красоты.

— Оно сверкает и переливается, как будто на воде керосин, — сказал он.

— И правда, похоже, что разлили керосин, — ответила Анечка и добавила: — Но откуда же керосину столько взялось?

— А его везли дырявые корабли.

— Как могли дырявые корабли везти керосин?

— Они везли его, пока не продырявились, — уверенно сказал Соломенный Губерт.

— А отчего они продырявились?

— Разыгралась буря, корабли закачались, попрыгали на волнах, словно пробки, а потом повалились набок. В них втекла вода, и они продырявились!

Пока Соломенный Губерт объяснял, Самый Старший Брат взмахнул рукой, и Маленькие Негритята запели. Самый Младший Брат, сидевший за ухом Корабля Пустыни, тоже запел. Вот что они запели:

По морям зелёным судно
В страны дивные плывёт;
Ветер выдался попутный,
И Сирена вслед поёт:

«Доброго пути, матросы,
Проплывайте стороной,
Тут опасные утёсы,
Тут мой замок водяной!»

«Прекрати, Сирена, пень!
Странный голос свой умерь!
Знаем, где твои владенья,
Не обманешь нас теперь!»

«Добрый путь вам, мореходы,
Берегитесь острых скал, —
Там ключом вскипают воды,
Страшен чуд морских оскал!»

«Мы давно плывём по свету,
Слышим голос твой давно!
Добрые твои советы —
Наваждение одно!»

И плывут себе матросы
Открывать безвестный свет,
А с волны сладкоголосого
Им поёт Сирена вслед.

Стороной от песни смутной
Мореходы держат путь
И не ведают, что судно
Протекло, и всем — тонуть.

И погибель ждёт их вскоре
В океане голубом.
И звонить им будет море:
Бим-бам, бим-бам, бим-бам-бом!

И наверно, оттого, что Маленькие Негритята пели складно, причём Самый Младший Брат заботливо пел прямо в ухо Верблюду, из сундучка на спине Верблюда послышался голос, и голос этот сказал:

— Так и быть, расскажу вам сказку про купца Абабу и трёх Сирен, чтобы наше путешествие было приятней!

— Да-да! Расскажите нам сказку про купца Абабу и трёх Сирен, чтобы наше путешествие было приятней! — воскликнула Анечка-Невеличка обрадованно.

Соломенный Губерт тоже обрадовался, и Маленькие Негритята тоже обрадовались, что услышат сказку про купца Абабу и трёх Сирен.

И Корабль Пустыни начал рассказывать.

Глава *в которой*
тридцать *Корабль Пустыни*
первая, *рассказывает сказку*
 про купца Абабу
 и трёх Сирен

Жил во времена царя Валтасара богатый купец по имени Абаба. Было у него столько слитков золота, сколько волос на голове. Одно было плохо: стоило волосу упасть с головы купца, когда он причёсывался, — сразу же один из слитков чернел и превращался в камень. Купец был очень жаден, и каждая такая потеря приводила его в бешенство. И велел он объявить повсюду, что ищет парикмахера, который умел бы причёсывать, не потеряв ни волоска. Воля купца была исполнена, и вот постучался к нему парикмахер по имени Иба Иба и сказал:

— О купец Абаба, я самый лучший цирюльник на свете!

— Если ты самый лучший цирюльник на свете, причеши меня так, чтобы с головы моей не упал ни один волосок, иначе велю тебя отодрать как Сидорову козу.

— Ладно, — сказал Иба Иба и стал причёсывать купца.

Причёсывая, он увидел на купеческой голове Вошь. Цирюльник страшно испугался и сказал:

*Кабы
Враг купца Абабы
Не напал Исполдтишка бы!*

— Что такое? Уж не вырвал ли ты мне волос? — спросил купец Абаба.

— О нет, господин мой, — ответил цирюльник Иба Иба, — не вырвал я тебе волос. Но должен сказать, что есть у тебя злейший враг!

— Назови его, и он будет уничтожен! — сказал купец Абаба.

— Назвать я его назову, однако не уверен, удастся ли тебе его уничтожить!

— Я страшно могуществен, даже царь Валтасар ищет дружбы со мной; кто же тот, кого я не могу уничтожить?

— Твой злейший враг — Вошь! — сказал цирюльник.

— Чем же занимается мой парикмахер, если не может избавить меня от ничтожного насекомого?! — рассердился купец.

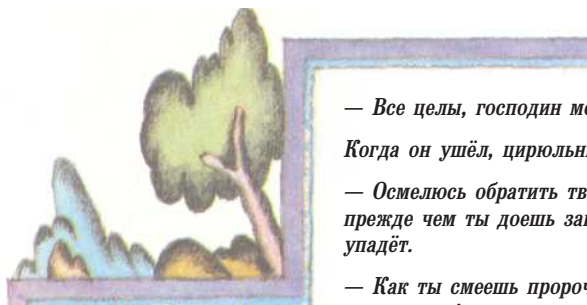
— Я, господин мой, нанимался не насекомых ловить, а причёсывать тебя так, чтобы ни один волос не упал с твоей головы. Разве я не выполнил условий, господин мой?

Купец Абаба глянул в зеркало и увидел, что с головы его действительно не упал ни один волос, так умело причесал его цирюльник.

Для верности велел купец Абаба позвать служителя, сторожившего золото, и спросил его:

— Не почернел ли и не обратился ли в камень какой-нибудь из моих слитков?

— Все целы, господин мой! — ответил служитель.

Когда он ушёл, цирюльник Иба Иба сказал:

— Осмелюсь обратить твоё внимание, господин мой, что прежде чем ты доешь завтрак, один из твоих волос упадёт.

— Как ты смеешь пророчить мне такое, проклятый парикмахер! — крикнул купец Абаба.

— Я не желаю тебе худа, господин мой; просто я наблюдаю за этой тварью и вижу, что она собирается перекусить волос! О горе, уже перекусила!

И действительно с головы купца Абабы упал волос.

Сразу же явился служитель и сообщил, что один слиток золота почернел и обратился в камень.

— Приказываю тебе, — сказал купец Абаба цирюльнику Ибе Ибе, — немедленно вычесать эту мерзкую тварь!

— Не могу исполнить твоего повеления, господин мой, потому что нет у меня нужного гребня, — ответил цирюльник Иба Иба.

— Принести сюда все гребни со всего Валтасарова царства! — приказал Абаба служителю.

Тот бросился исполнять приказание, но цирюльник остановил его.

— Ни одним гребнем, сколько их ни есть во всём царстве, не вычесать твоего врага, — сказал он Абабе.

— Но я желаю занять такой гребень! — властно сказал купец и добавил: — Ведь есть же он где-нибудь на земле!

— Твоя правда, господин мой, — сказал цирюльник, — такой гребень есть, но не в землях царя Валтасара и не в землях соседних государей.

— Где бы он ни был, я должен его заполучить!

— Тогда приготовься к дальней дороге. Вели снарядить самый большой корабль, и мы поплывём за волшебным гребнем.

— А куда? — спросил Абаба.

— В море Харакири, где обитают три Сирены. О них, господин мой, ты наверняка слышал.

— Как не слышать! — сказал купец Абаба. — Немало мореходов заплатилось жизнью, плывя к морю Харакири.

— Твоя правда, господин мой! Но ни у кого на свете, кроме трёх Сирен, нету такого гребня.

— Но путешествие обойдётся мне по меньшей мере в десять слитков золота! — застонал купец.

— Что значат десять слитков золота по сравнению со всеми твоими богатствами! — ответил цирюльник Иба Иба.

— Что ж, придётся плыть!

Сел купец на самый большой корабль и велел погрузить на него всё своё золото.

— Напрасно ты это делаешь, господин мой, — сказал цирюльник Иба Иба. — Корабль будет тяжёлым, и плыть нам придётся долго-долго.

Однако купец Абаба, боясь доверить слитки служителям, поступил по-своему. Корабль выплыл из порта, но так как золото было очень тяжёлым, плыл он медленно.

Цирюльник Иба Иба отплыл вместе с купцом и каждое утро его причёсывал. Причёсывал он его весьма осторожно, не выдёргивая ни волоска. Однако не успевал купец доесть завтрак, как насекомое перекусывало какой-нибудь волосок, и служитель сообщал, что почернел и обратился в камень очередной слиток золота.

— Могу ли я дать совет, господин мой? — спросил цирюльник. — Вели выбросить за борт камень, в который обратился слиток.

Купец, однако, был столь жаден, что не желал расставаться с золотом, даже превратившимся в камень, поэтому корабль плыл так же медленно, как при отплытии, и дороге конца не было.

Так проплыли они сорок дней и сорок ночей, и когда у купца выпало сорок волос, он приуныл, почти перестал разговаривать и всё время горевал.

Тогда цирюльник ему посоветовал:

— Если хочешь избежать, господин мой, долгой дороги к трём Сиренам, измени договор, который мы с тобой заключили. Ты ведь убедился, что я самый лучший цирюльник во всём Валтасаровом царстве и что я не вырвал тебе ни единого волоска. Позволь же мне теперь, вопреки нашему договору, выдернуть волос, на котором сидит твой враг, и тогда мы сможем вернуться домой.

Жадный купец Абаба и слышать не захотел об этом. Ведь это значило добровольно лишиться одного золотого слитка. Тогда цирюльник Иба Иба, как всегда старательно, его причесал, а волос, которым купец не пожелал добровольно пожертвовать, выпал, как понимаете, сам.

Когда корабль приплыл в море Харакири, купец Абаба был почти совсем лысый. Плавание длилось так долго, и столько волос он потерял, что остался один-единственный, на котором и сидело зловредное насекомое.

— Вот они! — радостно закричал купец, заметив на скале трёх Сирен, расчёсывавших чёрным гребнем свои золотые волосы.

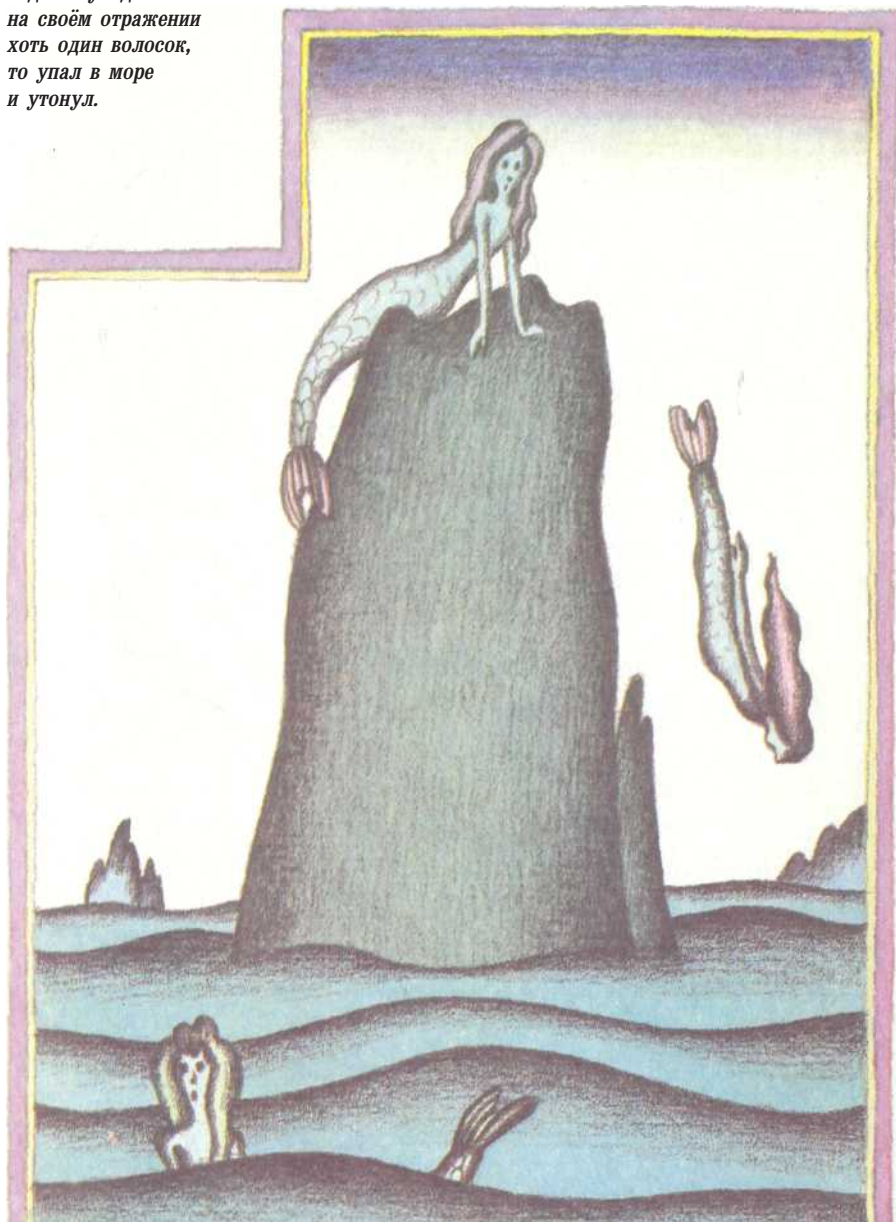
— Дайте мне займы ваш гребень, — сказал Сиренам Иба Иба, — я самый лучший цирюльник во всём Валтасаровом царстве.

Сирены дали цирюльнику займы гребень, а тот передал его купцу Абабе.

Купец схватил гребень и провёл им по своему голому черепу, на котором торчал один-единственный волос. Волос обломился, и купец стал совершенно лысым.

Сразу же явился служитель и сообщил, что последний слиток золота почернел и обратился в камень.

Так жадный купец стал нищим. А когда в одно прекрасное утро он склонился над водой, надеясь увидеть на своём отражении хоть один волосок, то упал в море и утонул.

Глава *в которой*
тридцать *Анечка-Невеличка*
вторая, *удивляется,*
 как быстро прошла дорога

КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ ДОСКАЗАЛ сказку, и пришёл конец не только сказке, но и дороге.

- Кто знает, где пролегал наш путь? — спросила Анечка.
- Вдоль Великого Моря! — сказал Соломенный Губерт.
- Где же это Великое Море?
- Солнце его выпило! — ответил Самый Старший Брат.
- А солнце где?
- За тучу спряталось! — сказали Младшие Братья.
- А где туча?
- Она перед вами! — сказал Самый Младший Брат.
- Разве там туча? — удивилась Анечка.
- Не думаю, — заметил Соломенный Губерт. — А вы как думаете, Младшие Братья?
- Мы думаем, что это взбитая перина!
- Ну нет, — сказал Соломенный Губерт, — скорее замок в облаках!
- Или, может быть, стая цапель! — воскликнул Самый Младший Брат и пронзительно свистнул, чтобы цапель вспугнуть.
- Похоже на большое платье с воланом, — сказала Анечка.
- А мне кажется — на мою Соломенную Шляпу, — сказал Соломенный Губерт.

Корабль Пустыни, вероятно, очень утомился. Слегка покачиваясь, он подошёл к каким-то рельсам. Их было четыре пары, и тянулись они, вероятно, к той туче, про которую никто не мог точно сказать, взбитая ли это перина, замок ли в облаках, стая цапель, большое платье с воланом или Соломенная Шляпа.

Над каждой парой рельсов висела своя надпись:

**ДОРОГА ЧЁРНЫХ,
ДОРОГА БЕЛЫХ,
ДОРОГА «ДА»,
ДОРОГА «НЕТ».**

- Всё ясно! Предстоит расставание! — сказал Соломенный Губерт.
- Почему? — спросила Анечка-Невеличка.
- Потому что тут разные надписи!

— Жаль! Вместе быть лучше! — сказала Анечка, которой не хотелось расставаться с Соломенным Губертом.

Маленькие Негритята тоже жалели, что приходится расставаться, но таблички есть таблички. Раз на табличках надписи, ничего не поделаешь.

— Наверно, мы опять встретимся, — сказала Анечка. — Ведь все дороги ведут к этой странной туче, про которую неизвестно, что она такое.

— Кто какую выбирает? — спросил Соломенный Губерт. — Я выбираю ДОРОГУ «НЕТ»!

— А я — ДОРОГУ «ДА», — сказала Анечка.

— А мы выбираем ДОРОГУ БЕЛЫХ! — сказали Маленькие Негритята.

— Стало быть, наш Большой Друг с Кроликом выбирают, если им будет угодно, ДОРОГУ ЧЁРНЫХ! — сказала Анечка, и Большой Друг с Кроликом пустились в путь по ДОРОГЕ ЧЁРНЫХ. Впереди шёл Кролик, а за ним Большой Друг. Причём они шли и при этом ехали. Шли по какому-то ковру, а ковёр ехал по рельсам.

Потом по ДОРОГЕ БЕЛЫХ пустились в путь Маленькие Негритята. Впереди Самый Младший Брат, за ним все Младшие Братья, а позади Самый Старший Брат. Причём они шли и в то же время ехали. Шли по какому-то ковру, а ковёр ехал по рельсам.

Потом по ДОРОГЕ «НЕТ» пустился в путь Соломенный Губерт. Причём он шёл и в то же время ехал. Шёл по ковру, а ковёр ехал по рельсам.

Наконец по ДОРОГЕ «ДА» пустилась в путь Анечка. И она тоже шла и тоже ехала. Шла по ковру, а ковёр ехал по рельсам.

— До свидания! — крикнула Анечка Кролику и Большому Другу, но Кролик и Большой Друг были уже далеко и ничего не услышали.

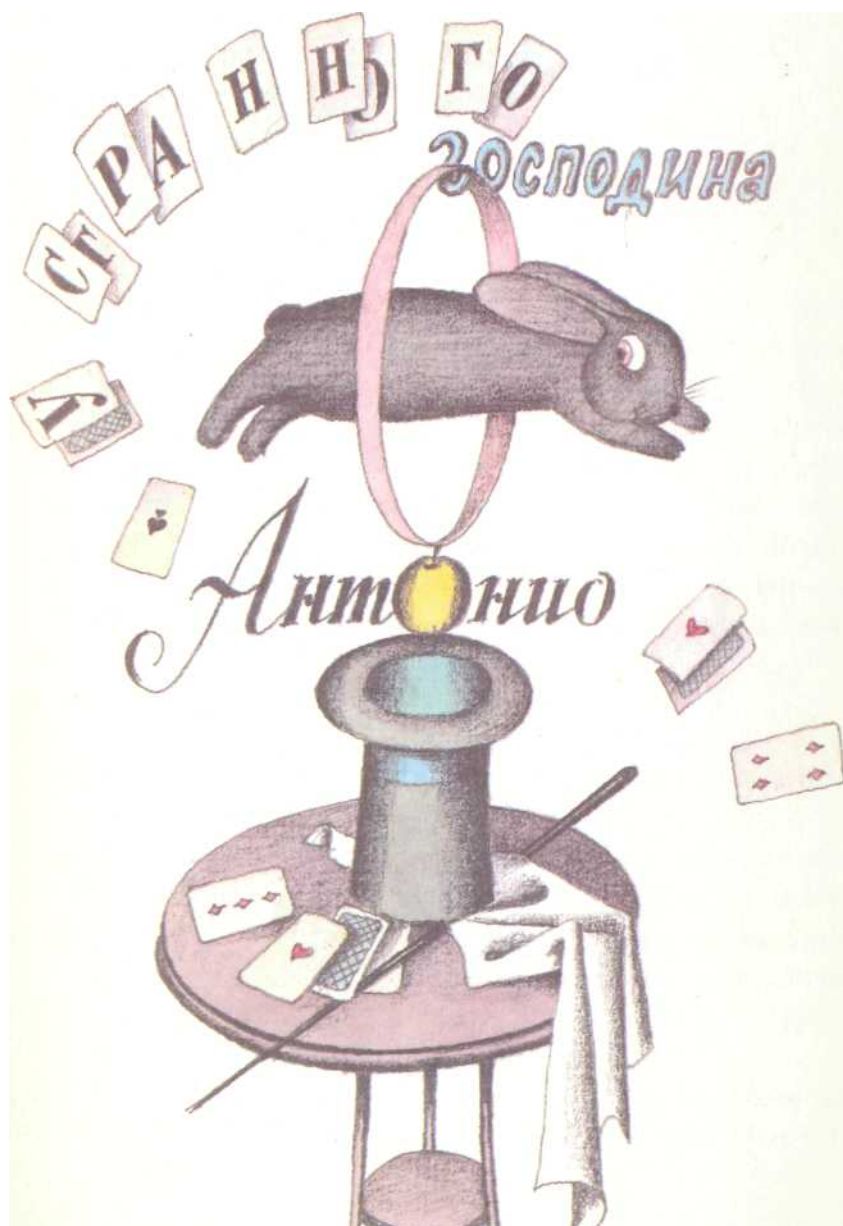
— До свидания! — крикнула Анечка Негритятам, но Негритята в этот момент скрылись за поворотом и тоже ничего не услышали.

— До свидания! — крикнула Анечка Соломенному Губерту, но тот мчался, как скорый поезд, и вряд ли успел бы оглянуться; однако он всё же оглянулся и крикнул «НЕТ!»

Анечка очень огорчилась этому, но не удержалась и крикнула «ДА!». Потом она преспокойно пошла по ковру, ехавшему по рельсам.

Куда ковёр ехал? Куда же он ехал?

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Глава *в которой*
тридцать *станет известно,*
третья, *куда ехал ковер, по которому шла Анечка-Невеличка*

КОВЁР, ПО КОТОРОМУ ШЛА Анечка, ехал-ехал, пока не приехал к воротам, на которых большими буквами было что-то написано. Буквы были очень большие, просто огромные, и поэтому Анечка без труда прочла надпись, а прочитав, поняла, что приехала не к туче, не к взбитой перине, не к платью с воланом, не к замку в облаках и не к Соломенной Шляпе. Приехала она к островерхому балагану, а на воротах большими, просто огромными буквами было написано:

ЦИРК

Стоило коври, по которому шла Анечка, остановиться, как послышался громкий хлопок, словно бы кто-то выстрелил по воробьям.

Но никто по воробьям не стрелял. Это хлопнули кнутом, как хлопает пастух, когда гонит стадо на выгон. Однако пастуха у ворот не было, и стадо на выгон никто не гнал. Кнутом хлопнул обутый в высокие сапоги низенький человек с большущими закрученными усами и прилизанными завитыми волосами.

Анечка-Невеличка не могла взять в толк, зачем низенький хлопает кнутом. Он ведь не гнал стадо на выгон, зачем же тогда хлопать? А уж и хлопал он! Да ещё так пристально глядел на Анечку, что она даже испугалась.

Человек этот глядел на неё не только пристально, как глядят друг на друга люди, когда не могут узнать один другого, он глядел ещё как-то по-особому, словно бы не мог наглядеться, вот почему Анечка-Невеличка даже испугалась.

Продолжая пристально глядеть, низенький перестал хлопать кнутом и спросил:

— Вы барышня Анна?

— Да! — сорвалось у Анечки-Невелички.

Как ж« у неё могло такое сорваться, если никакая она не барышня Анна, а всего-навсего Анечка-Невеличка? Не оттого ли, что низенький человек с закрученными усами и прилизанными завитыми волосами так пристально глядел на неё?

— Вы к тому же и лилипутка?

— Да! — сорвалось опять у Анечки-Невелички.

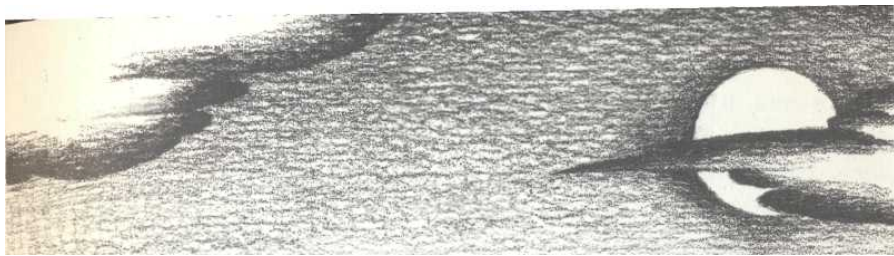
Как могло у неё такое сорваться, если она не была лилипуткой? Ведь она даже не была из племени Лилипу-таников! Не потому ли Анечка сказала «да», что низенький человек с закрученными усами и прилизанными завитыми волосами так пристально глядел на неё?

— Вам ведь исполнилось шестнадцать лет? — спросил он, продолжая пристально глядеть.

— Да! — ответила Анечка опять, наверно, потому что на неё так пристально глядели.

— Умеете ли вы ходить по канату?

— Да!

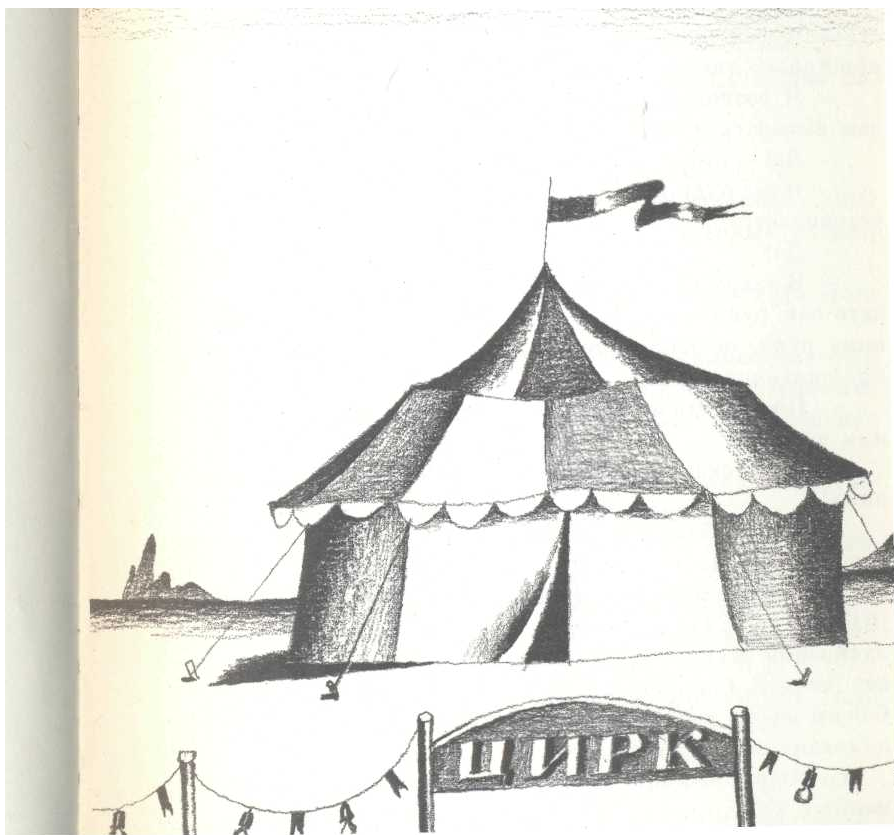
— А ездить на лошади стоя?

— Да!

— А стоя на руке?

— Да!

Анечка просто не знала, что о себе и думать. Она отвечала всё время «да», хотелось ей этого или не хотелось. Неужели получалось так потому, что низенький человек пристально глядел на неё?

— Что ж, будете работать у меня наездницей. Согласны? — сказал он.

— Да! — ответила Анечка, и сердце у неё сильно застучало, так она испугалась, так была удивлена и так пристально глядел на неё этот странный человек.

— Я господин Антонио, директор цирка. Угодно ли вам называть меня «господин Антонио»?

— Да! — ответила Анечка-Невеличка.

— Я же буду называть вас «барышня Анна». Вас это устраивает?

— Да!

— В таком случае, барышня Анна, позвольте мне подать вам руку,— сказал господин Антонио и сжал Анечку руку, но как-то легко, не отводя при этом своего пристального взгляда.

— Последуете ли вы за мной, барышня Анна, к соседним воротам?

— Да! — сказала Анечка, и ей почему-то стало тоскливо.

— Пожалуйста! — и господин Антонио пропустил Анечку вперёд.

Они направились к воротам, в которые упиралась ДОРОГА «НЕТ». А когда подошли к ним, у Анечки от изумления ёкнуло сердце. Возле ворот стоял и хмуро глядел на неё Соломенный Губерт. Отчего он хмурился? Отчего же он хмурился, если Анечка улыбалась и даже помахала ему рукой?

Господин Антонио хлопнул кнутом и спросил Соломенного Губерта:

— Вы господин Губерт?

— Нет! — резко ответил Соломенный Губерт и пуще нахмурился.

— Вы, я полагаю, тоже лилипут?

— Нет! — отрезал Соломенный Губерт.

— Вы, смею надеяться, умеете ходить по канату?

— Нет!

— А на лошади ездить?

— Нет! — сказал Соломенный Губерт и страшно нахмурился, глянув на Анечку.

— И стоя на руке не умеете?

— Нет!

— Не хотелось бы вам водить лошадь под уздцы?

— Нет! Нет! Нет! — выкрикнул Соломенный Губерт, и глаза его даже сверкнули.

— Увы, барышня Анна, я не могу пропустить этого человека в ворота.

Анечка-Невеличка грустно глядела в землю. Её очень огорчало, что Соломенный Губерт стал такой странный, что он так хмурится и что господин Антонио не может пропустить его в ворота.

— Следует ли, по-вашему, пропустить его? — спросил вдруг господин Антонио Анечку-Невеличку.

Анечка подняла было глаза, но тут же опустила их под взглядом господина Антонио.

— Да! — сказала она. — Пропустите, пожалуйста!

— Проходите! — сказал господин Антонио Соломенному Губерту.

— Нет! — ответил Соломенный Губерт. — Нет! Нет! Нет!

— Идёте или не идёте?

— Нет!

— А вот пойдёте! Увидите, что пойдёте! — И господин Антонио схватил Соломенного Губерта за руку, пытаясь втащить его, но Соломенный Губерт стал упираться и так здорово упирался, что господин Антонио даже не мог сдвинуть его с места. Директор цирка пыхтел, сопел и, наконец, сказал, тяжело дыша:

— Я полагаю, что из вас получился бы дипломированный борец.

— Нет! — отрезал Соломенный Губерт.

— Вы думаете, он согласится войти? — спросил господин Антонио Анечку-Невеличку.

— Да! — сказала Анечка и подошла к воротам. Когда она подошла, Соломенный Губерт нахмурился пуце, но Анечка-Невеличка на этот раз не опустила глаза, а протянула руку и сказала:

— Подайте мне руку!

— Нет! — сказал Соломенный Губерт.

— Прошу вас, подайте мне руку, иначе я буду вынуждена на всё отвечать «да» и поступать, как пожелают некоторые.

Соломенный Губерт сразу понял, кого она имеет в виду. Он подал Анечке руку, и когда Анечка попросила его следовать за ней, сперва сказал «нет», потом «да», потом «нет», потом опять «да» и пошёл.

— Вы устали? — спросил господин Антонио Анечку. Анечка сперва сказала «да», потом «нет», а потом ещё раз «нет». Она обрадовалась, что стала говорить не только «да», а Соломенный Губерт обрадовался, что уже не должен говорить только «нет». Случилось так потому, что руки их, соприкоснувшись, соединили ДОРОГУ «ДА» с ДОРОГОЙ «НЕТ», и получилось как раз то, что нужно. Господин Антонио, Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт направились сперва к воротам, которыми кончалась ДОРОГА БЕЛЫХ. Как же они удивились, увидев там вместо маленьких чёрных Негритят маленьких белых Негритят: белого Самого Старшего Брата, белых Младших Братъев и белого Самого Младшего Брата.

— Следуйте за нами! — сказал господин Антонио белым Негритятам, и белые Негритята последовали за ними.

Каково же было удивление всех белых Негритят, Соломенного Губерта и Анечки-Невелички, когда они увидели у ворот, где кончалась ДОРОГА ЧЁРНЫХ, вместо пегого Кролика и гнедого Верблюда чёрного Кролика и чёрного Верблюда!

— Следуйте за нами! — сказал господин Антонио чёрному Кролику и чёрному Верблюду. Чёрный Кролик и чёрный Верблюд последовали за ними.

Потом господин Антонио сказал:

— Теперь все по своим местам! Где было чьё место?

Где же было чьё место?

Глава *в которой*
тридцать *все идут на свои места*
четвёртая,

МЕСТА МАЛЕНЬКИХ БЕЛЫХ Негритят оказались на скамейках в том самом балагане, который издали был похож на тучу и на многое другое. Маленькие белые Негритята заняли все места, так что свободным осталось одно-единственное в середине первого ряда, на которое и уселся Соломенный Губерт.

Так как ни одного свободного места больше не осталось, утомлённый дорогой Корабль Пустыни удобно улегся снаружи балагана.

Но куда же делись чёрный Кролик и Анечка-Невеличка? Вопрос этот очень беспокоил Соломенного Губерта, и он спросил Самого Старшего Брата:

— А куда делся чёрный Кролик?

Самый Старший Брат, сидевший слева от Соломенного Губерта, спросил Самого Младшего Брата, сидевшего справа от Соломенного Губерта, не знает ли тот, куда делся чёрный Кролик.

— Он на своём месте, — сказал Самый Младший Брат.

— А где оно? — спросил Соломенный Губерт.

— Это знает только он сам, — ответил Самый Младший Брат и добавил: — Знали, например, вы, где моё место?

— Не имел понятия!

— А где ваше, знали?

— Знал! — ответил Соломенный Губерт.

— Откуда?

— А я послунил палец и шёл до тех пор, пока не почувствовал, что нахожусь на своём месте.

— Как же вы это почувствовали?

— По безветрию! Когда я послунил палец, подул Ветер, а когда я дошёл до середины первого ряда, Ветер затих. Вот я и понял, что нахожусь на своём месте.

Самый Младший Брат сразу же послунил палец, желая проверить, подует ли Ветер.

— Подул! — сказал он. — Выходит, я не на своём месте!

— Ну-ка, Младшие Братья, — сказал Соломенный Губерт, — теперь вы послуните пальцы и проверьте, подует ли Ветер!

Младшие Братья послунили пальцы и секунду спустя сказали:

— Не дует!

— Выходит, Младшие Братья на своём месте, — сказал Соломенный Губерт и добавил: — Самый Старший Брат должен пересесть на место Самого Младшего, а Самый Младший на место Самого Старшего.

Самый Младший и Самый Старший поменялись местами, послунили пальцы, и Ветер не подул.

— Вот теперь и вы на своих местах, — сказал Соломенный Губерт.

Все обрадовались, что находятся на своих местах, и только Соломенного Губерта беспокоило, что Анечка-Невеличка не послонила палец и не проверила, дует ли Ветер. Вдруг да она вообще на месте Кролика, а Кролик на её месте?

— Все на своих местах?

Это спросил господин Антонио, стоявший посреди большого круга.

— Все! — хором ответили все.

— Представление начинается! — объявил господин Антонио. — Следите за каждым моим движением! Как видите, в руках у меня ничего нет! Проверим! Что у меня в руках?

— Ничего!

— Рад, что вы это подтвердили! А сейчас я свистну! Я свистнул, слышали? И что появилось у меня в руке?

— Чёрная палочка! — крикнул Соломенный Губерт.

— Правильно! Чёрная палочка. А теперь... внимание! Я трижды стукну палочкой в пол, и кое-что появится. Следите внимательно!.. Что появилось?

— Столик! — крикнул Самый Младший Брат.

— Верно! Появился столик! А теперь прошу полной тишины, сейчас произойдет небывалое!

Господин Антонио сел, скрестил руки на груди, пристально поглядел на столик и проговорил:

Я одиножды колдую —
Боль зубную наколдую!

И сразу же все маленькие белые Негритята вместе с Соломенным Губертом вскрикнули от боли.

— Что? Зубы заболели? — спросил господин Антонио.

— Ужасно заболели! — крикнули и Негритята, и Соломенный Губерт.

— Пусть каждый откроет рот, я вырву каждому большой зуб!
— сказал господин Антонио, сидя со скрещенными руками.

Какой ужас! Все открыли рты и стали ждать. Господин Антонио, сидя со скрещенными руками, пристально на всех поглядел и проговорил:

Колдую трижды, колдую дважды
И зуба вы лишитесь каждый!

И сразу все — и Соломенный Губерт, и маленькие белые Негритята крикнули, что лишились зуба.

— Бросьте-ка мне эти самые зубы! — сказал господин Антонио.

Каждый бросил ему свой зуб, но, ко всеобщему удивлению, зубы стали на лету превращаться в белых бабочек и улетели.

Едва они улетели, господин Антонио хлопнул в ладоши и сказал:

Старый, скройся за версту!
Новый, вырасти во рту!

— Ой, у меня зуб вырос! — крикнул Самый Младший Брат.

— У меня тоже! — крикнул Соломенный Губерт.

— И у меня! — крикнул Самый Старший Брат.

— И у нас тоже! — крикнули Младшие Братья.

— Ну как, жалоб нету? — спросил господин Антонио и, поскольку жалоб не было, начал приговаривать:

Если нету жалоб,
То не помешало б,
Чтоб на этот столик
Вспрыгнул чёрный Кролик!

Он трижды стукнул палочкой по столу, и на столе появился чёрный Кролик.

— Что мы видим? — спросил господин Антонио.

— Чёрного Кролика! — ответили все хором.

— А сейчас смотрите внимательно!.. Что я делаю?

— Берёте Кролика за лапки! — крикнул Соломенный Губерт.

— А теперь что?

— Раскручиваете его!

— А теперь?

— Растягиваете! Ой, осторожно, лапки оторвёте! — крикнул Соломенный Губерт.

— Никаких опасений! — сказал господин Антонио, вращая чёрного Кролика так быстро, что у Соломенного Губерта в глазах замелькало.

— Не желаете ли взглянуть поближе? — предложил господин Антонио и бросил Кролика Соломенному Губерту.

Как же испугался Соломенный Губерт, поймав на лету чёрного Кролика! Ведь это оказался не Кролик! Это оказался чёрный носовой платок! Поражённый Соломенный Губерт помахал платком и крикнул:

— Чёрный Кролик превратился в носовой платок! Все поразились и пожалели чёрного Кролика. Вот бедняга! Могло ли с ним произойти такое в Зоологическом Саду или на Острове? Нет, конечно нет!

Пока все жалели попавшего в столь неприятную переделку Кролика, господин Антонио взял чёрный носовой платок, закинул в карман, а потом сказал:

— Я просто упарился! Придётся утереть лоб, уж очень я упарился! — и полез за чёрным носовым платком. Но едва он вытащил платок, тот прыгнул на столик и внезапно превратился в чёрного Кролика.

Все обрадовались, что чёрный Кролик снова есть на свете, однако господин Антонио объявил, что ещё раз превратит Кролика в чёрный носовой платок, а платок опять в

Кролика, и превратил ещё раз чёрного Кролика в носовой платок. И хотя Кролик опять стал носовым платком, всё равно все радовались — ведь платок снова превратится в чёрного Кролика!

От радости Негритята дружно заплодировали, а господин Антонио встал, взялся за собственные усы и растянул их. Усы оказались длинные-предлинные; один стал торчать вправо, точно рог, а другой — влево, точно рог. Затем господин Антонио поклонился так низко, что усы коснулись пола. Поклонившись, он выпрямился, а усы красиво закрутил, так что они уже не торчали вправо и влево, точно рога, а были красиво закручены.

Всякий раз, кланяясь, господин Антонио растягивал усы и всякий раз, выпрямляясь, красиво их закручивал. В последний раз выпрямившись и красиво закрутив усы, он сказал, что сейчас будет антракт и что не следует уходить со своих мест, потому что антракт короткий.

После этого он ещё раз поклонился, однако за усы на этот раз себя не потянул. Он поклонился немножко и, спустившись по какой-то лесенке, ушёл прочь из большого круга.

И наступил антракт.

Глава *в которой*
тридцать *выясняется,*
пятая, *что происходит*
с Анечкой-Невеличкой
во время антракта

АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА ТОЖЕ БЫЛА на своём месте и ждала.

Где она была? Где же она была?

Была она в красивом цирковом фургоне, стоявшем позади островерхого балагана, где находились Маленькие Негритята и Соломенный Губерт.

В красивом этом цирковом фургоне было много зеркал в красивых рамах и множество картинок, с которых пристально глядели изображения господина Антонио. Анечка-Невеличка боялась даже взглянуть на картинки, так пристально глядел с них господин Антонио. И чтобы на них не глядеть, Анечка разглядывала своё отражение в зеркале и с трудом себя узнавала, потому что выглядела совсем не так, как прежде. Была она словно кукла, вернее, словно необычная кукла, с такими огромными глазами, что просто не верилось, и была на ней красивая юбочка, совсем короткая, но очень красивая и цветная.

А когда Анечка переставала глядеть в зеркало, она смотрела из дверей на Дракона, запряжённого в цирковой фургон и пускавшего из ноздрей искры. Было это хоть и страшно, но красиво.

Глядя из дверей на грозного Дракона, Анечка решила оставаться на своём месте и ждать.

Откуда знала Анечка, что она на своём месте? Может быть, она тоже послунила палец и проверила, дует ли Ветер? Нет, Анечка не послунила палец и не проверила, дует ли Ветер. Знала она, где её место, потому что господин Антонио велел ей находиться в красивом цирковом фургоне и примерить короткую, очень-очень красивую цветную юбку.

Между тем появился и сам господин Антонио.

Он пришёл и хлопнул бичом. Хлопнув бичом, он пристально поглядел на Анечку-Невеличку и сказал:

— Барышня Анна, вы забыли надеть шапочку!

— Какую шапочку?

— Шапочку цирковой наездницы.

— Но я ведь не цирковая наездница, господин Антонио. Я вообще не наездница. Я даже вовсе не умею ездить на лошади!

— Странно, барышня Анна, что я слышу об этом сейчас, во время представления! Разве не сказали вы у ворот, что вы наездница?

— Там я была вынуждена на все отвечать «да»...

— Жаль, что вы так переменялись,— сказал господин Антонио и добавил: — Если бы и сейчас вы на всё отвечали «да», то всё бы сумели.

— Я уже не могу на всё отвечать «да», господин Антонио!

— Отчего же?

- Оттого, что я дотронулась до руки Соломенного Губерта.
- Уж я сделаю его в наказание клоуном! — воскликнул господин Антонио и грозно подкрутил ус.
- Мне было бы неприятно видеть его клоуном! — сказала Анечка.
- Отчего же? Увидите, какой смешной клоун из него получится! Будете над ним смеяться, и всё!
- Нет, не буду над ним смеяться, и всё!

Господин Антонио снова так пристально стал глядеть, что Анечке пришлось даже опустить глаза, а он сказал тихо и не так резко, как до сих пор:

— Барышня Анна, вот-вот начнётся представление, и вы согласитесь ездить на лошади, и будете ездить!

— Я не сумею, — сказала Анечка-Невеличка, но уже не так твёрдо, а тихо и печально.

— Я буду на вас пристально глядеть, барышня Анна, и вы сами убедитесь, что сумеете. Вы сумеете делать всё, чего я ни пожелаю, и получится из вас отменная цирковая наездница! Вы мне верите, барышня Анна?

— Верю, — сказала Анечка тихо и печально.

— Тогда наденьте шапочку, барышня Анна! — сказал господин Антонио и добавил, когда Анечка-Невеличка надела шапочку: — Как вам идёт! Вы очаровательны, барышня Анна!

— Очень приятно! — сказала Анечка-Невеличка и поклонилась, но только чуточку, совсем чуточку.

— Ну же, барышня Анна, прыгните легко со ступеньки фургона, представление начинается! Думаете, не сумеете? А вы попробуйте! Вот и получилось! — сказал господин Антонио, когда Анечка-Невеличка легко прыгнула со ступеньки.

Возле балагана бегал красивый конь.

Поскольку господин Антонио не переставая глядел на Анечку-Невеличку, она вспрыгнула на коня, словно это не составляло никакого труда, и въехала прямо на большой круг в островерхий балаган, где находились все Маленькие Негритята и Соломенный Губерт.

Глава *в которой*
тридцать *Соломенный Губерт*
шестая, *станет клоуном*

КОГДА АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА неожиданно для всех въехала на большой круг, Соломенный Губерт ахнул, и все Маленькие Негритята тоже ахнули — так это было неожиданно.

— Вы ожидали увидеть что-нибудь подобное? — спросил Самый Младший Брат Соломенного Губерта.

— Никак не ожидал! — ответил Соломенный Губерт, поражённый тем, что Анечка-Невеличка так здорово ездит верхом.

Сперва Анечка ездил сидя, причём сидела она преспокойно, словно бы на столе, хотя конь и скакал галопом. Анечка подсакивала на его спине, точно на пружинах, а все ужасно за неё волновались. Хоть бы уж не подсакивала, точно на пружинах!

В этот момент посреди большого круга, ВОКРУГ ДА ОКОЛО которого она скакала, появился господин Антонио с огромным бичом в руке. Он пристально глядел на Анечку, словно собираясь этим бичом отстегать её.

— Не кажется ли вам, что он собирается отстегать её? — спросил Соломенный Губерт Самого Младшего

Брата.

— Кажется! — ответил Самый Младший Брат.

— Я бы ему не советовал! — сказал Соломенный Губерт и добавил: — Немедленно вызову его на единоборство!

— Почему немедленно? Ведь он пока не стегнул? — сказал Самый Младший Брат. — Немедленно, как только стегнёт! — ответил Соломенный Губерт.

И господин Антонио стегнул! Но не Анечку и не коня. Стегнул он просто по воздуху. При этом оглушительно хлопнуло, и все очень удивились. Да и как было не удивиться!

Все удивились потому, что Анечка-Невеличка, подпрыгнув на спине коня, встала во весь рост, хотя конь продолжал скакать галопом, словно бы она на нём не стояла, а сидела, как на столе.

Это так понравилось Младшим Братьям, что они захлопали в ладоши. Когда захлопали в ладоши Младшие Братья, захлопал в ладоши и Самый Старший Брат, и Самый Младший Брат, только Соломенный Губерт не захлопал, потому что ужасно беспокоился за Анечку.

Но когда Анечка, отвечая на хлопки, стала кланяться, да ещё при этом делать обеими руками дугу, словно у неё были усы и она их растягивала, захлопал в ладоши и Соломенный Губерт.

— Я ведь знал, что она не на своём месте! — сказал Соломенный Губерт Самому Старшему Брату.

— На чём же она месте? — спросил Самый Старший Брат.

— На месте чёрного Кролика! Всегда, когда не послунишь палец, перепутываешь место! Коню больше подошёл бы Кролик!

- Будь она на его месте, её бы превратили в носовой платок.
- Этого я бы никому не советовал! Анечка-Невеличка ни во что превращаться не будет!
- сказал Соломенный Губерт сердито.
- Откуда вы знаете?
- Я не допущу!
- Каким образом?
- Таким! — сказал Соломенный Губерт и крикнул: — Послуните палец!

Когда Соломенный Губерт крикнул, Анечка-Невеличка кланялась. Тем не менее она послунила палец, однако при этом покачнулась и потеряла равновесие.

Стоило ей покачнуться и потерять равновесие, как Соломенный Губерт соскочил со скамьи, сделал кувырок и с размаху уселся на кругу, в котором Анечка-Невеличка скакала, стоя на коне, но потеряла равновесие. А потеряв равновесие, она упала во весь рост на руки Соломенного Губерта, сидевшего на утоптанном кругу, где продолжал бегать конь, но теперь уже без Анечки.

Конь побегал-побегал, потом ему это надоело, и он ускакал по ступенькам куда-то вниз.

- Вы не ударились о мои руки? — спросил Соломенный Губерт.
- Нисколючко!—сказала Анечка и спросила в свою очередь: — Почему я должна была послунить палец?
- Потому что вы были не на своём месте!
- А теперь на своём?

Соломенный Губерт не успел ответить, так как заметил, что господин Антонио пристально глядит на Анечку-Невеличку. А поскольку господин Антонио был ему противен, Соломенный Губерт надул щёки и словно бы в насмешку хлопнул по ним. Едва он это сделал, господин Антонио хлопнул огромным бичом и, швырнув Соломенному Губерту колпак с бубенцом, сказал:

- Стань клоуном!

Соломенный Губерт моментально вскочил на ноги, нахлобучил колпак, перекувырнулся и во всё горло расхохотался. Глядя на него, засмеялись и от восторга захлопали в ладоши все маленькие белые Негритята.

Соломенный Губерт стал раскланиваться. При этом одной рукой он дёргал подкрученный ус господина Анто-нио, так что ус этот раскрутился, а пальцами другой руки прищёлкивал. Когда Маленькие Негритята стали смеяться и над этим и снова захлопали, Соломенный Губерт так резко рванул раскрученный ус, что тот покинул своё место под носом господина Антонио и остался в руке Соломенного Губерта.

Всё это время господин Антонио не отрываясь глядел на Соломенного Губерта, на маленьких белых Негритят и на Анечку-Невеличку. На Анечку он глядел особенно пристально; но чем пристальней он на неё глядел, тем больше Анечку-Невеличку разбирал смех, и она тоже засмеялась, но только чуточку.

Соломенный Губерт развернул оторванный ус господина Антонио и стал прыгать через него, словно через прутик. При этом Соломенный Губерт ещё и припевал:

Ус оторван — зритель рад;
Снова все пойдёт на лад!

- Разве всё не шло на лад? — крикнул господин Антонио в ярости.
- Не шло! — сказал Соломенный Губерт и топнул.
- Отчего же не шло?
- Оттого что вы заколдованный купец Абаба!
- Почему это я заколдованный купец Абаба?
- Потому что вы лысый!
- Я лысый? — возмутился господин Антонио. — Разве на моей голове нет прилизанных завитых волос?
- Потому вы и лысый, что на вашей голове прилизанные завитые волосы!
- Докажите! — злобно сказал господин Антонио.
- Докажу, не поленись!

Соломенный Губерт снял клоунский колпак с бубенцом и принялся этим бубенцом звонить. Когда наступила тишина, он сказал:

- Прошу всех поменяться местами!

— Зачем? — спросил Самый Старший Брат.

— Затем, что я вас очень прошу!

Все белые Негритята поменялись местами, и сразу же поднялся такой Ветер, что чуть не унесло весь балаган. Ветер дунул в чёрные прилизанные волосы господина Антонио, и те отклеились, как прежде отклеился ус.

— Видали? — спросил Соломенный Губерт.

— Видали! — ответили все Маленькие Негритята.

— Что видали? — спросил Соломенный Губерт Само-го Младшего Брата, поменявшегося местом с Самым Старшим Братом.

— Что Ветер сдул волосы с господина Антонио!

— Ну-ка поглядите, волосы это или не волосы! — сказал Соломенный Губерт Самому Младшему Брату.

— Это не волосы! — сказал тот. — Это похоже на Парикашку Пухлощёкого, на такой волшебный цветок, который пахнет ступкой для перца!

Все Маленькие Негритята подтвердили, что это не волосы и что это похоже на Парикашку Пухлощёкого, а го-логоловый господин Антонио сердито сказал:

— Никакой это не Парикашка Пухлощёкий, а просто парик, и всё!

— Ну, так кто же купец Абаба? — спросил Соломенный Губерт господина Антонио.

— Я! Я купец Абаба! — ответил лысый господин Антонио и попытался дёрнуть себя за отсутствующий ус.

— Вы же утонули! — сказал Самый Старший Брат.

— Я УТОНУЛ в сказке, а на самом деле ЗАТОНУЛ!

— А что было, когда вы ЗАТОНУЛИ?

— Вас это интересует?

— Очень! — крикнули маленькие белые Негритята. Соломенного Губерта это тоже очень интересовало, и Анечку тоже, так что лысый господин Антонио обещал про всё рассказать, но только если ему вернут ус и парик.

— Ладно, — согласился Соломенный Губерт, и Анечка обрадовалась, потому что господин Антонио выглядел таким безобразным, что ей стало жаль его.

— Что ж, расскажу вам, что произошло, когда я ЗАТОНУЛ! — сказал лысый господин Антонио и начал рассказывать.

Глава *в которой*
тридцать *господин Антонио*
седьмая, *рассказывает, что произошло,*
 когда он ЗАТОНУЛ

КОГДА Я ЗАТОНУЛ, Я ДОЛГО ПАДАЛ. А пока падал, услышал над собой грохот, какой бывает, когда рушится огромный золотой дворец. Ещё услышал я грозный голос:

— Вот они, твои сокровища, купец Абаба! Ты наверняка станешь ворочаться в могиле, если с тобой не будет твоих грешных сокровищ.

Этот грозный голос состоял из многих голосов моих матросов, среди которых я различил и печальный — цирюльника Ибы Ибы, сказавшего:

Кабы ум был у Абабы,
Был бы толк наверняка бы.

Между тем грохот усиливался. Это грохотали, падая на дно морское, мои золотые слитки, почерневшие и обратившиеся в камень. Оказавшись на дне, я уселся на бывшие сокровища и горько заплакал.

Тут подплыли ко мне три Сирены, и одна сказала:

— Как он искренне горюет! Смотрите, он плачет настоящими жемчужинами!

И правда, я плакал жемчужинами. А так как я знал цену жемчугу, то подумал, что, если буду долго плакать, смогу снова разбогатеть.

Сперва я плакал искренне, а когда плакать расхотелось, стал плакать притворно, чтобы жемчужин прибавилось. Плакал я долго и наплакал столько жемчуга, что Сирены даже поразились.

Жемчужины, получившиеся из моих искренних слёз, они разбросали, а получившиеся из притворных стали собирать. Так как жемчуга было видимо-невидимо, Сирены крикнули Тритона, приволокшего за собой красивый, с виду словно бы цирковой фургон, и погрузили в него весь жемчуг, получившийся из моих притворных слёз.

Заимев столько жемчуга, Сирены так обрадовались, что вожжи отдали мне, и Тритоном правил я, а Сирены не переставали радоваться и тараторили про то, как украсят свой подводный замок жемчужинами. Они увлеклись своей болтовнёй и не заметили, что я беру левой, вместо того чтобы взять правой, и что едем мы не к подводному замку, а к берегу.

И я привёз их на берег. Увидев, куда мы приехали, Тритон не захотел везти фургон дальше. Но я выхватил большой бич из рук одной Сирены и стегнул упрямца. Ох и упирался Тритон! Стоило, однако, подхлестнуть посильнее, как он рассвирепел, превратился в Дракона и бешено пустился вскачь.

Проскакали мы три дня и три ночи, а когда въехали в чужие земли, Сирены принялись причитать и спрашивать, куда они попали.

— Вы в чужих землях и у меня в плену,— сказал я, а Сирены очень опечалились и запричитали ещё пуще.

Я сразу обратился к первому попавшемуся купцу, намереваясь продать жемчуг. Сперва купец долго удивлялся, что на свете есть богачи, у которых столько жемчуга, а потом решил позвать ещё десятерых купцов, так как у него не хватило бы денег купить все жемчужины.

Пришли ещё десять купцов и тоже стали удивляться, что на свете есть богачи, у которых столько жемчуга, и позвали ещё десятерых.

Пришли ещё десять, и все вместе принялись рассматривать жемчужину за жемчужиной, проверяя, настоящие они или не настоящие. Посоветовавшись, купцы заключили, что жемчужины не настоящие, и сказали, что стыд и позор выставлять на продажу фальшивый жемчуг.

— Все-все фальшивые? — спросил я. Фальшивыми оказались все, кроме одной, случайно застрявшей у самой красивой Сирены под ногтем. Но жемчужинка эта была такая маленькая, что за неё купцы ничего не дали.

Как я был огорчён! Ведь она была из моей искренней слезы и осталась от тех, которые Сирены разбросали. Я был так огорчён, что, расставшись с купцами, искренне заплакал, но на суше плакал я не жемчужинами, а простыми слезами. Поняв, что жемчуга больше не наплачу, я утёр слёзы, а маленькую жемчужину выменял на усы и парик, чтобы не выглядеть старым и лысым.

Вот как из меня получился господин Антонио.

Глава *в которой*
тридцать *Соломенный Губерт*
восьмая, *хочет увидеть трёх Сирен*

КОГДА ГОСПОДИН АНТОНИО закончил свой рассказ, Соломенный Губерт сказал:

— Прошу всех вернуться на свои места!

Все вернулись на свои места, и Ветер сразу же утих. А когда утих Ветер, послышалось далёкое пение:

Доброго пути, матросы,
Проплывайте стороной,—
Тут опасные утёсы,
Тут мой замок водяной!

Добрый путь вам, мореходы,
Берегитесь острых скал,—
Там ключом вскипают воды,
Страшен чуд морских оскал!

— Вы скрыли, что стало с тремя Сиренами! Я, кажется, слышу, как они поют, — сказал Соломенный Губерт.

— Сирены в безопасности, — ответил господин Анто-нио.

— Мы желаем их видеть! — заявил Соломенный Губерт.

— И увидите. Только придётся завязать глаза.

— Если завязать глаза, мы ничего не увидим.

— И всё-таки придётся это сделать, чтобы не разбудить взглядом Дракона.

— Я ведь не разбудила его взглядом, — сказала Анечка, — а я на него глядела.

— Вам было можно, вас сглазили, — сказал господин Антонио.

— Кто? — спросила Анечка.

— Я! Разве вы не чувствовали, что я вас сглазил?

— Чувствовала, — призналась Анечка-Невеличка.

— А сейчас чувствуете?

— Ни капельки.

— И даже когда я пристально гляжу?

— И даже когда вы пристально глядите.

— Значит, вам тоже придётся завязать глаза.

И Анечка-Невеличка завязала глаза платком. Затем завязали себе глаза Соломенный Губерт и все маленькие белые Негритята. Потом господин Антонио велел взять друг дружку за руки, сам взял за руку Анечку-Невеличку и повёл её куда-то вместе с остальными.

Никто не знал, куда ведёт их господин Антонио. Одна Анечка догадывалась, что идут они к цирковому фургону.

Туда ли их веди? Да, их веди туда!

Соломенный Губерт, завязывая глаза, оставил щёлочку, чтобы проследить, не поведёт ли их господин Антонио, скажем, на казнь или куда-нибудь ещё, где бы им не поздоровилось. Ему поэтому удалось украдкой взглянуть на Дракона, запряжённого в цирковой фургон. Дракон сразу же стал дёргаться, и Соломенный Губерт перестал глядеть на него, благо успел убедиться, что господин Антонио не ведёт их на казнь или куда-нибудь ещё, где бы им не поздоровилось.— Повязки снять! Мы на месте! — сказал господин Антонио.

Все сняли повязки и увидели, что находятся в уже знакомом Анечке цирковом фургоне.

— Я тут словно дома! — сказала она, хотя и опасалась, что с картинок будет пристально глядеть господин Антонио. Украдкой взглянув на неприятные картинки, Анечка засмеялась. Да и как было не засмеяться! Ведь теперь господин Антонио и на картинках был одноусым и лысым. Анечка обрадовалась, что можно ничего не бояться, и уже ни на что не глядела украдкой.

— Что-то я Сирен не вижу, — заявил Соломенный Губерт.

— Сейчас увидите, — сказал господин Антонио. Он раздвинул занавес, отделявший вторую половину фургона, и все увидели огромную стеклянную коробку, над которой что-то шумело.

— Однажды мы такое видели, — сказала Анечка-Невеличка. — Это стеклянная ёлка.

— Я же вам объяснял, что не стеклянная ёлка, а Фонтан, — поправил её Соломенный Губерт.

— А стеклянная коробка под ним что такое?

— Аквариум.

Да, это был аквариум, и плавали в нём красивые рыбки: золотые, розовые, голубоватые, а некоторые — разноцветные, точно радуга.

— Какие красивые! — сказала Анечка и вплотную подошла к стеклу. Тут она увидела такое, что даже вскрикнула от удивления: — Ой, там три огромные рыбы! Да это и не рыбы вовсе! Они рыбы только снизу! Сверху они девочки!

Соломенный Губерт тоже вплотную подошёл к стеклу, поглядел и сказал: — Это не рыбы и не девочки! Это Сирены!

Маленькие Негритята от удивления даже присвистнули и тоже, подойдя вплотную к стеклу, стали глядеть на Сирен.

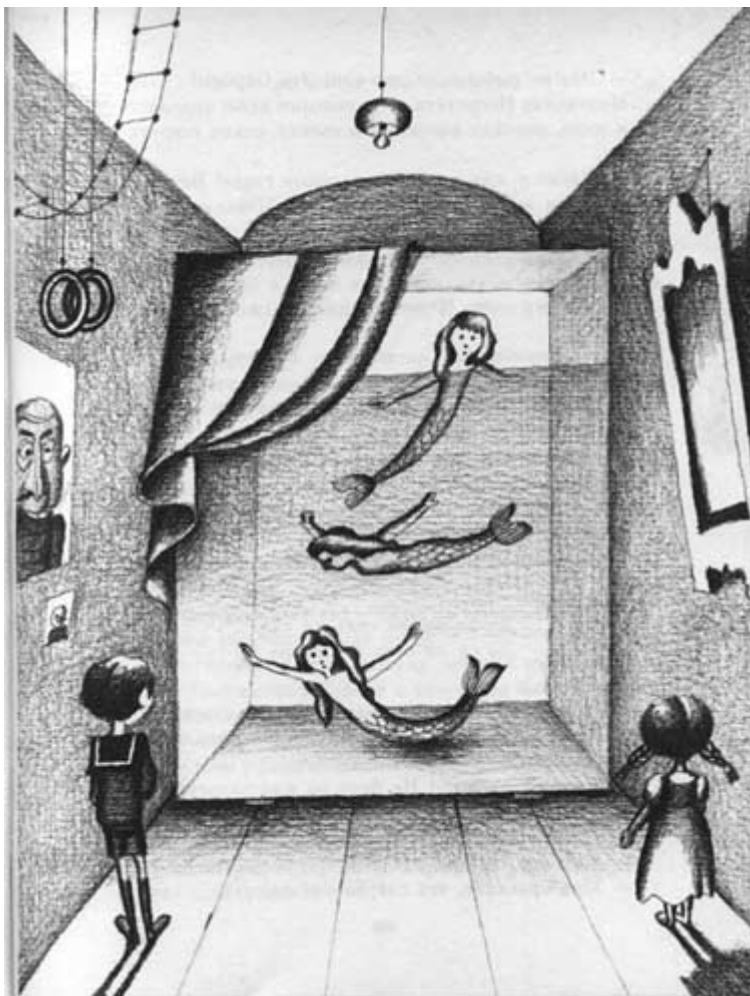
— Какие у них красивые зелёные глаза! Вот бы поиграть всем вместе! — сказала Анечка-Невеличка.

— Я бы этого никому не советовал! — заметил Соломенный Губерт.

— Почему?

— Потому что Фонтан шепчет, а что ни шёпоты...

Анечка прикрыла Соломенному Губерту рот ладошкой, чтобы не досказывал страшной поговорки. К тому же она заметила, что господин Антонио как-то странно сверкнул глазами.

— Может быть, они что-нибудь споют нам? — сказала Анечка.

— Спойте гамму! — приказал господин Антонио, постучав палочкой по аквариуму.

Сирены запели, тараща глаза, точно маленькие девочки:

До ре ми фа соль ля си до,
До си ля соль фа ми ре до!

На «фа» они широко разинули рты, и каждой в разинутый рот вплыла маленькая рыбка, которая была тут же проглочена.

— Какие страшные! Не буду на них глядеть! — сказала Анечка.

— А мне нравится! — сказал Соломенный Губерт.

— Что они глотают рыбок?

— Мне нравится, что сперва они поют:

До ре ми фа соль ля си до,

а потом:

До си ля соль фа ми ре до!

— Что тут может нравиться?

— А то, что я тоже все слова читаю сначала слева направо, а потом справа налево. И прошу вас не говорить «тут»!

— Почему?

— Потому что вы забывчивая и забыли, что мы не в Тут, а в Гдетотам!

— НЕ ЗАБЫЛА я этого! Я про это НЕ ВСПОМНИЛА. Но Соломенный Губерт уже не слушал Анечку. Он внезапно хлопнул себя по лбу и отчаянно воскликнул:

— Эх, моя Соломенная Шляпа! Была б она со мною хоть в Гдетотам!

Стоило ему крикнуть, как Сирены перестали петь и весело засмеялись.

— Чему вы смеётесь? — спросил Соломенный Губерт. Сирены засмеялись ещё пуще.

— Перестаньте, а то высуну язык! — разозлившись, крикнул Соломенный Губерт и уже готов был выполнить свою угрозу, как вдруг одна из Сирен опустилась на дно и вытянула из-под колыхавшихся водорослей нечто такое, при виде чего у Соломенного Губерта даже ноги подкосились.

— Моя шляпа! — крикнул он.

И действительно, это была его шляпа. Чуть-чуть вытащив её из-под водорослей, Сирена, весело смеясь, задвинула шляпу назад. — Верните мне её, — почти плача, сказал Соломенный Губерт.

А Сирена — нет, нет и нет! — засмеялась так, что у неё даже зубки засверкали.

— Однако она мне вернёт шляпу! — угрожающе прошептал Соломенный Губерт.

— Боюсь, не вернёт! — сказала Анечка-Невеличка.

— Тогда я нырну и отниму!

— Вы разве умеете нырять?

— Нет, — признался Соломенный Губерт.

— Я тоже, — сказала Анечка-Невеличка.

— Я зато умею нырять! — воскликнул Самый Младший Брат.

И нырнул. Едва он нырнул, произошло нечто ужасное! Сперва он плавал тихо, потом всё быстрее и быстрее и, наконец, стал плавать так быстро, что уже нельзя было разобрать, где у него голова, где руки, а где ноги. При этом он всё больше и больше преобразался, пока не превратился в маленькую белую рыбку.

— Ой! — воскликнула Анечка и заплакала.

— Ой! — воскликнули все маленькие белые Негритята. — Мы потеряли Самого Младшего Брата!..

И они тоже заплакали.

Наплакавшись, Младшие Братья решили вытащить его. Они нырнули и стали плавать. Но тут произошло нечто ужасное. Сперва они плавали тихо, потом всё быстрее и быстрее, а когда стали плавать так быстро, что нельзя было разобрать, где у кого голова, где руки, а где ноги, то начали преобразоваться и превратились в маленьких белых рыбок.

— Горе! Горе! — воскликнул Самый Старший Брат. — Я потерял всех братьев. Теперь их съедят Сирены.

И правда, Сирены снова запели:

До ре ми фа соль ля си до,
До си ля соль фа ми ре до!

И на ноте «фа» каждая проглотила по одной рыбке.

Анечка-Невеличка сказала, что не может видеть такую жестокость, горько заплакала и закрыла рукой глаза. Соломенный Губерт тоже закрыл рукой глаза, но не заплакал, а несколько раз вздохнул. Потом он вдруг перестал закрывать глаза рукой и крикнул:

— Оставайтесь с нами хоть вы!

Анечка-Невеличка взглянула сквозь слёзы, кому кричит Соломенный Губерт, и увидела нечто ужасное.

Самый Старший Брат, который больше не мог видеть, как Сирены глотают белых рыбок, нырнул и тут же стал преобразоваться, пока тоже не превратился в белую рыбку.

— Мы потеряли всех белых братьев! — запричитала Анечка-Невеличка, а с ней вместе и Соломенный Губерт, и оба долго плакали, а Сирены тем временем глотали и глотали белых рыбок.

Когда Соломенный Губерт перестал плакать и увидел, что Сирены по-прежнему глотают одну рыбку за другой, он так сильно ударил по стеклянному аквариуму, что пробил в нём дыру. Из аквариума сразу же потекла вода, а Сирены так быстро запели:

До ре ми фа соль ля си до,
До си ля соль фа ми ре до, —

что стали глотать рыбок в три раза больше, пока всех не проглотили. Тогда одна из Сирен нырнула на дно, вытянула из-под водорослей Соломенную Шляпу и разорвала её в клочья.

— Эй вы, не думайте, что мне жалко шляпы! — крикнул Соломенный Губерт. — Мне жаль наших белых братьев! Когда из аквариума вытечет вода, вы сами обо всём пожалеете!

Потом Соломенный Губерт умолк и долго сидел, подперев голову руками. До слуха его доносились только Анечкины всхлипывания и какой-то шёпот, сильно его раздражавший.

— Я всегда говорил: «Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты!» — закричал он в раздражении.

Едва он произнёс это, Анечка перестала всхлипывать и сказала:

— Правильно! Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты! А когда она сказала это, позади что-то заскрипело, словно кто-то хотел засмеяться, а смех не получался. Кто же это заскрипел?

Заскрипел господин Антонио, про которого Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом совсем забыли. А ведь это он был виной всему!

Он натравил на маленьких белых Негритят жестоких Сирен, да и вообще не имел добрых намерений.

Когда этот недоброжелательный человек заскрипел, Соломенный Губерт заметил, что на лысой голове его появились рожки, а сама голова стала удлиняться.

— Больше не произносите эту поговорку! — сказал господин Антонио каким-то странным голосом.

— Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты! — как можно громче крикнул Соломенный Губерт.

Крикнул он это и во второй, и в третий, и в пятый, и в шестой, и в восьмой раз. И всякий раз у господина Антонио подрастали рожки и вытягивался подбородок, так что директор цирка уже не мог скрипеть, а только блял.

— Глядите, это же чёрт! — воскликнул Соломенный Губерт и в тринадцатый раз повторил: «Что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты!», после чего господин Антонио весь как есть превратился в чёрного Козла. Превратившись в чёрного Козла, он стал прыгать, блять и наскакивать то на Соломенного Губерта, то на Анечку.

Соломенный Губерт попытался, но чем больше он пытался, тем больше наступал на него Козёл.

Зато Анечка-Невеличка совсем не испугалась. Она подняла с пола чёрную палочку, погрозила Козлу и сказала:

— Знаю я тебя, надоеда! Ты ведь вылитый чёрный Козёл, которого я гнала на пастбище вместе с овцами и козочками. Смотри у меня!

Услыхав строгие Анечкины слова, Козёл угомонился, но блеять продолжал. На это Анечка не стала даже обращать внимания и снова вспомнила про бедных Маленьких Негритят. А вспомнив, удивлённо сказала Соломенному Губерту:

— Поглядите на этих трёх! Они спят, что ли?

Из аквариума между тем вытекла вся вода. На дне его, где были водоросли, одна возле другой животами вверх лежали все три Сирены и словно бы спали. В этот момент лучи солнца упали на аквариум, и он ослепительно засверкал.

Соломенный Губерт потянулся за куском стекла от разбитого аквариума, но едва он взял стекло в руки, оно начало таять.

— Это же лёд! — сказал Соломенный Губерт и стал дышать на стекло до тех пор, пока оно совсем не растаяло.

— Раз этот кусок был изо льда, значит, и весь аквариум изо льда! — сказал Соломенный Губерт и был прав.

Солнце пригревало, и аквариум потихоньку таял. А Сирены спали. Их стеклянное жилище таяло, таяло, и, когда растаяло совсем, Сирены остались лежать на водорослях, причём под головами у них оказались клочья разорванной шляпы. Сирены крепко спали, а жаркие лучи солнца падали на них и так припекали, что Анечка испугалась, как бы Сирены не получили солнечный удар.

— И пускай получают, раз они такие жестокие! — сказал Соломенный Губерт.

Анечке всё же не хотелось этого. Она подняла с пола чёрный носовой платок и накрыла им спящих Сирен.

— Снова мы одни! — сказал Соломенный Губерт и поглядел в пол.

— Почти одни. С нами ведь остались ещё наш Большой Друг и чёрный Кролик! — ответила Анечка. — Пошли их поищем!

Они заперли фургон, чтобы Козёл не удрал, завязали глаза, чтобы не разбудить Дракона, и пошли искать Большого Друга и чёрного Кролика.

Подойдя к балагану, они увидели, что тот сорван с места и лежит на земле, словно драная парусина!

— Кто его разорвал? — удивилась Анечка.

— Ветер, — ответил Соломенный Губерт.

— Чтобы такую громадину повалить, нужна целая буря!

— А почему бы и нет? Все же были не на своём месте, вот и разыгралась буря! Маленькие Негритята были на своём месте, что ли?

— Конечно, нет, раз их проглотили Сирены, — сказала Анечка.

- Господин Антонио, что ли, на своём месте?
- Конечно, нет, раз он превратился в чёрного Козла.
- Чёрный Кролик на своём месте, что ли?

Его нигде не видно, — сказала Анечка. — Поэтому я не могу сказать, на своём он месте или не на своём.

И она стала искать Кролика:

— Вернись, миленький! Я сплету тебе венок из клевера, и ты снова станешь Верховным Правителем!

Но сколько они ни искали, сколько ни кричали, чёрного Кролика нигде не было.

— Тогда поищем нашего Большого Друга! — предложил Соломенный Губерт.

Их Большого Друга тоже не оказалось на месте. Только трава была примята там, где он лежал.

— Куда же он ушёл? — спросила Анечка-Невеличка.

— Сейчас выясним по следам.

И они стали высматривать, нету ли на земле следов Большого Друга. Наконец следы были обнаружены. Тогда Анечка стала высматривать, не оставил ли и Кролик каких-нибудь следов. Но следов чёрного Кролика видно не было.

— Он не оставил следов, потому что сидел на спине Большого Друга, — предположила Анечка-Невеличка.

— А разве на нём была корона из клевера?

— Кажется, не было... А вдруг всё-таки была и мы не обратили внимания? — спросила Анечка.

— Её не могло быть, потому что Верховный Правитель Кролик не стал бы тогда по чьей-то воле превращаться в носовой платок!

— Разве он превратился в носовой платок?

— Конечно!

И Соломенный Губерт рассказал, как господин Антонио превратил чёрного Кролика сперва в чёрный носовой платок, потом снова в Кролика и снова в носовой платок. Анечка от удивления даже присвистнула, как присвистывали Маленькие Негритята.

— Тогда я знаю, где наш чёрный Кролик!

— Где?

— Я закрыла им трёх Сирен от солнечного удара.

— И правда! Ведь господин Антонио сунул чёрного Кролика в карман! Значит, Кролик превращен!

— Вот мы и нашли нашего Кролика! — обрадовалась Анечка.

— Я бы не радовался на вашем месте! У нас ведь чёрный носовой платок, а не чёрный Кролик. А это не одно и то же.

— Почти одно и то же! — сказала Анечка. — Пусть чёрный Кролик превратился в платок, но этот платок у нас, и мы по крайней мере знаем, что нашего Кролика никто не обидит!

— А если Сирены разорвали платок?

Анечка слегка испугалась и тут же предложила пойти поглядеть, на своём ли месте чёрный платок.

Они снова, чтобы не разбудить Дракона, завязали глаза и вернулись в цирковой фургон.

Там их ждал полный разгром. Козёл вволю побезобразничал, перебил все красивые зеркала и сорвал все картинки, на которых был изображен прежде кудрявый, а теперь лысый господин Антонио.

Анечка погрозила Козлу розгой и поспешила узнать, на своём ли месте платок. Тот оказался на своём месте.

— Вот мы и нашли чёрного Кролика! — сказала Анечка, захлопав в ладоши.

Так как солнце уже не припекало и Анечка не боялась, что Сирен хватит солнечный удар, она осторожно приподняла чёрный носовой платок. А приподняв его, увидела, что все три Сирены стали какие-то странные — ссохшиеся, словно бы они из дерева.

— Какие странные! Все ссохлись, словно они из дерева! — воскликнула Анечка удивлённо. — Они и есть из дерева! — сказал Соломенный Губерт, когда, наклонившись над Сиренами, разглядел их.

— А раньше были как живые!

— Пока жили в воде, были как живые, а теперь стали из дерева, — сказал Соломенный Губерт. — Да вы хоть одну возьмите в руки и сами увидите! Узнаю ведь дерево!

Анечка сперва не рещалась, но потом отважилась и взяла одну Сирену.

— Ой, до чего лёгкая! Как кукла! — Она хотела понычтить Сирену, как нянчат кукол, но вдруг снова вскрикнула от удивления, поражённая тем, что увидела.

Сирена была вся пробурвана маленькими дырочками, из которых выползали крошечные белые Муравьи. Муравьёв было столько, что у Анечки даже ёкнуло сердце, и она сказала:

— Видите вы маленьких белых Муравьёв? Откуда они тут?

Соломенный Губерт тоже удивился: откуда бы взяться такому множеству Муравьёв? Он взял в руки вторую Сирену, но и та оказалась вся в крошечных дырочках, из которых выползали маленькие белые Муравьи. И из третьей сквозь крошечные дырочки тоже выползали маленькие белые Муравьи.

С первого взгляда все они казались одинаковой величины. Но, приглядевшись получше, Анечка заметила, что одинаковы все, кроме двух, из которых один был намного меньше остальных, а другой — намного больше.

— Это же наши маленькие белые Негритята!—воскликнула Анечка и так обрадовалась, что запрыгала и захлопала в ладоши.

— Действительно, это они! — сказал Соломенный Губерт и так обрадовался, что крикнул: — Приветствую вас, наши маленькие белые Негритята! Ваш Соломенный Губерт!

Стоило ему крикнуть это, как Муравьи построились в колонну по два — впереди самый маленький и самый большой, за ним остальные, все одинаковой величины — и, словно бы отвечая на приветствие Соломенного Губерта, дружно зашагали по чёрному носовому платку.

— Они! Точно, они! — опять крикнул Соломенный Губерт.— Дружно в колонну по два могут идти только они!

Анечка-Невеличка так радовалась, что тоже закричала:

— От всего сердца приветствую вас, наши маленькие белые Негритята! Ваша Анечка-Невеличка!

Стоило Анечке крикнуть это, как Муравьи сразу замерли, словно бы встав по стойке «смирно» и отвечая Анечке на приветствие.

— Теперь с нами и Кролик, и наши маленькие белые Негритята! — сказала Анечка.

А так как Муравьи чинно расположились на чёрном носовом платке, Анечка-Невеличка решила, что в платке Муравьям будет удобнее всего. И она ловко завязала платок, оставив торчать красивые уголки. Уголки эти сразу же задвигались, словно бы чёрный платок зашевелил ушами.

— Глядите! Глядите! Наш чёрный Кролик шевелит ушами! — воскликнула Анечка.

Пока она, а с нею вместе и Соломенный Губерт радовались, Козёл не переставал бляеть, но уже не сердито, а жалобно.

— Не смей бляеть! — сказала Анечка-Невеличка. — Ты нас и так достаточно позлил!

Но Козёл снова жалобно заблеял, и тогда Анечка сказала: — Не бойся, мы тебя не оставим! — и обратилась к Соломенному Губерту: — Не будь он вылитый чёрный Козел, которого я брала на выгон, мы бы его оставили, но раз он вылитый чёрный Козел, давайте возьмём его с собой!

— Как его возьмём? На цепочку привяжешь, что ли?

— Зачем? Возьмём его просто так и ни на что привязывать не будем.

— Да он удерёт! — сказал Соломенный Губерт.

— А вот нет! Раз не удрал тот, на которого он похож как вылитый, не удерёт и этот.

— А разве того вы не на цепочке вели? — спросил Соломенный Губерт.

— Что вы! Неужто погонишь на выгон целое стадо овец и козочек на цепочке!

— А на выгоне что бывает?

— Неужто не знаете? — удивилась Анечка.

— Откуда же мне знать, я там не бывал!

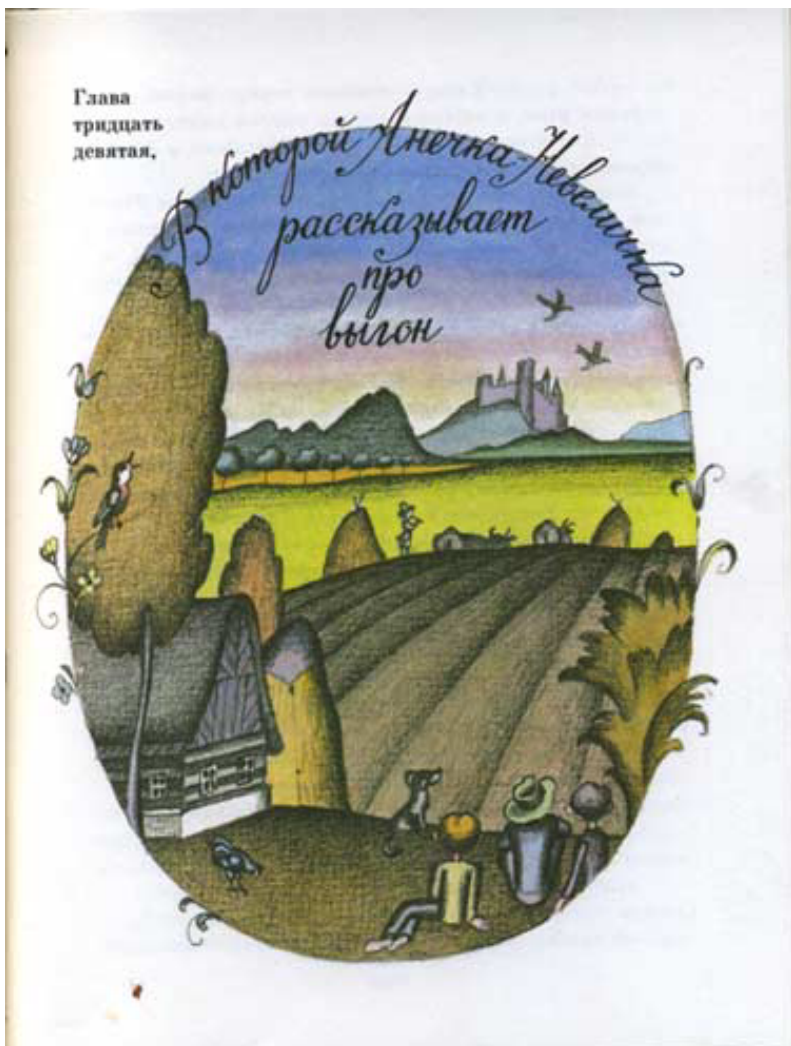
— Рассказать?

— Конечно! — сказал Соломенный Губерт и уселся на полу разгромленного Козлом циркового фургона.

— Ну что ж, расскажу вам про выгон, — сказала Анечка-Невеличка и уселась рядом с Соломенным Губертом.

Чёрный Козел перестал бляеть и смирно улёгся в углу, словно бы тоже хотел послушать. Носовой платок шевелил уголками, словно Кролик ушами, маленькие белые Муравьи спокойно сидели тесной кучкой, и Анечка-Невеличка стала рассказывать про выгон.

Глава
тридцать
девятая.

Свезут хозяева отаву, и наступает хорошее утро, и пастух длинным кнутом хлопает.

— Солдаты пришли! — кричат ребяташки и бегут на деревенскую площадь.

Скрипит насос, но солдат не видно. Солдаты далеко, там, где гром гроыхает, а хлопок близко. Они слышны от двора ко двору, потом заворачивают за угол, а у колодца становятся совсем негромкими — как будто что-то булькает.

Тут отворяются все ворота и скрипят. Но совсем не как старый насос, а как старый ворот, когда его вода крутят. Потом скрипеть перестаёт — это ворота отворены настежь, и гусак взлетает в воздух. Поднимется, загопочет на всю деревню, а потом падает наземь, вытягивает шею и шипит. Из всех ворот выбегают гусыни и тараторят. Некоторые тоже поднимаются в воздух. Потом сразу же падают на землю, вытягивают шеи и шипят.

Девочки-гусепаски бегают и отгоняют их от ворот, а то гуси, того и гляди, наделают. Ещё они отгоняют гусынь от часовни, а потом гонят по дороге на жнивье. У каждой девочки сладкая ватрушка и с головы гребешок сваливается. Когда гусепаски надкусят свои сладкие ватрушки, а гребешки поправят, то стегнут прутиком и пропадут в пыли, которая на дороге поднимется.

Потом на площади пастух дудит. Дудит он старую песню, которую все знают. Все ведь знают песню:

*Вот весна настала,
Развернулись почки,
Солнышко сияет,
Пташки распевают,
Зацвели цветочки.*

А второй куплет не знает никто. Поэтому пастух его поёт:

*Цветики лесные,
Травки-медуницы,
То-то вас, цветочки,
Заплетут в веночки
Молодые жницы.*

Потом пастух снова дудит.

Он дудит, а на деревенскую площадь выходят коровы и мычат. Гнедой подкинет задние ноги и поскачет. Стоит ему поскакать, и все телята начинают проказничать. Чёрная корова искоса поглядит на них и глазом блеснёт. Потом головой мотнёт, точно хочет кого поддеть рогом, и облизнётся большим розовым языком. Она идёт важно и задумчиво, а телята удирают и всё время проказничают.

И вот на площади все деревенские коровы собрались. Перемешались, словно одному хозяину принадлежат, а мычит каждая по-своему: одни коротко, другие длинно, точно поют или воют.

Пастух больше не дудит. Напоследок он хлопает вот как: раскрутит кнут над головой и рукой дёрнет. Получится — хлоп! У пастуха, когда он крутит, а потом дёргает кнут, на лбу вздуваются жилы. У подпасков кнутики маленькие, они щёлкают ими и догоняют скотину.

На дороге снова пыль поднимается, а коровы идут одна возле другой и напирают. Когда они уходят, пастушка выгоняет коз и овец. У неё под мышкой башмаки-деревяшки и курточка, потому что по утрам теперь свежо.

Потом на деревенской площади становится тихо.

Дети возвращаются к воротам и начинают играть. Мальчишки крутят рукой над головами, словно бы хлопают кнутом. Кому попадёт — тот плачет. Хозяйка выбежит в садик и сердится. Пока она сердится, девочка перестаёт плакать, а мальчишки пригнутся за забором и в крапиве ищут сладкие рожки. На чертополохе сидит шмель и гудит густым голосом.

Потом мальчишки на выгон убегают. По дороге они останавливаются у пруда, ловят головастика и пускают их в ямки, в которые сперва наносили горстями воду. Ещё побрызгают пыль и лепят из неё куличи.

Если кто проходит мимо, они здороваются.

Мимо проходит деревенский дурачок с зонтиком. Он улыбается мальчишкам и держит открытый зонтик, хотя с неба даже не моросит. Он всегда так ходит, держит зонтик и улыбается. И никогда никого не обижает, а мальчишки с ним здороваются. Когда он пройдёт, они начинают шептаться, что он не в своём уме. Быть не в своём уме — значит ходить с зонтиком от деревни к деревне и улыбаться. Сапожник из местечка тоже ходит от деревни к деревне с зонтиком и улыбается, однако он не дурачок. Он не дурачок, потому что разносит по деревням башмаки и снимает с людей мерку. Иногда он ещё курит табак. Он не дурачок. Дурачок не разносит башмаков и не снимает с людей мерку, а просто ходит с зонтиком и улыбается. Потому он и дурачок.

У пруда хорошо, а на выгоне ещё лучше. Коровы спокойно пасутся и не очень самовольничают. Если на дороге загудит автомобиль, они озираются, а некоторые с перепугу бегут к дороге и хотят домой вернуться. Подпаски со всех ног бросаются за ними и пригоняют обратно. Остальные мальчишки им помогают.

На выгоне весело, а на жнивье грустно. На полях пусто, и жнивье тянется далеко-далеко, до самого леса. Ещё хорошо, что на жнивье гуси; без гусей поля вовсе были бы грустные, и дул бы с них ветер. Пока что он с них не дует. День стоит прекрасный и голубой. Жнивье даже не шевелится, и поют сверчки.

Потом приходят мальчишки и глядят на пастуха. Если пастух сердитый, шляпа у него съехала на лоб, и глядит он не поймёшь куда. Ещё он кричит мальчишкам, чтобы отправлялись восвояси. И набивает трубку. А когда набьёт трубку, сдвинет шляпу на ухо и утрёт лоб. И сразу же настроение у него становится лучше.

Если пастух добродушный, мальчишки садятся вокруг и слушают, о чём он рассказывать будет. Сперва он прогоняет подпасков, чтоб за скотиной глядели, а потом рассказывает.

Рассказывает, как цыгане приходят поздним вечером и воруют у людей куриц. Ночью коней из конюшни уводят, а чтобы не было слышно, обматывают лошадиные копыта войлоком. Хозяин проснётся и выстрелит в воздух. Цыгане убегут, и конь спасён.

Пастух рассказывает ещё, как играл в оркестре на флейте, и даже, бывало, по большим праздникам.

И тут же заиграет песню:

Шевелитесь, мои кости,
Или не возьму вас в гости!

Мальчишки просят сыграть ещё, а потом это же самое спеть. И пастух им играет, а потом поёт то, что сыграл:

Грустное известье
Всюду разнеслося —
В монастырь невесте
Уходить пришлось.

И скажет:

— Вот выйдет она из того монастыря, мы и споем дальше.

— А ещё не вышла? — спросят мальчишки.

— Ещё нет, — скажет пастух.

— А когда выйдет? — спросят мальчишки.

— Когда дождь пойдёт и высохнет, — скажет пастух и засмеётся.

Потом сыграет и споёт вот какую песенку:

*Выиграли в рулетку
Старую жилетку!
Кто её желает,
Пусть и надевает!
«Отдадим дедуле?» —
«Он вздремнул на стуле!»
«Может, бабке впору?» —
«Не болтайте вздору!»
«Может, впору Смерти?
Просим вас, примерьте!
Если узковата,
Сам сношу, ребята!»*

Ещё пастух играет и поёт вот какую песню:

*Стрекоза в тепле жила,
Под периною спала.
Но взяла ушла из дому
И в окно стучит к портному.
А портной не отвечает,
Стрекозу не привечает.
Та стучится к гончару,
А гончар: «Не отопру!»
И пошла она в своё
Стрекозиное жильё.*

Потом пастух скажет мальчишкам, чтоб они оставили его в покое, и мальчишки один за другим убегают. Убегают они на дорогу ждать почтальона.

У почтальона красивая шляпа, и он ездит на велосипеде. За спиной у почтальона большая чёрная сумка, а в ней всё-всё есть. Есть там открытки с сердечным приветом и поцелуями. Ещё есть письмо, где написано, что бабушка расхворалась и не приедет. Пастуху ни письма, ни открытки никогда ни от кого не придёт. Зато он спросит почтальона, что новенького. Почтальон спрыгнет с велосипеда, чтобы педали в гору не крутить, и скажет, что с него просто течёт — такая жарница! Потом расскажет, что где новенького.

Почтальон знает всё. Он ездит от деревни к деревне и повсюду всё узнает. Все ему рады и все его ждут.

Потом почтальон уедет, и в деревне прозвонят полдень. Пастух опять хлопает кнутом, а подпаски разбегаются, чтобы согнать скотину с выгона. Они гонят её по домам. На дороге опять поднимается пыль, а в деревне отворяются все ворота. Коровы спешат домой, чтобы хозяйки их подоили. Молоко струйками течёт в подойник, пенится и хорошо-хорошо пахнет.

Иногда случается большое несчастье. Корова раздуется, и ей очень больно. Она лежит и стонет, а у всех в глазах слёзы. Хозяин печалится, что корова пропала, и всё время в хлев заглядывает — вдруг да коровке полегчало. Другие коровы грустные и очень

испуганные. Они не мычат, а только мотают головами, чтобы отогнать мух. Потом коровке полегчает, и она спит. Когда после полудня на деревенской площади пастух снова хлопает кнутом, коровушка остаётся дома. Она одна во всём хлеву, и вся семья ходит на неё глядеть. Все рады, что ей полегчало. Потом люди опять идут работать, и всё хорошо.

Вдруг ударяют холода. За пастбищем большая каменоломня, но из неё ветер не дует. Дует он теперь со всех жнивьев. После обеда по небу несутся тучи, но ни дождевики из них не падает. Везде грустно. Мальчишки, потому что грустно, собирают ботву и зажигают костёр.

Когда мальчишки зажигают костёр, сразу же наступает осень. Ласточки собираются в стаи и улетают в чужие земли. Гнёзда остаются пустыми, а мальчишки прыгают через костры. Они пекут картошку, и руки у них красные и заочневшие.

Пастух поёт вот какую песню:

Уж ты, осень, осень,
Дождики с утра!
Не спеши к нам очень,
Не пришла пора!

Принесёшь ты, осень,
Грустные дожди,
Просим тебя очень:
Малость подожди!

Воротися, лето,
Веселей нам будет.
Если не вернёшься,
Наших дней убудет.

Если не убудет —
Унесёт их дождик,
Так судьбина судит,
Так гудит гудошник.

Грустно отгудел он
В лад дуде бузиной,
Был гудошник этот
Нашею судьбиной.

Уж ты, осень, осень,
Дождики с утра,
Не спеши к нам очень,
Не пришла пора!

Но осень не ждёт. Она приходит и везде остаётся. Деревья трясут верхушками и сбрасывают листья. Утро наступает поздно, а проходит быстро. Моросит дождь. Осень.

И пастбища уже не будет.

Глава *в которой*
сороковая, *Анечка-Невеличка,*
Соломенный Губерт
и чёрный Козёл
пускаются в путь

КОГДА АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА закончила свой рассказ, чёрный Козёл заблеял и свесил голову.

— Ишь загрустил, знает, что придёт осень и он уже не сможет проказничать, как проказничал всё лето.

— Разве он проказничал всё лето? — спросил Соломенный Губерт.

— Ой проказничал! — ответила Анечка-Невеличка.

— Я и не знал, что при этом бьют зеркала, рвут картинки и всё вокруг!

Анечка засмеялась, протёрла глаза и сказала:

— Я просто перепутала...

— Что?

— ...нахожусь ли я в Гдетотам или на выгоне! Я так ясно слышала, как поёт наш пастух, что чуть не перестала быть в Гдетотам.

— Зато я не перестал! И поэтому перейдём к делу!

— К какому?

— К путешествию по следам нашего Большого Друга.

И Соломенный Губерт спрыгнул с подножки циркового фургона. За ним спрыгнула Анечка. В руках она держала чёрный платок, не перестававший шевелить уголками, и спрыгнула осторожно, чтобы не повредить ни чёрному платку, ни маленьким Муравьям, чинно в нём сидевшим. Последним спрыгнул чёрный Козёл и, оттого что его не бросили, радостно заблеял.

Но тут случилось непредвиденное событие — они ведь забыли завязать глаза! Поэтому Дракон сразу проснулся, забеспокоился и, увидев столько глаз — Анечкины, Губерта и Козла, — встал на дыбы, с шипением выпустил из ноздрей искры, несколько раз подпрыгнул и помчался во весь опор, покотив за собой фургон.

— Мы кое-кого забыли! — воскликнула Анечка, словно бы намереваясь броситься вдогонку удалявшемуся цирковому фургону.

— Кого же? — спросил Соломенный Губерт. — Трёх Сирен! Что с ними теперь будет?

— Наверно, Дракон увезёт их в морской замок.

— И опять они станут заманивать мореходов?

— Конечно!

— Тогда хорошо, что маленькие белые Муравьи с нами, а то бы Дракон тоже увёз их на морское дно, — сказала Анечка и вздохнула.

Соломенный Губерт между тем уставился в одну точку, словно не мог на что-то наглядеться. На что же он глядел? На что он глядел?

Глядел он на зелёную щепку, которая то взлетала в воздух, то падала наземь. Взлетала и

падала.

— На что это вы смотрите? — спросила Анечка.

— На зелёную щепку, которая то взлетает, то падает.

— Это Кобылка!

— Ну и ну! Вам уже лошади мерещиться стали!

— Разве я сказала «лошадь»? Я сказала «кобылка»!

— То есть маленькая лошадка!

— Да нет же! Это Кузнечик Луговой, или, по-нашему, Кобылка! — объяснила Анечка. И верно, это была Луговая Кобылка. Соломенный Губерт знал Лугового Кузнечика только по картинкам, поэтому он обрадовался, увидев живую Кобылку, и стал внимательно её разглядывать. Внезапно, хлопнув себя по лбу, он сказал:

— И всё же я прав! Это маленькая лошадка!

— Опять вы за своё!

— Знаю-знаю, это Луговая Кобылка, но нет никакого сомнения, что она была лошастью!

— Какой такой лошастью?

— Цирковой, на которой вы ездили! На ней маленькое Седло! Взгляните-ка!

Анечка-Невеличка пригляделась и увидела на Кобылкиной спине маленькое Седло.

Кобылка между тем скакала по следам Большого Друга, ни разу не промахиваясь мимо следа.

— Пойдёмте за ней и поглядим, скачет ли Кобылка по следам случайно, или потому что нас куда-то ведёт, — предложил Соломенный Губерт.

Они пошли за Кобылкой и шли до тех пор, пока не пришли к странному распутию, от которого расходились четыре дороги.

Возле первой дороги был указатель:

НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ,

возле второй —

В ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД,

возле третьей —

В ЦАРСТВО КУКОЛ,

возле четвёртой —

К ПОСЛЕДНЕМУ ПРИКЛЮЧЕНИЮ.

— Какую выбираете? — спросил Соломенный Губерт.

— Я бы все выбрала.

— Можно только одну. А какую — дело запутанное! Придётся распутывать... — и Соломенный Губерт задумался.

Вдруг чёрный носовой платок так старательно зашевелил ушами, что Анечка даже удивилась.

— Видно, я сделала тебе короткие уши! — сказала она, развязывая узел на платке.

Но стоило ей развязать платок, как все маленькие белые Муравьи разбежались, словно больше им в платке не сиделось.

— Муравьям больше не сидится в носовом платке! — сказала Анечка Соломенному Губерту.

— Помолчите! — ответил тот. — Вы же видите, что я распутываю!

— Проще развязать! Я вот развязала платок, и Муравьи очень обрадовались.

— Откуда это видно?

— Они дружно идут в колонну по два.

— По какой дороге?

— По третьей, кажется...

— Значит, в Царство Кукол! — уверенно сказал Соломенный Губерт.

— Я тоже пойду с ними! Чтобы не расставаться.

И Анечка хотела было ступить на дорогу «В ЦАРСТВО КУКОЛ», но Соломенный Губерт удержал её.

— Смотрите, Муравьи уже не идут в колонну по два! Действительно, Муравьи уже не шли в колонну по

два! Шли они теперь очень странно — каждый в свою сторону, а потом все вдруг остановились.

Почему они остановились? Почему же они остановились?

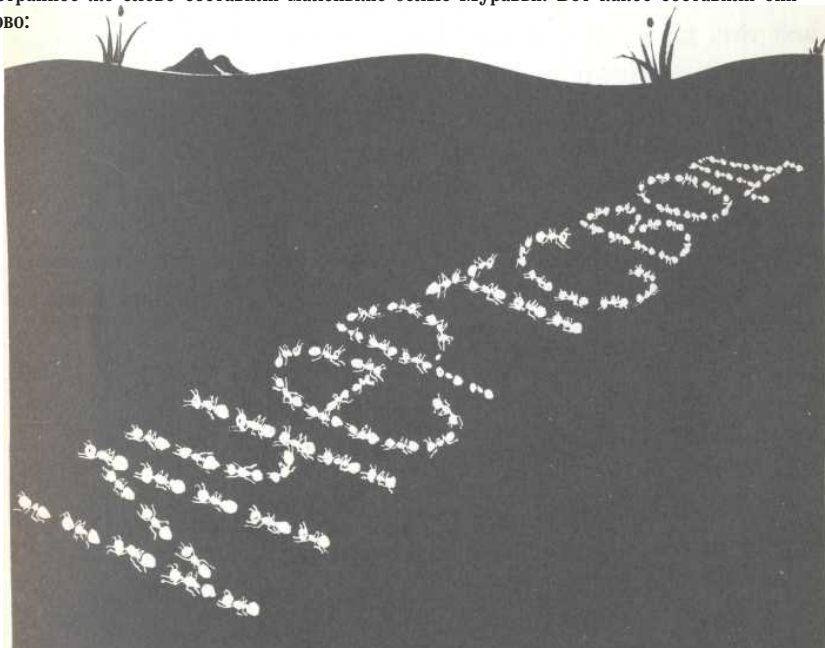
Соломенный Губерт долго приглядывался, пытаясь понять, почему они остановились, и вдруг ему стало казаться, что перед ним уже не Муравьи, а как попало расположенные чёрточки. Он сказал об этом Анечке, и Анечка тоже увидела вместо Муравьёв как попало расположенные белые чёрточки.

— Похоже даже на буквы! — сказала она.

— Правильно! Это письмо! — подтвердил Соломенный Губерт и начал читать его как положено — слева

направо.

И странное же слово составили маленькие белые Муравьи! Вот какое составили они слово:

— Вы слышали когда-нибудь такое дурацкое словечко? — спросил Соломенный Губерт.—Я его даже выговорить не могу!

— Попробую я прочитать, — сказала Анечка. — И — ЧЁРТ — С — ВОД! — прочитала она по складам, потом подумала и воскликнула: —Они написали «И чёрт с вод!». Они хотят нас предупредить, а мы и сами знаем!

— Про что это вы?

— А вот про что! Ведь что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты?

— Верно.

— А шептал кто? Водяной куст?

— Фонтан шептал.

— Пусть Фонтан! А разве с Фонтаном не подстроил всё тот, из-за кого у нас хлопоты? — и Анечка показала на чёрного Козла.

— Ну он.

— Вот и получается «И чёрт с вод»!

— Здесь написано не «чёрт», а «черт»! — сказал Соломенный Губерт.— И значит, ничего не получается!

Пока Анечка обескураженно молчала, он получше пригляделся к странному слову и прочитал его справа налево.

Стоило прочесть слово наоборот, и оно перестало быть непонятным, потому что получилось:

ДО ВСТРЕЧИ

— Муравьи на прощанье говорят нам «До встречи». Прочитайте по складам справа налево!

— Раз они с нами прощаются, значит, мы больше не увидимся! — грустно промолвила Анечка-Невеличка.

— Увидимся! «До встречи» означает, что будет встреча!

— И мне не обязательно идти в Царство Кукол?

— Не обязательно.

— До встречи, наши маленькие белые Муравьи! До встречи, наши маленькие белые братья! До встречи, наши Маленькие Негритята! — сказала Анечка-Невеличка и стала махать чёрным платком.

Стоило ей помахать чёрным платком, как он вырвался из её руки и, словно уносимый ветром, полетел над второй дорогой, возле которой стоял указатель

В ЗООЛОГИЧЕСКИЙ САД

— Ой, платок улетел! — крикнула Анечка и хотела броситься вдогонку, но Соломенный Губерт удержал её и сказал:

— Не мешайте ему.

— Но ведь чёрный платок — это наш чёрный Кролик!

— Потому и не мешайте ему лететь в Зоологический Сад. Ведь Кролик в Зоологическом Саду жил.

— Тогда надо бы его проводить!

— Зачем? Мы ещё встретимся. Он ведь машет нам, — сказал Соломенный Губерт. И правда, платок летел и махал им. Когда машут, это тоже значит «До встречи».

— До встречи, чёрный платок! До встречи, наш милый Кролик! Передай привет Кораблю Пустыни! — кричала Анечка-Невеличка, махая рукой вслед платку.

Между тем Муравьи снова построились в колонну по два и дружно зашагали по дороге «В ЦАРСТВО КУКОЛ». Шли они быстро и быстро превратились в крошечные точки. Потом и точки исчезли. Платок исчез тоже.

— Остались две дороги, надо на что-то решиться! — сказал Соломенный Губерт.

— Я выбираю дорогу «НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ!» — быстро решила Анечка-Невеличка. Едва она это сказала, чёрный Козёл, до тех пор смиренно лежавший, вскочил, трижды подпрыгнул и помчался сломя голову по дороге «НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ». Анечка бросилась было за Козлом, но Соломенный Губерт удержал её:

— Я вам не позволю вести чёрного Козла НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ!

— Почему?

— Потому что если чёрный Козёл побежал НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ, он должен превратиться в господина Антонио, причём в злого господина Антонио, который может вас обидеть.

— А если он ещё дальше пойдёт НАЗАД ПО СОБСТВЕННЫМ СЛЕДАМ, превратится он в купца Абабу или нет? — спросила Анечка.

— Конечно, превратится!

— Значит, у него снова будут слитки золота?

— Значит, у него снова заведётся насекомое, которое станет перекусывать каждый день по волосу, — ответил Соломенный Губерт.

Козёл между тем удирал и ни разу не оглянулся.

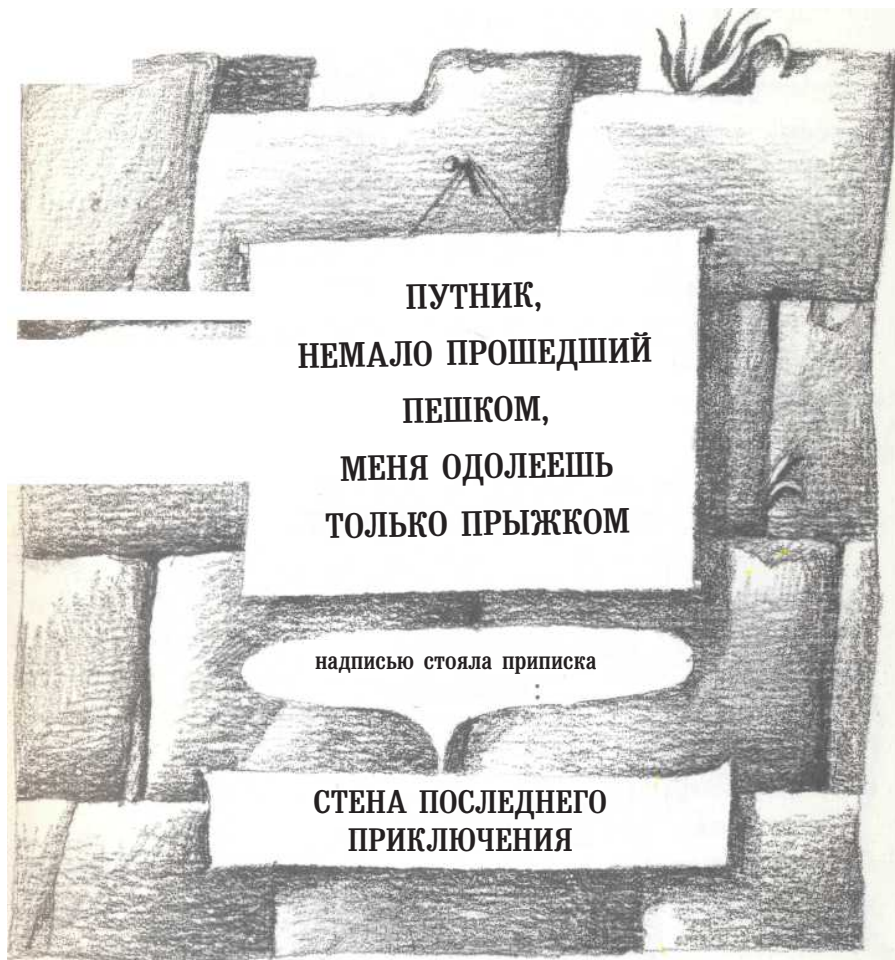
— Его-то уж мы больше не увидим, — сказала Анечка-Невеличка. — Он ведь ни разу не оглянулся и не помахал нам...

— Не больно нужно! Кстати, нам осталась только одна дорога — «К ПОСЛЕДНЕМУ ПРИКЛЮЧЕНИЮ!» — ответил Соломенный Губерт.

Едва он сказал это, откуда ни возьмись, выпрыгнула Кобылка, про которую они совсем забыли, и, словно бы приглашая следовать за собой, поскакала по дороге «К ПОСЛЕДНЕМУ ПРИКЛЮЧЕНИЮ».

Куда вела эта дорога? Куда же она вела?

Вела она к высокой Стене, на которой было написано:

**ПУТНИК,
НЕМАЛО ПРОШЕДШИЙ
ПЕШКОМ,
МЕНЯ ОДОЛЕЕШЬ
ТОЛЬКО ПРЫЖКОМ**

надписью стояла приписка

**СТЕНА ПОСЛЕДНЕГО
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

— Придётся вернуться к распутью! — сказала Анеч ка, когда Соломенный Губерт прочёл обе надписи.

— Зачем?

— Если вы умеете прыгать через высокие стены, вам возвращаться незачем. А я прыгать через них не умею, поэтому вернусь.

— Я тоже не умею!

— Значит, вернёмся вместе?

— Этого бы я никому не советовал! Хотя мы и не умеем, некоторые всё же умеют. Кобылка, например.

— Кобылка-то умеет! Но что из этого?

— А разве на ней нет Седла?

— Есть. Но на таком малюсеньком даже мой мизинец не уместится!

— А вон ту вещь видите? — Соломенный Губерт показал в сторону красного баллона. — Это баллон с воздухом. Кобылка перенесёт нас с помощью воздуха!

— Как?

— А вот как! — сказал Соломенный Губерт и поймал зелёную Кобылку.

Та, как видно, совсем не испугалась и спокойно уселась на его ладони. Он же принялся рассматривать маленькое Седло на Кобылкиной спине и, заметив в нём крошечную пробку, вытащил её и пустил в Седло воздух из баллона. Седло стало увеличиваться, увеличиваться, пока не сделалось таким большим, что зелёную Кобылку вообще невозможно было под ним разглядеть.

Выключив воздух, Соломенный Губерт предложил Анечке не раздумывая усесться в Седло и не раздумывая уселся сам. Анечка раздумывать не стала и тоже уселась в Седло.

Спустя мгновение, Седло подпрыгнуло, но только чуточку, потом подпрыгнуло повыше, затем подпрыгнуло ещё выше, пока не подпрыгнуло так, что перелетело через Стену.

Что было за Стеной?

Что же было за Стеной?

Глава *в которой*
сорок *Анечка-Невеличка*
первая, *и Соломенный Губерт*
оказываются за Стеной
Последнего Приключения

КОГДА СЕДЛО ПЕРЕЛЕТЕЛО СТЕНУ, Соломенный Губерт упал на что-то упругое, и его даже подбросило. Анечка тоже упала на что-то упругое, и её тоже подбросило. Оба при этом сильно стукнулись лбами, и послышался хруст, словно бы разбилась фарфоровая чашка.

— Извините, я не нарочно! — сказал Соломенный Губерт.

— Да мне не больно. А вам?

— Ни капельки.

— Неужели? Вы же, как кукла, раскололись, — сказала Анечка.

— Никому бы не советовал так думать! Сами вы раскололись, как кукла!

Анечка-Невеличка в испуге потрогала лицо, и в руке у неё оказался какой-то черепок.

— Глядите, осколок разбитой куклы! — воскликнула она.

Соломенный Губерт потрогал своё лицо, и в руке его тоже оказался осколок разбитой куклы.

— Да у вас же на лице фарфоровая скорлупа! Хотите, я её сниму? — предложила Анечка. Точно такая же скорлупа оказалась на лице и у неё. Стоило им снять фарфоровые скорлупки, и оба перестали быть похожи на кукол.

— Вы опять Соломенный Губерт! — сказала Анечка.

— А вы опять Анечка-Невеличка! — сказал Соломенный Губерт и добавил: — Интересно, где мы находимся?

Находились они на Большой Парусине, растянутой у подножия высокой Стены. Рядом — тоже на Парусине — слегка покачиваясь, лежало перевернутое Седло.

— А где Кобылка? — спросила Анечка-Невеличка.

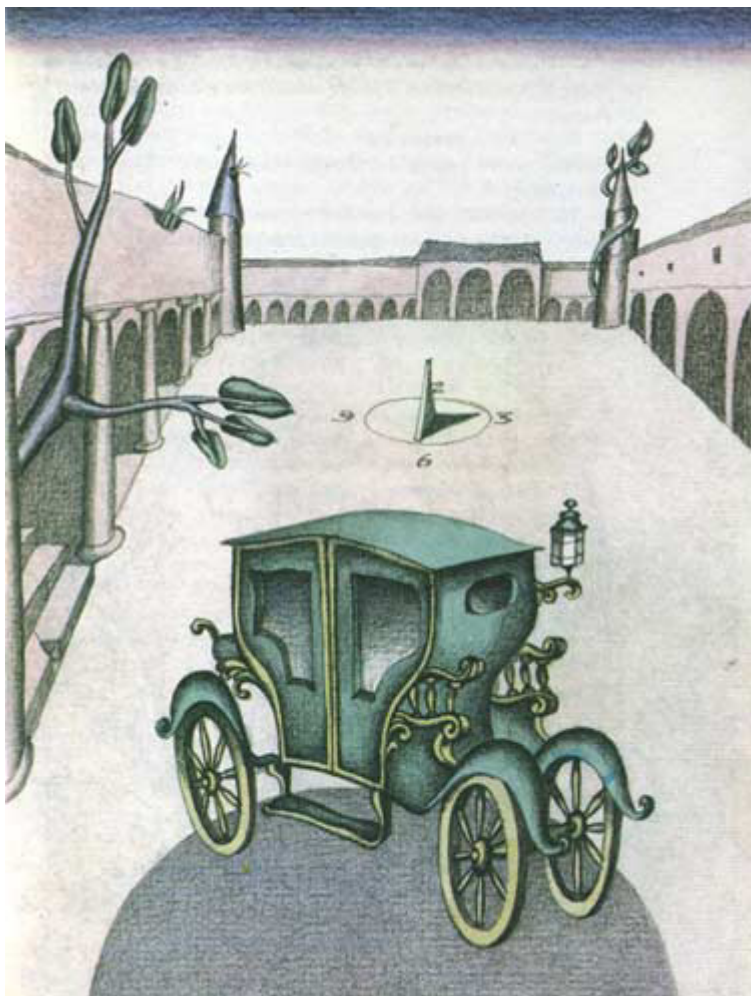
— Сейчас узнаем.

Соломенный Губерт огляделся и вскоре обнаружил, что Кобылка преспокойно сидит на Анечиной голове и, словно бы разминая ножки, похрустывает коленками. Стоило Соломенному Губерту сказать про это Анечке, как зелёная Кобылка перепрыгнула на голову ему, потом снова на Анечкину и обратно. Она явно разминала ножки, а размяв их как следует, прыгнула на Парусину, отскочила от неё и перемахнула через Стену.

Парусина сразу же стала опускаться всё ниже и ниже, пока не расстелилась по земле.

— Мы на каком-то дворе! — воскликнула Анечка. Это и правда был двор. Вокруг него возвышались столбы, упирающиеся в свод, а посередине стояла нарядная Карета.

— Похоже, мы в Замке! — продолжала Анечка и тут же оглянулась. Ей показалось, что сзади кто-то повторил её голосом:

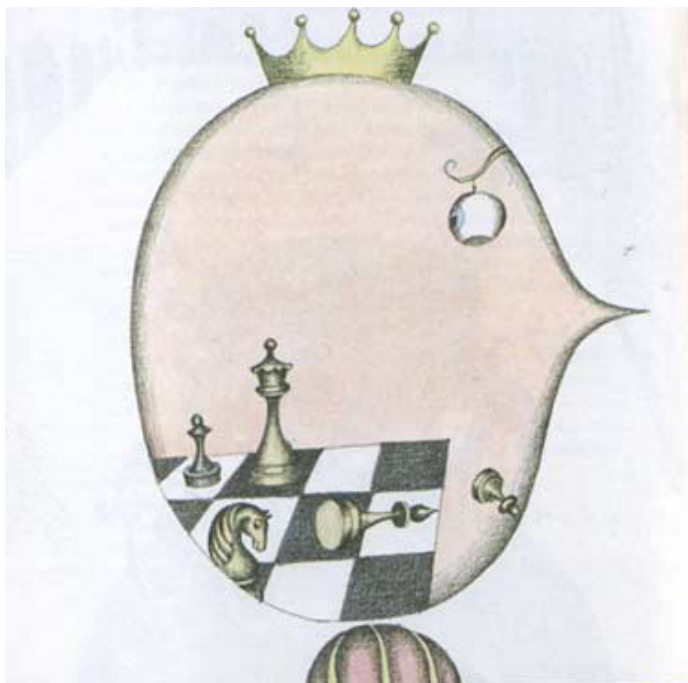

«Похоже, мы в замке!»

— Мы в замке! — подтвердил Соломенный Губерт, и кто-то позади него подтвердил его же голосом:

«Мы в замке!»

Анечка-Невеличка поглядела по сторонам, но никого. Однако Соломенный Губерт и слышать об этом не хотел: ведь что ни шёпоты, то с чёртом хлопоты. Ещё он сказал, что недурно бы поиграть с Эхом, пока тому не надоест повторять каждое слово. Анечке-Невеличке сразу захотелось узнать, сможет ли Эхо повторить целое стихотворение, и

Соломенный Губерт взялся это проверить. Эхо исправно всё повторяло, и получилось вот что:

Жил-был один Король,
 Король, пугливый столь,
 Что не было персон
 Пугливее, чем он.
 За шахматной доской
 Он трясся день-деньской,
 Боясь, что верный мат
 Таит любой квадрат.
 Король терпел урон —
 Лишился пешек он.
 Потом в честном бою
 Он потерял ладью.
 А потеряв ладью,
 Сказал второй — «адыю!»,
 Поскольку и она
 Была обречена.
 Напрасно вы, слоны,
 На битву высланы,—
 Король теряет в ней
 Ещё и двух коней.
 Впредь, королева, вы —
 Не королева вы!
 И ты уж не король,
 Король, пугливый столь!

Жил-был один Король,
 Король, пугливый столь,
 Что не было персон
 Пугливее, чем он.
 За шахматной доской
 Он трясся день-деньской,
 Боясь, что верный мат
 Таит любой квадрат.
 Король терпел урон —
 Лишился пешек он.
 Потом в честном бою
 Он потерял ладью.
 А потеряв ладью,
 Сказал второй — «адыю!»,
 Поскольку и она
 Была обречена.
 Напрасно вы, слоны,
 На битву высланы,—
 Король теряет в ней
 Ещё и двух коней.
 Впредь, королева, вы —
 Не королева вы!
 И ты уж не король,
 Король, пугливый столь!

Анечке-Невеличке понравилось, как Эхо повторяло за Соломенным Губертом каждую строчку, и она тоже стала говорить стихотворение, а Эхо снова усердно вторило:

Жил-был один звонарь,	Жил-был один звонарь,
Он просо прятал в ларь,	Он просо прятал в ларь,
А там сиделамышь	А там сиделамышь
И ела с маслом шиш;	И ела с маслом шиш;
От удивленьямышь	От удивленьямышь
Себе сказала «кыш!»	Себе сказала «кыш!»
И стала в выходной	И стала в выходной
Коровою одной;	Коровою одной;
Коровой? Почему?	Коровой? Почему?
А потому что — м-му-у!	А потому что — м-му-у!

А будет ли Эхо себя бранить? — поинтересовался Соломенный Губерт и крикнул:—Эхо — дурья башка!

«Эхо — дурья башка!» — сказала Эхо. Анечке-Невеличке тоже захотелось проверить терпение Эха.

— Эхо — абрикосовый кнедлик! — крикнула она. «Эхо — абрикосовый кнедлик!» — послушно крикнуло Эхо.

Тогда, чтобы Эхо не обиделось, Анечка громко сказала, что Эхо — послушная девочка, и Эхо согласилось, что оно — послушная девочка.

Вдруг стоявшая посреди двора Карета ни с того ни с сего поехала и стала ездить **ВОКРУГ ДА ОКОЛО**.

— С чего это она? Да как быстро! Даже колёс не сосчитать! — удивилась Анечка.

Соломенный Губерт не мешкая кинулся считать колёса.

— Сосчитал! — крикнул он, запыхавшись. — У неё на одно колесо меньше, чем надо! Всего три. Значит, где-то должно быть колесико, как ни вертись!

— А если его нету, как ни вертись?

— Тогда мы его найдём?

— Где же его искать?

— По всему Замку! — уверенно сказал Соломенный Губерт.

Едва он это сказал, Карета перестала ездить и остановилась.

— Видали? — воскликнул Соломенный Губерт. — Она обрадовалась, что мы будем искать четвертое колесо! Пойдёмте-ка для начала вон в ту дверь!

И Анечка-Невеличка с Соломенным Губертом пошли вон в ту дверь.

Что за ней оказалось? Что же за ней оказалось?

Глава *в которой*
сорок *Соломенный Губерт*
вторая, *с Анечкой-Невеличкой*
ищут четвёртое колесо

ЗА ДВЕРЬЮ ОКАЗАЛАСЬ КОМНАТА, а в комнате не оказалось ничего, кроме двух скамеек, перед которыми стояло нечто странное. Соломенный Губерт решил было, что это какой-то неведомый зверь, однако Анечка-Невеличка назвала странный предмет Разувайкой.

— А для чего она? — спросил Соломенный Губерт.

— Чтобы разуваться! — сказала Анечка-Невеличка.

— Придётся разуться — на нас сапожки! — сказал Соломенный Губерт. — Мы же в приличном доме и можем наследить!

Он упёр в Разувайку сперва один, потом другой сапожок, и Разувайка тут же разула его. Потом Разувайка так же ловко разула и Анечку.

Едва с разуванием было покончено, сапожки — до колена, не выше — построились парно и куда-то пошли.

— Опять ходят! Хотя бы мы к полу не прилепились! — испугалась Анечка.

— Пошли за ними! А то уйдут! — сказал Соломенный Губерт.

Они последовали за сапожками, и те привели их к каким-то дверям с надписью «ЛАБИРИНТ».

— Кажется, вы потеряете меня! В Лабиринте легко заблудиться, — сказал Соломенный Губерт.

— Может, не входить? — испугалась Анечка, но двери отворились, и за ними в полумраке послышался приятный голос, пропевший следующее:

В Таинственном Замке
Шкатулку найдёшь,
Волшебную Дудку
В шкатулке возьмишь,
Дудеть в неё будешь —
Русалку пробудишь!

— Вы когда-нибудь видели Русалку? — спросила Анечка.

— Никогда! А если Русалка такое же злое существо, как Сирены, я вообще предпочёл бы с ней не знакомиться!

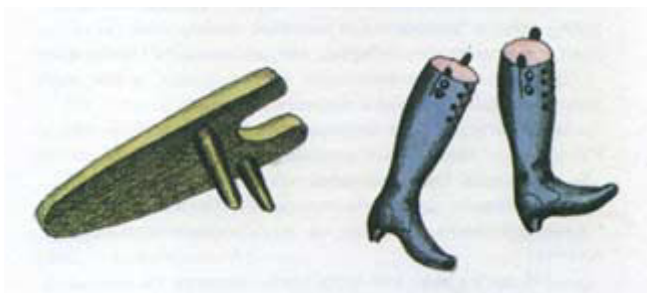
Анечке, наоборот, очень захотелось познакомиться с Русалкой, и поэтому, когда обе пары сапожков зашагали туда, откуда доносился приятный голос, она, взяв за руку Соломенного Губерта, смело вошла в Лабиринт.

Двери позади моментально захлопнулись, и оба очутились в непроницаемой темноте.

— Видите, что вы натворили, вздумав знакомиться с Русалкой! — сказал Соломенный Губерт.

— Но ведь это вы первый захотели в Лабиринт.

— Откуда я мог знать, что в нём Русалка?

— Держитесь за меня, а то потеряемся! — сказала Анечка.

— Я не из тех, кто теряется! — ответил Соломенный Губерт и крикнул: — Если сейчас же не станет светло, я вызову темноту на единоборство!

В ту же секунду разлился такой ослепительный свет, что Соломенный Губерт даже прищурился. Анечка-Невеличка — та просто испугалась и закрыла глаза.

И все Соломенные Губерты стали ходить **ВОКРУГ ДА ОКОЛО** Анечек, жалобно глядевших одна на другую. При этом Соломенные Губерты гордо распевали:

Я малыш, вы говорите?
Вы на мускулы взгляните!

Ать-два! Станьте в строй!
Шире шаг! Рота, стой!

Слабый я, вы говорите?
Да от страха не помрите!

Ать-два! Станьте в строй!
Шире шаг! Рота, стой!

Глупый я, вы говорите?
И утопнете в корыте!

Ать-два! Станьте в строй!
Шире шаг! Рота, стой!

Что хотите говорите —
«Караул» не заорите!

Ать-два! Станьте в строй!
Шире шаг! Рота, стой!

Распевая, Соломенные Губерты становились в строй, останавливались на месте как вкопанные и опять шли вперёд, пока вдруг все куда-то не подевались. А когда они куда-то подевались, исчез и тот, который любил поговаривать «Я бы этого никому не советовал!» и всех вызывать на единоборство.

Как стало страшно! Анечки-Невелички остались совсем одни! Не зная, что делать, они всплескивали руками и горько причитали:

Горе нам, горе нам,
Не поверили мы вам,
Милые дружочки,
Кошки и щеночки!

Малые мы деточки,
Глупые мы девочки,
Беспонятливые клушки,
Помогите нам, лягушки!

Прыг-скок! За порог!
Эта выйди вон!

С последними словами грустной считалки Анечка-Невеличка указала на одну из бесчисленных Анечек. Та указала в свою очередь на неё, а все остальные стали указывать друг на дружку. Но так как все в конце концов указали на Анечку-Невеличку, она прыгнула — прыг-скок! — за порог, — и все Анечки вмиг куда-то подевались, а сама Анечка-Невеличка оказалась на красивой галерее рядом с Соломенным Губертом, который просто за бока хватался от смеха.

Над чем же он смеялся? Над чем он так смеялся?

Смеялся Соломенный Губерт над Мартышкой, которая сидела в большом кресле и что-то вышивала. Мартышка глядела то на иголку, то на нитку, не зная, вдеть ли ей нитку в иголку или иголку в нитку, пока наконец не разобралась и не вдела нитку в иголку. Стоило ей, однако, сделать стежок, как нитка выскочила из ушка, и Мартышка снова стала соображать, вдеть ли ей нитку в иголку или иголку в нитку.

Она так была увлечена, что не заметила Соломенного Губерта, хотя тот просто за бока хватался от смеха. Не заметила она и Анечку, когда Анечка появилась на галерее.

Между тем Соломенный Губерт встал перед Мартышкой, положил себе на голову пятак, приподнял его, будто шляпу, глубоко поклонился и сказал:

— Спокойной ночи!

Сказал он так потому, что Мартышка начала было подрёмывать над своим рукодельем.

Услыхав, что над ней смеются, она вытаращила глаза, скорчила рожу и замахнулась на Соломенного Губерта кулачком, в котором блеснула иголка.

Тот отступил на шаг, снова поклонился и сказал:

— Простите, что до сих пор не представился! Я — Соломенный Губерт.

Мартышка грозно осклабилась и погрозила лапкой, словно желая прогнать Соломенного Губерта с галереи. Он, однако, не обиделся, взял за руку Анечку-Невеличку и учтиво продолжал:

— А это, с вашего позволения, Анечка-Невеличка! Мартышка надменно прищурилась и взглянула на Анечку, после чего и ей пригрозила лапкой.

— Вы, Мартышка, полагаете, что можете безнаказанно нам угрожать? — заявил Соломенный Губерт. — Что ж, тогда я немедленно вызываю вас на единоборство.

От удивления Мартышка разинула рот и выронила вышивание. Соломенный Губерт ловко схватил его и развернул. А развернув, даже присвистнул, как присвистывали Маленькие Негритята.

— Угадайте, что она вышивала!

— Флажок! Это видно! — сказала Анечка-Невеличка.

— А на флажке что?

— Цветочки?

— Какие там цветочки!

— Сердечки?

— Какие там сердечки!

— Обезьянки?

— Какие там обезьянки!

— Тогда сдаюсь! Сами скажите!

— Она вышивала страшную надпись, которая всё объясняет! — сказал Соломенный Губерт и прочитал:

— Страшиле?

— Ну да, Страшиле! Не верите — можете сами прочесть!

И Анечка прочитала по складам:

— СТРА-ШИ-ЛЕ К И-МЕ-НИ-НАМ!

— Интересно бы взглянуть на этого Страшилу! — сказал Соломенный Губерт не столько Анечке, сколько Мартышке. — Вы должны представить нас ему!

Мартышка только хихикнула и принялась скалить зубы то на Анечку, то на Соломенного Губерта.

— Или вы будете говорить, или на вас найдётся управа! — сказал Соломенный Губерт.

— Какая управа? — в страхе спросила Анечка.

— Есть одно заклинание! — И Соломенный Губерт зловеще произнёс:

Я колдую-ю-ю!
В ус не дую-ю-ю!

Мартышка сразу же перестала скалить зубы и съёжилась.

— Подействовало на вас заклинание? — строго спросил Соломенный Губерт, и Мартышка, свесив голову, кивнула.

Тогда Соломенный Губерт спросил ещё строже:

— А где колесико?

Мартышка сперва растерялась, но потом стала шарить по креслу и неохотно протянула Соломенному Губерту маленькое колесико от часов.

— Я же знал, что здесь должно быть колесо!

— Однако вы не знали, что оно от часов, — сказала Анечка.

— Неважно! Важно, что колесо есть, как ни вертись! — И Соломенный Губерт обратился к Мартышке: — Сейчас вы представите нас Страшиле! Только не пытайтесь удрать! Я бы этого никому не советовал! Ведите же нас! — приказал он.

И Мартышка их повела.

Куда повела? Куда она их повела?

Глава *в которой*
сорок *Мартышка*
третья, *ведёт Соломенного Губерта*
 и Анечку-Невеличку

МАРТЫШКА ВЕЛА СОЛОМЕННОГО Губерта и Анечку-Невеличку по узкому коридору, в конце которого винтовая лестница поднималась в какую-то круглую башню.

И странная же была эта башня! В стенах её оказалось множество маленьких круглых окошек, и под каждым стояло по сундучку.

Завидев первый, Анечка решила, что это и есть заветная шкатулка, где спрятана Дудка, однако Соломенный Губерт сказал:

— Ладно уж, прочту вам, что в сундучке. И прочёл:

ВОТ ЧТО ЕСТ СТРАШИЛА ЗДЕШНИХ МЕСТ

— Жаль, сундучок заперт! — посетовала Анечка.

— Так и быть, отопру вам его, — сказал Соломенный Губерт и прошептал над сундучком своё заклинание.

Тот щёлкнул, отворился, и из него стало так порошить чем-то, похожим на пыль, что Соломенному Губерту, Анечке и Мартышке все глаза запорошило.

— Ну и ну! Страшила пыль ест! — протирая глаза, сказал Соломенный Губерт. — Он, вероятно, просто недотёпа, если порошок питается! Ведите нас лучшеко второму сундучку! — приказал Соломенный Губерт Мартышке и запел:

У Страшилы
Мало силы —
Он слабее всех Страшил!
Он нас очень насмешил —
Всем глаза запорошил!

На втором сундучке было написано:

МАЛЕНЬКИЕ СТРАШИЛЬНЫЕ АНГЕЛЫ

Из него не порошило — в нём летали лёгкие снежные хлопья и так сверкали, и так блестели, что Анечка приняла было их за маленькие шёлковые платица. Летающий снег просто заморозил Анечку, и она запела:

Хлопья, хлопья, снежный пух!
Может, вы из белых мух?
Я глядеть на вас люблю,
Бабу я из вас слеплю.
Реют мухи, небо звёздно,
Зябко на дворе и поздно.
Хлопья, хлопья, прилетайте
И, пожалуйста, не тайте!

Когда Анечка допела, по Мартышкиной щеке покатила слеза. Мартышка утёрла слезу вышитым флажком и заковыляла к третьему сундучку, на котором виднелась надпись:

УРАГАН

Соломенный Губерт, без труда отперев и этот сундучок, сразу же его захлопнул. В сундучке так дуло, выло, свистело и грохотало, что Соломенный Губерт не слышал даже собственного голоса, Мартышка же задрожала и заторопилась дальше.

В конце концов все трое очутились на верхушке башни. Тут Мартышка вскарабкалась к самому высокому окошку, просунула в окошко флажок и привязала его к полосатому шесту. Флажок сразу же зареял и стал трепетать в воздухе, точно язык пламени.

— Ну хорошо! — сказал Соломенный Губерт. — Хоть вы, Мартышка, и повесили флажок, однако Страшилу мы пока не видели. Я не желаю больше видеть ни еду для Страшилы, ни Маленьких Страшных Ангелов, ни Ураган! Учтите — со мной шутки плохи! Я желаю видеть Страшилу, и всё тут!

Это было сказано таким строгим тоном, что Мартышка завизжала, съёжилась, и шерсть на ней встала дыбом. В тот же момент раздался оглушительный грохот.

Все окошки сразу же распахнулись, все сундучки раскрылись, и началось невообразимое!

— Что вы натворили, что вы опять натворили?! — воскликнула Анечка-Невеличка и тоже съёжилась, потому что вокруг происходило что-то ужасное: выла вьюга, в глаза Анечке летела пыль, в лицо — снег, и всю её хлестало дождём.

Между тем Соломенный Губерт, который хоть и съёжился, но при этом не переставал украдкой наблюдать за происходящим, крикнул: — Страшила летит к нам с башни!

Действительно, с верхушки башни, рокоча и гроыхая, что-то летело. Было оно то словно туча, то словно большая надувная кукла, то словно кусок брезента.

— Бежим! — шепнула Анечка и пустилась наутёк.

— Стойте! — крикнул Соломенный Губерт. — Стойте, Мартышка!

— За что вы меня так? — крикнула на бегу Анечка.

— Я не вам! Я Мартышке! Если она удерёт, как удрали сапожки, мы останемся без проводника!

Но Мартышка была уже довольно далеко, и Соломенный Губерт тоже бросился бежать, однако не от Страшилы, а вдогонку за Мартышкой.

Это был удивительный бег! Впереди неслась Мартышка, за ней мчалась Анечка-Невеличка, а за ними мчал Соломенный Губерт.

Вообще-то Мартышка не бежала, а катилась кубарем, Анечка тоже не бежала, а летела, потому что стоило ей сделать несколько быстрых шагов, как платье её надулось, и она взлетела в воздух. Соломенный Губерт между тем тоже не бежал, а летел, и случилось это вот как.

Он хотел столкнуться со Страшилой лицом к лицу и всё время оглядывался. Однако лица у Страшилы не оказалось. Страшила всё время менялся и колыхался! То он был как туча, то как брезент, то как надувная кукла, но лицо своё не показывал! В конце концов он пронёсся над Соломенным Губертом и быстро стал набирать высоту. Соломенный Губерт однако успел ухватиться за его угол, и Страшила, сорвав Соломенного Губерта с места, потащил его за собой.

Они летели так быстро, что обогнали не только Анечку-Невеличку, но даже Мартышку.

На лету Соломенный Губерт врезался в какие-то двери. Двери распахнулись, и Соломенный Губерт вылетел на замковый двор. Первое, что он увидел, была Карета, безостановочно ездившая **ВОКРУГ ДА ОКОЛО**.

Страшила с прицепившимся Соломенным Губертом тоже стал летать **ВОКРУГ ДА ОКОЛО**. Пока они летали, Анечка приземлилась, да так мягко, что даже не поцарапалась. А приземлившись, обнаружила, что держит в руках какую-то шкатулку.

Как же эта шкатулка попала к ней? Наверно, взлетая с лестницы, Анечка хваталась за всё, что попадалось под руку, и таким образом сорвала шкатулку со стены. Иначе и быть не могло!

А раз не могло быть иначе, вероятно, так оно и было!

Анечка внимательно оглядела шкатулку, нашла маленький замочек, быстро отперла его и ужасно обрадовалась.

В шкатулке оказалась Дудка!

Не теряя ни секунды, Анечка задудела.

Что случилось, когда она задудела?

Что же случилось?

Глава *в которой*
сорок *рассказывается,*
четвёртая, *что случилось,*
когда Анечка-Невеличка
задудела на Дудке

КОГДА АНЕЧКА ЗАДУДЕЛА, КАРЕТА перестала ездить и послушно остановилась. Страшила с прицепившимся Соломенным Губертом перестал летать и начал медленно снижаться. Возле самой земли Соломенный Губерт отпустил Страшилу и мягко приземлился. Вслед приземлился и Страшила, странно распластавшись по двору. И сразу стало ясно, что это не Страшила, а та самая Парусина, на которую упали Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт, перемахнув в Седле через Стену.

Седло теперь лежало на Парусине, и Мартышка, которая, услышав Дудку, замерла на месте, уселась в него.

Откуда ни возьмись, выскочила из дверей Разувайка и встала позади Мартышки. Потом появились обе пары сапожков и встали позади Разувайки. Наконец отворилось какое-то окошко, из которого выпрыгнуло что-то вроде мячика и плюхнулось прямо Анечке на колени.

От неожиданности Анечка зажмурилась, а Соломенный Губерт весело воскликнул:

— Ура! Вам лягушка на колени прыгнула! Сами же причитали в Лабиринте: «Помогите нам, лягушки!» Сейчас она вам поможет!

— Не пугайте меня!

— Да вы сами не пугайтесь! Поглядите на неё, она же не страшная!

Анечка-Невеличка расхрабрилась и поглядела. На коленях у неё действительно сидела красивая зелёная Лягушка и не сводила с Анечки глаз.

— Да ведь это Русалка! — радостно воскликнула Анечка.

— Не Русалка, а Древесная Лягушка!

— Пускай Древесная Лягушка! Всё равно Русалка! Я ведь задудела на Дудке, вот она и появилась!

— В таком случае, может быть, я Русалка? — спросил Соломенный Губерт и принялся смеяться.

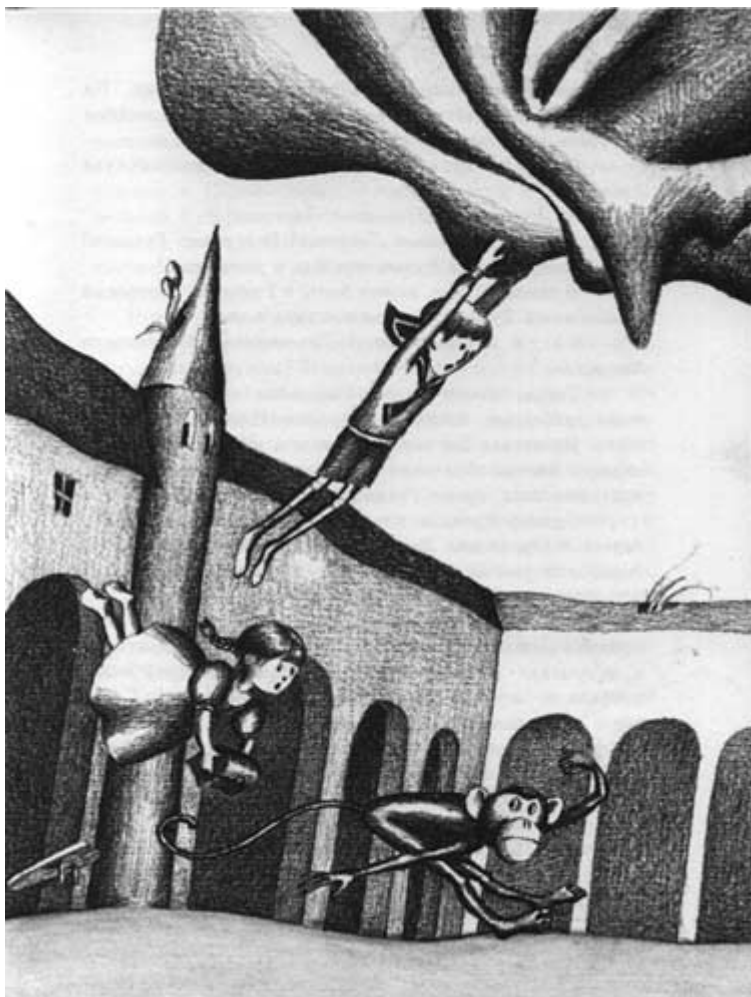
— Вы уж наверняка нет! — рассердившись, сказала Анечка.

— Тогда, может быть, Разувайка — Русалка? Она тоже прибежала, когда вы задудели. Или сапожки?

— Древесная Лягушка — Русалка, и больше никто! — сказала Анечка и ласково улыбнулась Лягушке. — Таких красивых глаз, кроме Русалки, ни у кого нет!

— Однако Русалки поют! — сказал Соломенный Губерт. — А Древесная Лягушка — безвестная погремушка! Даже полоумный Попугай в Зоологическом Саду был согласен с этим!

Вдруг Лягушка, к удивлению Соломенного Губерта, приятно запела. Едва она запела, Разувайка подпрыгнула и запрыгала по-лягушачьи. Обе пары сапожков тоже запрыгали, и тоже по-лягушачьи. Мартышка и Седло тоже запрыгали на лягушачий манер. И

Соломенный Губерт, хотел он этого или не хотел, запрыгал вместе со всеми. И Анечка-Невеличка с Лягушкой в руках — тоже.

Прыгая по-лягушачьи, все поскакали куда-то.

Анечка-Невеличка оглянулась — вслед за ней скакала Парусина, за Парусиной Карета, причём тоже по-лягушачьи — всеми колёсами сразу.

Дружно и гуськом скакали все по двору Замка и вдруг доскакали не то к морю, не то к пруду, а когда доскакали, случилось ужасное событие!

Разувайка — прыг! — исчезла в воде. Обе пары сапожков и Седло — прыг! — тоже исчезли в воде. Соломенный Губерт — прыг! — тоже исчез в воде. И Анечка исчезла, но прежде успела оглянуться и увидела, как сперва Парусина, а за Парусиной Карета — прыг! — тоже кинулись в воду.

Потом Анечка видела только зелёную воду и слышала только приглушённое Лягушкино пение. Куда же девалась сама Лягушка? Может быть, Анечка всё ещё держала её в руках? Нет, этого не могло быть, потому что руками Анечка-Невеличка шлёпала по воде. Анечку тянуло на дно, и она испугалась было, что не хватит воздуха, как вдруг увидела перед собой маленькое распахнутое окошко и проплыла в него. Окошко сразу захлопнулось, и Анечка всплыла в красивую зелёную комнату. Пока она разглядывала сквозь зелёную воду эту самую комнату, вода начала опускаться, опускаться, опустилась совсем, и Анечка оказалась на сухом полу.

В тот же момент кто-то сказал приятным голосом:

— Затапливайте скорее, Тётя, чтобы всё побыстрее высохло и чтобы стало тепло!

Анечка-Невеличка оглянулась и увидела молодую даму. Ох какая красивая была эта дама и какая странная! Вся-вся зелёная — в зелёном платье, с зелёными волосами и с такими

красивыми глазами, что у Анечки от радости забилося сердце, ведь точно такие же глаза были у маленькой Лягушки!

Но кто была Тётя этой красивой дамы, и действительно ли она собиралась затопить печку? Анечка решила это выяснить и украдкой оглянулась.

Возле печки стояла одетая в мохнатое платье некрасивая старая дама. Она так гримасничала, что Анечке сразу же вспомнилась Мартышка за вышиванием. Да-да, некрасивая дама в мохнатом платье была вылитая Мартышка!

— Где это я? — спросила Анечка-Невеличка сама себя.

И красивая зелёная дама ответила ей приятным нежным голосом:

— Вы у меня, дитя моё! У Русалки!

— Я так и думала, что вы — Русалка! — сказала Анечка-Невеличка. — У вас такие прекрасные глаза!

— Я тебе нравлюсь?

— Очень!

— Но я же зелёная!

— Это и красиво! Будь вы белая, было бы не так красиво!

— Что ж, я рада, что нравлюсь тебе! А моя Тётя тебе нравится? У меня очень-очень добрая Тётя!

Анечка не знала, что и ответить. Тётя, весело смеясь, поглядела на неё, но вдруг распахнулись двери и вошёл Соломенный Губерт. Волосы лезли ему в глаза, с них стекала вода, и вообще он был в таком виде, что Анечка даже засмеялась.

Как же удивился Соломенный Губерт, увидев зелёную комнату, Анечку-Невеличку, Русалку и Тётю! Он не мог произнести ни слова — где там! — даже улыбнуться. Поэтому он невежливо насутился, кое-как привёл в порядок свою причёску и стал хмуриться, как бука.

— Мне кажется, что вы не очень воспитаны, — сказала Анечка.

— Что кажется, то сон! — огрызнулся Соломенный Губерт.

— Это не сон. Мы на самом деле в гостях у Русалки.

— Я не в гостях. Меня никто не звал.

— Входи же, входи, малыш! — поспешила сказать Русалка.

Услышав слово «малыш», Соломенный Губерт ещё больше нахмурился.

— Ах какая я рассеянная! Собираюсь предложить тебе сесть, а сесть не на что. Тётя, принесите, пожалуйста, креслице! — продолжала Русалка.

Тётя отворила какую-то дверь, видимо в чулан, пошарила там рукой и отскочила.

— Этот бесстыдник Электрический Скот развалился в кресле! Я дотронулась до него, и меня ударило током! — захныкала она, гримасничая, словно Мартышка, и дую на палец.

— У Скота, вероятно, перегорели пробки. Надо бы их сменить, иначе мы не сможем включить свет, — сказала Русалка.

Услышав о пробках, Соломенный Губерт, который начал было передразнивать Тётю, оставил свои намерения и живо заглянул в чулан, но ничего не смог там разглядеть.

Русалка протянула в темноту руку, вспыхнул яркий свет, и Соломенный Губерт увидел в креслице странное существо, с виду похожее на черепаху. Это и был Скат. Соломенный Губерт долго-долго разглядывал Ската и наконец спросил, можно ли его подержать.

— Конечно, — сказала Русалка. — Раз я поменяла пробки, Скат больше не ударит током.

Соломенный Губерт схватил Ската, подержал его немного и положил в нишу, с виду похожую на нишу для электрического счётчика.

Затем он закрыл приделанную к нише дверцу, и Русалка сказала, что он — сообразительный, что он всё подмечает и что из него выйдет толк. Соломенный Губерт был очень польщён, и Анечка-Невеличка обрадовалась, что он больше не хмурится.

Положив Ската на место, Соломенный Губерт принёс из чулана два креслица, а потом сходил ещё за двумя.

Тётя больше не дула на палец и, пока Соломенный Губерт носил креслица, весело приговаривала, что наконец-то у неё появился помощник.

— Ну что ж, теперь всё на своих местах, кроме арфы, — сказала Русалка. Тётя засуетилась, принялась сетовать на свою забывчивость, отворила окошко, сквозь которое недавно вплыла Анечка, и в комнату хлынула струя воды, на которой приплыла Разувайка. Тётя сразу же захлопнула окошко и сказала, что раз печка затоплена, вода скоро высохнет.

— Разве это арфа? Это же Разувайка! — сказал Соломенный Губерт. — Однако на ней можно играть, поэтому я и называю её арфой! Хочешь, сыграй! — приветливо сказала Русалка.

Соломенный Губерт схватил Разувайку и стал играть. Анечка просто диву давалась, где это он так научился играть на Разувайке.

— Вы играете, словно вам море по колено, — сказала она.

— А разве не так? — спросил Соломенный Губерт и, продолжая играть, запел:

Море, не озорничай,
Станешь смиренным, словно чай
В чайной ложке!

Стоит печку затопить —
Ты не сможешь затопить
Даже мошки!

Если в комнате тепло,
Не беда, что натекло
Сквозь окошки!

Раз в печи горит полено,
Значит, море по колено,
Как сапожки!

Тётя, услышав последние слова, бросилась к окну поглядеть, по колено ли вода, а поглядев, сказала с облегчением, что вода снаружи обычной глубины.

— Это хорошо. Значит, гости приплывут без затруднений, — заметила Русалка.

«Какие же гости приплывут?» — подумал Соломенный Губерт.

Какие же гости приплыли?

Глава *в которой*
сорок *говорится,*
пятая, *кто были гости*

АНЕЧКА-НЕВЕЛИЧКА НЕ РЕШАЛАСЬ спросить Русалку, кого они с Тётей ждут в гости. Соломенный Губерт тоже не решался. Впрочем, его не столько интересовали гости, сколько ему хотелось узнать, кто же такой, собственно говоря, Страшила. Вот почему, услышав о гостях, Соломенный Губерт спросил:

— Надеюсь, они не Страшили?

Русалка так побледнела, что из зелёной превратилась в белую, а Тётя так принялась гримасничать, что Анечка-Невеличка забеспокоилась, как бы эта милая дама не превратилась опять в Мартышку.

Постепенно к Русалке снова вернулся красивый зелёный цвет, и она, вздохнув, сказала:

— Ты напомнил мне, малыш, об ужасных вещах. Попасть в лапы Страшилы — это, знаешь ли, неприятно.

— Значит, у Страшилы есть лапы? — воскликнул Соломенный Губерт. — Неужто он Змей О Трёх Головах?

— По-моему, даже пострашней,— сказала Русалка.

— Что может быть страшнее?

— Ветер! Ветер страшнее Змея О Трёх Головах!

— Ветер? Да у него и одной-то головы нету!

— Твоя правда, малыш. У Ветра не только головы, у него даже никакого облика нет. Но какой он страшный! Ухитряется проскользнуть в каждую щёлочку и большой мастер притворяться. Иногда прикинется кротким, и хочется с ним поиграть, а он разъярится и всё сметёт! Чего только я не пережила, пока меня не вызволила Дудка. А сколько горя хлебнула моя милая Тётя! Правда, Тётя?

— Ох, не вспоминай! — сказала Тётя и тут же начала вспоминать: — Сама-то я много натерпелась с тех пор, как меня ещё девочкой Водяной уволок под воду и запер в чулане. Кто говорит, что Водяной не уволок меня на дно? То-то и оно-то! Я, помню, купалась, а Водяной хватить меня за ногу, и всё! «Никаких отговорок, будешь мне прислуживать!» — сказал он, и пришлось ему прислуживать. Ох как мне бывало грустно, помнишь Русалка? Но ты этого не можешь помнить. Тебя тогда и на свете не было! Водяной принёс Русалку, когда я была такая же взрослая, как теперь Русалка. До чего же она была хорошенькая! Бельенкая, точно облако над водой. Зеленеть ты начала, Русалка, только на третьем году. Кто говорит, что это не так? То-то и оно-то!

Стала я нянчить Русалку, и стало мне повеселей! Нянчу её, бывало, и песенки пою. Помнишь, Русалка, вот эту:

В лесочке глупый пёс
Без мамы-папы рос;
Слонялся он все дни,
Обнюхивая пни,
И заплутал в овсе,

Как псы почти что все;
Глядь — а навстречу пан:
У пана — марципан.
И вот, за полкусочка,
На глупом псе — цепочка.
Шитьё пошло — не рай:
Гав-гав! — и не гуляй.
И, как все модники,
Носи намордники!

Если мне память не изменяет, жили мы с Русалкой в этом вот самом домике и беды не знали. Была Русалка ужас какая непоседливая и очень любопытная. Особенно разбирало её любопытство, когда, поглядев в окошко, она замечала над водой Коромысло. Кто говорит, что Коромыслами не называются зелёные или голубые стрекозки? То-то и оно-то!

Привыкли мы с Русалкой друг к другу, и было нам хорошо, пока Водяного не одурачил Ветер, а люди не посадили в каталажку.

Случилось оно вот как.

Водяной любил мастерить дудки из ивовых прутьев. Срежет прут, сделает дудку и сразу выбросит, потом другую, третью — и ни одна ему не нравилась. Так в конце концов срезал он все прутья на окрестных ивах. Очень это Ветру пришлось не по вкусу! Ветер, видите ли, не мог теперь посвистывать в ивовых прутьях и поклялся отомстить Водяному. И вот однажды, когда, положив рядом с собой пиджачок, мастерил Водяной очередную Дудку, Ветер подкрался и унёс пиджачок во двор богатого крестьянина. Водяной — раз! — и через забор за своим пиджачком.

Залаял пёс, выбежал хозяин, схватил Водяного за полу и велел упрятать в каталажку. Однако Водяной успел бросить Дудку в воду и громко, чтобы я услышала, крикнул:

Кто придёт, в неё подует, Тот Русалку расколдует!

Я услышала, запомнила, спрятала Дудку в шкатулку и стала всегда носить шкатулку с собой.

Шло время. Русалка становилась милевиднее и непоседливее. Целые дни глядела она на Коромысло, летавшее над водой, и всё уговаривала меня выплыть из домика и полюбоваться Коромыслом вблизи.

Где Коромысло,
Там лихо повисло! —

повторяла я Русалке, чтобы припугнуть её. А Русалка нет и нет!

Однажды, когда я меняла пробки Скату, Русалка отворила окошко и без спросу поплыла к поверхности, чтобы полюбоваться Коромыслом. Что мне, бедной, оставалось делать? Поплыла и я за нею, впопыхах надев наизнанку первое, что попало под руку, — тулупчик. Ещё прихватила я шкатулку с Дудкой да маленький кнутик — постегать Русалку за самовольничанье.

Доплыла Русалка до берега, выскочила из воды, а я вдогонку! Но тут произошло ужасное событие! Налетел Ветер, началась метель, и так похолодало, что вода — вы только представьте себе! — замёрзла, так что мы с Русалкой теперь не могли вернуться в наш уютный домик. От холода и страха Русалка вся съёжилась, потом стала уменьшаться и вдруг превратилась в маленькую Древесную Лягушку! А что такое Древесная Лягушка? — Бездонная погремушка! — хором сказали Соломенный Губерт с Анечкой-Невеличкой.

— То-то и оно-то! Именно безвестная погремушка! Сама-то я, как надела впопыхах тулупчик наизнанку, так и ходила в нём. И тоже ёжилась от холода да морщилась от Ветра, дувшего прямо в лицо, пока не превратилась... Однако об этом после!

Если мне память не изменяет, долго мы потом скитались, пока не добрались до Таинственного Замка, где, кроме Кареты и Разувайки, не было ни души. Русалку-Лягушку я сразу уложила спать, а сама решила пройтись по Замку и осмотреться. Все двери передо мной отворялись сами. Это Ветер — хозяин Замка назло Водяному отворял их и заманивал меня в Зеркальный Лабиринт.

Вошла я в Лабиринт и чуть не умерла от ужаса. Со всех сторон на меня уставились тысячи одинаковых Мартышек. Они повторяли за мной каждое движение, и я вдруг поняла, что все Мартышки — просто моё отражение, потому что в Мартышку превратилась я сама.

А произошло это вот как.

Тулупчик примёрз ко мне, а кнутик, которым я собиралась постегать непослушную Русалку, примёрз к тулупчику и превратился в обезьяний хвост. Оттого же, что я всё время морщилась да ёжилась от вьюги и стужи, лицо моё сделалось точь-в-точь обезьянье!

И стала я Мартышкой... И хотя на душе у меня было скверно, я только и думала, как спасти Русалку. И придумала. Повесила на стену шкатулку с Дудкой и стала ждать того, кто придёт и задудит в неё. Но никто не приходил, и хорошо, что не приходил, потому что Ветер, оказавшись он дома, сразу бы сбил с ног любого.

Когда пришли вы, я сразу решила, что будет ужасно, если Ветер сойдёт вас с ног, и придумала хитрость.

Кто говорит, что я не придумала хитрость? То-то и оно-то! Придумала я вышить Ветру к именинам флажок и, хоть на минутку, выставить Ветер из дому. Он обожает играть флажками, причём, когда заиграется, забывает всё на свете!

Услыхав в Лабиринте ваши голоса, я, хоть давно и не пела, запела. Запела я то, что вы слышали:

В Таинственном Замке
Шкатулку найдёшь,
Волшебную Дудку
В шкатулке возьмёшь,
Дудеть в неё будешь —
Русалку пробудишь!

Что было дальше, вы знаете сами... На этом Тётя закончила свой рассказ, и Соломенный Губерт спросил:

— Почему же вы злились, когда мы вежливо представились?

— Чтобы испугать вас и чтобы вы хорошенько спрятались. Я боялась, что Ветер заметит вас прежде, чем я повешу флажок.

— Однако Ветер не дал выставить себя из дому, — продолжал Соломенный Губерт.

— Ты же сам его позвал. Счастье ещё, что задудела Дудка, а то бы от страха я убежала из Замка и никогда больше не увидела бы мою дорогую Русалку.

— Когда вы потерялись, вы были маленькая, а теперь вы взрослая красивая дама, — сказала Анечка Русалке.

Та улыбнулась и ответила:

— Я пятнадцать лет была в плену и повзрослела за это время. Пока я была Лягушкой, шли годы, и, превратившись опять в Русалку, я оказалась взрослой!

Тут вдруг Тётя объявила, что плывут гости, и предложила поглядеть на них в окошко. Соломенный Губерт и Анечка-Невеличка поглядели и, увидев Карету, полную гостей, сказали:

— Так ведь это наши милые Рыбушмены!

И правда, это были Рыбушмены.

Глава *в которой*
сорок *наконец-то выяснится*
шестая, *всё про колесико*

ПОДЛОЖИТЕ ДРОВ, ТЁТЯ! — сказала Русалка. — А вы не бойтесь, милые дети!

— А мы не боимся. Ведь Рыбушмены наши старые знакомые, — сказала Анечка-Невеличка.

— Я про другое. Я предупредила, чтобы вы не пугались, когда в комнату хлынет вода. Гостям ведь надо отворить двери настежь.

— Можно, я отворю двери настежь? — предложил Соломенный Губерт.

— Это будет очень мило с твоей стороны, — сказала Русалка.

Вообще-то когда Соломенный Губерт отворил двери, хлынуло не так уж много воды, потому что два Рыбушмена, самые сильные, пока входили остальные, боролись с волнами и не пропустили ни одной.

— Приветствуем вас, Рыбушмены! — воскликнула Тётя, а с ней вместе Русалка, Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт.

— Благодарим! Благодарим! — ответили Рыбушмены. Они страхнули с себя воду и сказали:

— Желаем Русалке здоровья, счастья и хорошего настроения!

— Спасибо вам, дорогие! Узнаёте ли вы меня? Мы ведь столько лет не виделись!

— А мы нет-нет и вспоминали вас и ужасно огорчились, когда узнали, что вы в плену! — сказали Рыбушмены.

— А я думала, вы меня забудете...

— Как можно! — крикнули все, как один человек.

— Ну тогда рассаживайтесь поудобнее, по-турецки, и расскажите, как жили-поживали.

Рыбушмены сели на пол, скрестили под собой ноги и прислонились к стене. Вместе с ними уселся по-турецки и Соломенный Губерт. Тётя, Русалка и Анечка-Невеличка сели в креслица, но не по-турецки.

— Стало быть, отпразднуем две встречи, — сказали Рыбушмены и добавили, поклонившись Анечке: — Мы ведь знакомы

Потом они поклонились и Соломенному Губерту.

— Конечно, знакомы! По нашей просьбе вы держали и удержали волны на Острове! — сказал Соломенный Губерт и добавил: — А как вообще-то дела?

— Да не очень! Переселяться приходится!

— Как? Вы переселяетесь с Острова? — спросила Анечка.

— Приходится! Наступил отлив!

— Значит, туда смогут вернуться Негритята-Лилипутаники? — сказал Соломенный Губерт.

- Кто-кто, а Лилипутаники туда не вернуться!
- Неужто они не добрались до Острова?
- Добрались! Все белые-белые! — сказали Рыбушмены.
- В колонну по два? — спросила Анечка-Невеличка.
- Кто их разберёт, таких мелких!
- Значит, они добрались в виде Муравьёв!—вздохнула Анечка и добавила: — Жаль, что им снова не удалось стать людьми!
- Стали они людьми! Не беспокойтесь! Их в Мастерской опять в людей переделали! — ответили Рыбушмены.
- Вот бы поглядеть! Только я не знаю, где эта Мастерская, — вздохнула Анечка-Невеличка.
- Они уже не в Мастерской! Они, скорей всего, на витрине! — сказали Рыбушмены.
- Их Абаба купил!

Соломенный Губерт даже присвистнул.

- Что ни подвернётся, всё покупает! — со вздохом продолжали Рыбушмены.
- Опасаемся, что нас тоже купит!
- А многих уже успел купить? — спросила Анечка.
- Лилипутаников купил, Кролика купил, Верблюда купил и вообще весь Зоологический Сад купил.
- Не везёт человеку, если его купят! — сказала Анечка.
- Конечно! Все с ним играют, а он — ни с кем и должен дожидаться, когда кто-нибудь соблаговолит с ним поиграть.
- А Кролику и Верблуду тоже не везёт, если их купят? — спросила Анечка-Невеличка.
- Ясное дело, — ответили Рыбушмены.
- Мне бы очень хотелось узнать, как это бывает и как это не везёт, когда тебя купят! — сказала Русалка. — Не может ли кто-нибудь рассказать об этом?
- Я могу рассказать, как не повезёт Самокату, если человек его купит! — воскликнул Соломенный Губерт.
- Пожалуйста! — попросила Русалка.

Соломенный Губерт откашлялся, одёрнул было курточку, но нащупал в кармане что-то твёрдое. Это что-то оказалось колесиком, полученным от Мартышки, и Соломенный Губерт сказал:

- Сперва мне хотелось бы узнать, для чего вот это?

Он вытащил часовое колесико и показал Тёте. Тётя ахнула и сказала:

- Хорошо, что ты не потерял его! От колесика ведь зависит наша судьба! Это колесико от Кареты подходит к часам, на случай если они сломаются.
- А что будет, если они сломаются? — спросил Соломенный Губерт.
- Они остановятся, а вместе с ними остановимся все мы,— сказала Тётя.

- Почему это?
- Потому что в нас тоже останятся колесики.
- Разве в вас есть колесики? — спросил Соломенный Губерт Анечку-Невеличку.
- Кажется, нету.
- А в вас есть? — спросил Соломенный Губерт Ры-бушменов.
- А как же! — ответили Рыбушмены и напрягли мускулы, чтобы Соломенный Губерт потрогал и убедился, что в них есть колесики.
- Да откуда же они взялись? — спросил Соломенный Губерт.
- Их в Мастерской вставили.

Соломенный Губерт взглянул на Русалку и с грустью подумал, что в ней, вероятно, тоже есть колесики. Русалка опустила глаза, словно бы поняв, о чём Соломенный Губерт думает, и долго и печально глядела в одну точку.

Соломенный Губерт покраснел: он решил, что Русалка стала печальна, угадав его мысли.

— Значит, если часы остановятся, в н а с остановятся колесики? — спросил он громко.

Соломенный Губерт сказал «в нас», чтобы Русалка подумала, что и в нём имеются колесики, и перестала быть печальной.— Я сразу понял, что оно для чего-то необходимо, поэтому берёг его как зеницу ока! — сказал Соломенный Губерт, передавая колесико Тёте.

— Вы бережёте зеницу ока? — удивились Рыбушмены.

— Конечно, чтоб мошки не залетали!

— А как вы это делаете?

— Моргаю, и всё!

— Моргаете? А как это? Соломенный Губерт и Анечка моргнули.

— Вот здорово! — воскликнули Рыбушмены и попытались моргнуть, однако у них ничего не вышло.

Тётя тоже попыталась моргнуть, но у неё тоже не вышло.

Только Русалка не пыталась моргнуть. Она по-прежнему глядела в одну точку и казалась печальной. Соломенный Губерт пожалел поэтому, что вспомнил поговорку про зеницу ока, и, чтобы как-то всех отвлечь, схватил Разувайку и заиграл.

Однако Разувайка на этот раз звучала так грустно, что Соломенный Губерт даже удивился. Услыхав грустную мелодию, Русалка стала ещё пристальней и печальней глядеть в одну точку, а потом запела:

На свете Замок был,
А в нём краса-девица.
Дракон её любил —
И как тут не влюбиться!

На вал она взойдёт
Или в лесу гуляет,
Дракон за ней бредёт
И очи потупляет.

Краса-девица чохла,
А он грустил, бывало.
Потом она зачихла.
Потом её не стало.

Застенчивый Дракон
Рыдал по ней немало.
Стал невидимкой он.
Потом его не стало.

А Замок стал мрачней И обветшал совсем; В нём
поселился Змей И плакал надо всем...

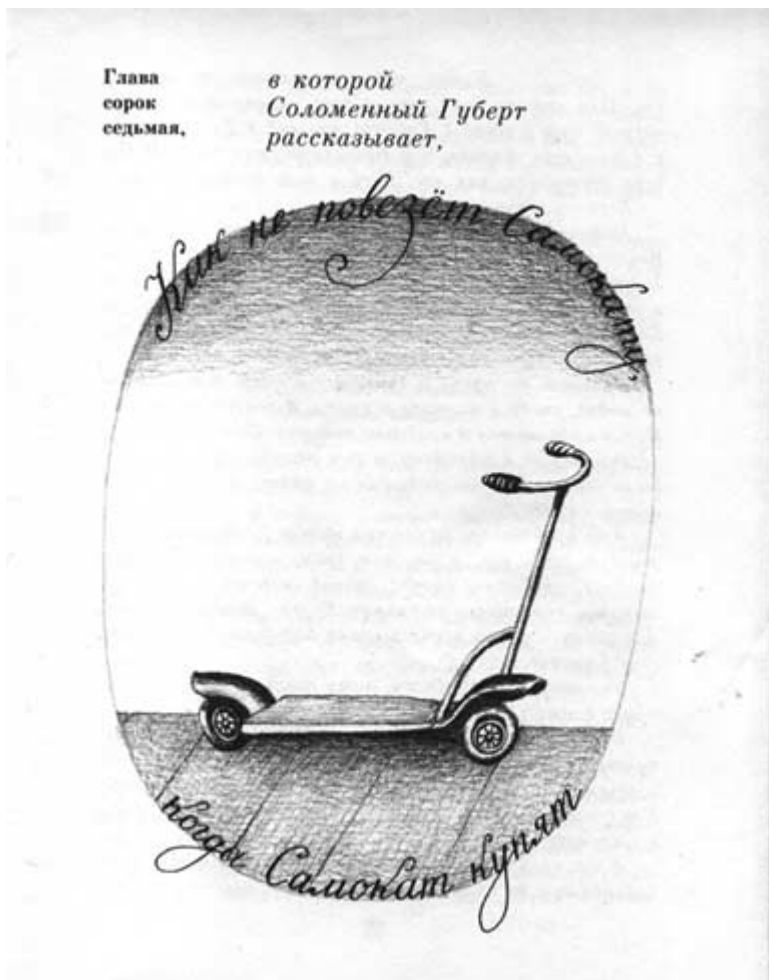
Когда Русалка допела, все уронили по слезе: Тётя, Рыбушмены, Анечка-Невеличка и даже Соломенный Губерт.

Только Русалка не уронила слезу, а наоборот, стала веселей. Пока все ей хлопали, она сказала:

— Я даже не знаю, почему выбрала такую грустную песенку. Вероятно, потому, что на дворе скверная пора. Давайте-ка лучше, чтобы развеяться, послушаем рассказ о Самокате.

И Соломенный Губерт приступил к своему рассказу.

Рассказал он вот что.

Купит человек самокат и займёт его. Или скажет дома, что у всех самокаты, а у него нету. У кого у всех? У Губерта, что ли? У Губерта нету, а у всех есть. Значит, и у Губерта должен быть. И Губерт становится, как все. Есть у него теперь Самокат.

Есть он теперь у меня!

Появился Самокат вечером. Эх, жаль, что не утром! Вечером ведь, даже если все лампочки зажечь, плохо видно. Счастье, что подвесная лампа есть! Слушу-ка я её прямо до полу и поглажу на Самокат как следует. Ещё и понохаю его — до чего здорово пахнет! Потом поглажу — шкаф и то не такой гладкий!

Проедусь по кухне и сразу заторможу. Когда никто не видит, въеду в комнату и упаду. И совсем не больно! Потом сяду на пол и колесико покручу. Сижу, кручу колесико, играю в мельницу, а сам жалею, что вечер. Эх, было бы утро! Я бы выбежал на улицу, крикнул бы и помчался под горку!

А не попробовать ли свести Самокат по лестнице? Здорово! Ведёшь его, а он, как гром, грохает. Выбежит дворник, увидит — Самокат гремит, захочет что-то сказать, а потом ничего не скажет. Только дверью хлопнет. А я вернусь домой и опять стану под лампой разглядывать Самокат.

Ужинать неохота. Сижу, а сам поверх тарелки на Самокат гляжу.

И мне вдруг кажется, что он сейчас поедет! Я выскакиваю из-за стола и кладу его на пол. Потом начинаю бояться, что об него споткнутся, и прислоняю к стене. Еда стынет, а я не ем. Говорю — не голодный, а сам опять к Самокату.

А что, если написать на нём «Губерт»? Ну нет! Я даже карандашом до него не дотронусь, а то перестанет быть новым. Я лучше напишу «Губерт» пальцем. Этого не будет видно, и Самокат останется новым. Нет, лучше и пальцем не буду, я ведь не вытер рук после еды, и Самокат станет липким. Пойду вытру. Потом с мылом вымою, чтоб Самокат не стал липким, а его вытру полотенцем, пусть блестит.

Зачем так рано спать? Ночь такая длинная! А вдруг завтра дождь? Тогда с Самокатом и не выйдешь! Иду спать, а самому неохота. Человек ведь никогда не знает, что будет завтра, а завтра снегу может навалить. Поэтому я даже распеваю:

Если снег не выпадет,
Мне удача выпадет!

Но откуда взяться снегу, если на дворе лето? И завтра будет лето, так что покатаемся!

Раздеваюсь и ложусь. Самокат кладу на стол, чтобы с кровати было видно. Издали кажется, что у него колесиков нету. Тут приходят и гасят лампочку. Тогда я гляжу на него при свете уличного фонаря, и мне мерещится, что Самокат шевельнулся! Сперва чуть-чуть влево, а потом чуть-чуть вправо! А вдруг он уедет ночью? Не уедет! Ключ повернут на два оборота, да ещё на щеколду заперто!

А если ночью заберутся воры и украдут его? Тогда я закричу «Помогите!» и весь дом на ноги подниму!

Уснуть не могу. Жарко, и я ворочаюсь с боку на бок. Сталкиваю одеяло и ноги высовываю. Потом приказываю левой ноге скрыться. Какой от неё толк! Всё ведь делает правая! Поставлю завтра левую на Самокат, чтоб не мешала, оттолкнусь правой и поеду! Спускаю ноги с постели и жду не дождусь завтрашнего дня. Потом комкаю подушку, чтобы удобней было, но, как ни вертись, всё равно неудобно. Да ещё и жарко. Почему сейчас не день, раз всё равно жарко?

Выскакиваю из постели и трогаю Самокат. Он-то холодный!

Потом ложусь и засыпаю...

И вот уже утро!

Я веду Самокат по лестнице, а он громыкает. Дворник выглядывает, но не сердится. Сейчас день, и каждый может громыкать, как хочет! Возле дома пробую проехаться и сразу падаю. Подумаешь, руку поцарапал! Главное — Самокату ничего! Попробую теперь по тротуару. Поехали! Левую ногу поставил на Самокат, правой отталкиваюсь, даже равновесие удерживаю, только не долго. Вот здорово! Правой отталкиваюсь, а левой еду. Чуть под мотоцикл не приехал. Самокат бы тогда в куски разлетелся!..

Еду по парку. Мальчишки орут: «У Губерта Самокат!» Я их не замечаю и катать никого не соглашаюсь. Зато потом всех катаю, и никто не падает. Я тоже больше не падаю.

Когда Самокат в первый раз поцарапывается, я так огорчаюсь, что смотреть на него не хочется. Больше нету у меня нового Самоката. Теперь он поцарапанный.

Ребята говорят, что ничего страшного, у всех, мол, поцарапанные. Ну и что? У всех самокаты старые, а старая вещь человека не радует. Пусть поцарапывается. А у меня был новый Самокат, и он меня очень радовал. Даже больше, чем катание. Я же ещё как следует не покатался, а всё потому, что радовался Самокату.

Но тут меня начинает радовать и катание, а о Самокате я уже не забочусь. Иногда только сотру пыль и потрогаю, какой он гладкий.

Как недолго радует вещь человека! Только-только была новой и уже не новая! После обеда я даже не вспоминаю про то, что у меня новый Самокат, столько уже поездил на нём! Раз — туда! Три — сюда! Только когда приходят мальчишки, которых с утра не было в парке, мне он опять на минутку кажется новым, и я даже никак не могу найти на нём царапину!

Потом до самой темноты катаюсь.

Вечер опять провожу с Самокатом. Он теперь не пахнет так хорошо, как вчера. Он теперь пылью отдаёт. У меня даже в горле пересыхает. Незачем теперь нюхать! Кладу его на стол, но особенно уж не люблюсь. И сразу засыпаю.

На следующее утро первое, про что думаю, — не разучился ли я кататься. Самокат по лестнице уже не веду осторожно. Чего бы человек достиг, если бы всё время осторожничал? Пусть Самокат поцарапывается, только бы мне хорошо каталось. А катается мне так, словно бы он у меня с прошлого года.

Теперь я запросто оставляю его на тропинке, а сам иду играть с ребятами. Когда возвращаюсь — Самокат на месте. Никому и в голову не приходит взять его или поцарапать. Я катаюсь и вообще за него не беспокоюсь. Самое большое, когда остаюсь один, приговариваю:

*В торте главное — цукат.
В спорте — быстрый Самокат!*

*От восхода до заката
Не слезайте с Самоката!*

*За умеренную плату
Каждому — по Самокату!*

*Чем ходить вперёд-назад,
Заводите Самокат!*

*Увлекайся Самокатом —
Станешь важным адвокатом!*

*Будешь мчать на Самокате
К старой барыне на вате!*

Эти стихи называются «Самокат во всех падежах!». Они были написаны на витрине. Я их выучил, когда у всех уже были самокаты, а у меня нет.

*Теперь он есть, но я толком не знаю, где он. Он ведь давно стал старым и надоел мне. Однажды, когда я играл и бегал по комнате **ВОКРУГ ДА ОКОЛО**, я об него больно ударился. Пришлось проучить невежу полотенцем, а чтобы не мешался, выставить в переднюю. В передней темно. Самокат стоял в темноте, и я целых три дня о нём не вспоминал. На четвёртый я опять на нём поездил, а потом Самокат два дня стоял в ванной. Теперь, когда веду его по лестнице, я думаю не о том, что веду его, а о том, кого встречу в парке.*

В один прекрасный день Самокат убрали на чердак. На чердаке темно, сквозняк и мышцы. Мыши противные, и я брезгую ими.

Прежде чем взять Самокат, я его теперь протираю — такой он пыльный и так его мыши облазили. Беру его с чердака редко. Играю с ним почти безо всякого удовольствия. Хоть пускай даже вымокнет! Мне всё равно. Вымокнет — высохнет. Обдерётся — ободранный будет!

Вот как было с моим новым Самокатом! Вот как не повезёт Самокату, если человек его купит!

Глава *и третья от конца*
сорок
восьмая

РАССКАЗЫВАЛ СОЛОМЕННЫЙ ГУБЕРТ гладко и без запинки.

— Ну и гладко вы рассказываете! Я бы так не смогла — сразу бы застенялась,— сказала Анечка.

— Кто-кто, а я не из тех, кто стесняется! Мне море по колено! — ответил Соломенный Губерт.

Тётя в испуге побежала к окошку, глянула в него, а потом всплеснула руками и сказала:

— И правда, вода по колено. И снег пошёл. Это ужасно! Вот почему ты так грустно пела, Русалка!

Русалка печально улыбнулась. Соломенный Губерт украдкой взглянул на неё, и ему показалось, что Русалка немного состарилась.

Рыбушмены испуганно вытаращили глаза и словно бы от холода задрожали.

— Нехорошо, что пошёл снег, — сказала Тётя.

— Почему? — спросил Соломенный Губерт.

— Мы опять станем на год старше...

— А разве это плохо?

— Очень! Мы же выйдем из моды! Очень я, Русалка, боюсь, что из моды выйду!

— Я этого не боюсь... — совсем грустно ответила Русалка.

Анечку её голос огорчил, а Соломенный Губерт — тот даже и не решился взглянуть на Русалку.

— Что это значит «выйти из моды»? — спросила Анечка, чтобы хоть что-то спросить, а Тётя ответила:

— Это значит перестать нравиться. Как в один прекрасный день перестает нравиться Самокат, так перестает нравиться всё! А что, если и вы из моды выйдете? — обратилась Тётя к притихшим Рыбушменам.

Те сразу загалдели и хором ответили:

— Ну и выйдем! Подумаешь, дело какое! Значит, нас не купит Абаба. Мы только рады будем!

Русалка, улыбнувшись, сказала Рыбушменам, что ей нравится их решимость, но судьба есть судьба, а Тётя прибавила:

— Было так и есть пока! Рыбушмены сразу же дружно запели:

Жизнь по-прежнему легка:

Было так и есть пока!

Нужен всем свой тихий угол.

Наш, к примеру, в Царстве Кукол.

У других он — за витриной,

Третьим лучше под периной.

В море хочется четвёртым,

Пятый бредит мотоспортом.

Два шестых с седьмым поют —

Спать восьмому не дают.

Встал не с той ноги девятым,

А десятый — конопатый!

Жизнь по-прежнему легка,

Было так и есть пока!

Когда Рыбушмены допели свою бравую песню, Анечка повернулась к окошку и воскликнула:

— Глядите, на стекле Волшебные Растения!

Тётя заохала, что ударил мороз, Рыбушмены застучали зубами, и только Русалка словно бы не слышала Анечкиных слов.

— Нет ли там, случайно, Зеватки Снежнонежной? — спросил Соломенный Губерт и подбежал к окошку.

Зеватка Снежнонежная там была.

Был ещё и Сапожник Холодный Дикорастущий и Кружевножка Лентобантическая и множество всяких других растений, однако теперь все они выглядели как-то безжизненно. Зеватка Снежнонежная не зевала. Сапожник Холодный Дикорастущий гвоздиков не заколачивал. Кружевножка Лентобантическая не скручивалась и не раскручивалась.

Соломенный Губерт ни с того ни с сего стал вдруг соскребать один из лепестков Зеватки Снежнонежной, пока на стекле не получился маленький прозрачный глазок.

Тётя глянула в него и ужаснулась:

— Ах, беда, беда! Всё заволокло! Соломенный Губерт тоже поглядел и подтвердил:

— Правильно! Всю воду заволокло Парусиной, на которую мы упали, когда перескочили Стену Последнего Приключения.

— Я видела, как Парусина прыгала в воду! А Седло на ней? — спросила Анечка.

— На ней! И не пустое! На нём двое сидят! — сказал, нахмурившись, Соломенный Губерт.

— Кто же это, раз вы так нахмурились? — спросила Анечка и поглядела в глазок.—

Один похож на человека, у которого Рачьи Клешни! А другой...— сказала она совсем тихо.— А другой на господина Антонио... Я, правда, не совсем уверена...

— Зато я уверен!

— Что это господин Антонио?

— Нет, что это купец Абаба!

— А что у него в руках?

— А вы как думаете?

— Я думаю — флажок! — сказала Анечка-Невеличка.

— А я не думаю, я вижу это собственными глазами!

— Кажется, на флажке что-то написано!

— Вот именно! Но флажок свёрнут, и виден только кончик надписи. Ну-ка прочитайте!

Анечка-Невеличка прочитала по складам:

— «Н» и «А» — «НА» и «М» — «НАМ».

— Знаете ли вы, что это? Это надпись «СТРАШИЛЕ К ИМЕНИНАМ!» — сказал Соломенный Губерт.

— Тихо! Тётя услышит! — зашептала Анечка и вздрогнула. — А не думаете ли вы, что купец Абаба родственник Страшиле?

— Я думаю, что купец Абаба и Страшила — одно и то же лицо! Страшила — Ветер, а у Ветра ведь много лиц, вот он и был то купцом Абабой, то господином Антонио...

— То чёрным Козлом...

— И, если помните, усатым палачом, который проезжал на велосипеде по Заколдованной Площади! — тихо сказал Соломенный Губерт.

Но тут произошло такое, что Анечка просто онемела и перестала слушать Соломенного Губерта.

Парусина всколыхнулась и поползла вверх. Человек, У которого были Рачьи Клешни, подпрыгнул в Седле вместе с господином Антонио, и оба стали подниматься вместе с Парусиной...

— Глядите! Всё поехало куда-то! — прошептала Анечка. — И вроде бы посветлее стало...

— Это оттого, что Парусина поднялась.

— Обрадуйте Тётю! Ой, мы так долго стоим у окошка, что просто невежливо, мы ведь в гостях! — сказала Анечка.

Соломенный Губерт обернулся, чтобы сообщить всем приятную новость, но то, что он увидел, очень испугало его.

Да и как было не испугаться!

В комнате всё словно бы оцепенело. Рыбушмены мелко дрожали и стучали зубами. Русалка сидела, уставясь в одну точку, и едва шевелила губами. Тётя стояла, странно заломив руки.

Анечка-Невеличка подбежала к Русалке:

— Не сердитесь, Русалка, за то, что мы долго глядели в окошко, не сердитесь и поговорите с нами!

Русалка, казалось, не слышала Анечку. Она продолжала шевелить губами, словно бы тихонько шепча что-то.

— Русалка хочет нам что-то сказать! — догадался Соломенный Губерт. — Приложите ухо к её губам!

Анечка так и сделала.

— Ой! — сказала она. — Русалка поёт какую-то песню! И Анечка стала повторять вслед за Русалкой:

Мороз к утру
Весь мир скуёт.
И я умру,
И всё умрёт.
Опять терять
Мне дом родной
И спать опять,
Как ледяной.
Не жить, не петь.
И слёз не лить,
И куклой впредь
Навеки быть.
Утратить речь!
Судьба слепа!
И молвить веч-
но па-па-па...
. . . . веч-
но . . . веч-
но . . . веч-
но па-па-па... .
па-па-па... . . .

Русалка умолкла. Анечка сквозь слёзы не могла даже слова вымолвить. Она повторила ещё несколько раз вместе с Русалкой:

. веч-
но . . . веч-
но

причём всё время всхлипывала, потому что ей казалось, что Русалка тоже всхлипывает. Русалка шепнула напоследок:

. . . па-па...

Анечка-Невеличка, помахав ей рукой, тоже шепнула:

. . . па-па

потом отвернулась от Русалки, от Тёти, от Рыбушменов, даже от Соломенного Губерта и горько заплакала.

Соломенный Губерт грустно глядел в пол, и когда Анечка-Невеличка успокоилась, сказал:

— Эх, неудача! Про колесико забыли! Видите, часы остановились. А раз остановились часы, у всех остановились колесики!

— И у Русалки?

— У всех, вам говорят! Погодите-ка! Кажется, Тётя протягивает руки к часам. И у неё, похоже, что-то в руке. Ну да! Колесико! Она, видно, хотела заменить неисправное, но не успела, и часы остановились.

Соломенный Губерт взобрался на кресло и дотронулся до Тётиной руки. Колесико выпало, и Анечка его поймала.

— Вот оно! Ура! Неужели мы сможем всех оживить? — воскликнула она.

— Конечно! Если заменим колесико и починим часы.

Сказав это, Соломенный Губерт стал копаться в механизме, но в часах ведь много колесиков, и поди разберись, какое неисправное!

Для храбрости Соломенный Губерт запел:

Я великий часовщик!
Починю что хочешь вмиг!

Капну масла каплю я
В гусарика с саблюю

Или кивер откручу,
Кувыркаться научу.

Киверочек на затылке,
А в головушке — опилки.

Крутим-вертим киверок,
Чтобы сделать кувырок.

Неудача! Ой-ой-ой!
Открутили с головой!

Наконец Соломенному Губерту удалось вставить запасное колесико. В часах сразу что-то загрохотало, и Анечка-Невеличка зачем-то подпрыгнула, причём довольно высоко. Соломенный Губерт тоже зачем-то подпрыгнул и тоже довольно высоко.

— Вы нарочно или нечаянно подпрыгнули? — спросила Анечка.

— Я вообще не думал подпрыгивать. Меня что-то дёрнуло, вот я и подпрыгнул, — сказал Соломенный Губерт и внезапно закачался, точно папац на ниточках.

— И меня тоже что-то дёрнуло! — сказала Анечка и внезапно тоже закачалась, точно папац на ниточках. — А часы не идут. Только тарахтят. И Рыбушмены не ожили. Тётя тоже не ожила, и Русалка тоже, — продолжала она.

— Колесико я заменил! Больше ничего нельзя было сделать! — сказал Соломенный Губерт.

Едва он это сказал, как отворились какие-то двери, и появился Человек С Клепнями.

— Дайте-ка руку! — приказал он Соломенному Губерту и звякнул Клепнёй.

Соломенный Губерт почувствовал, что руку его словно бы сжали клещами. Не успела Анечка моргнуть, как он вылетел за дверь.

Поскольку Анечка всё ещё качалась, точно папац на ниточках, она, чтобы удержать равновесие, протянула Человеку С Клепнями руку и тоже почувствовала, что руку словно бы сжали клещами, и тоже вылетела за дверь.

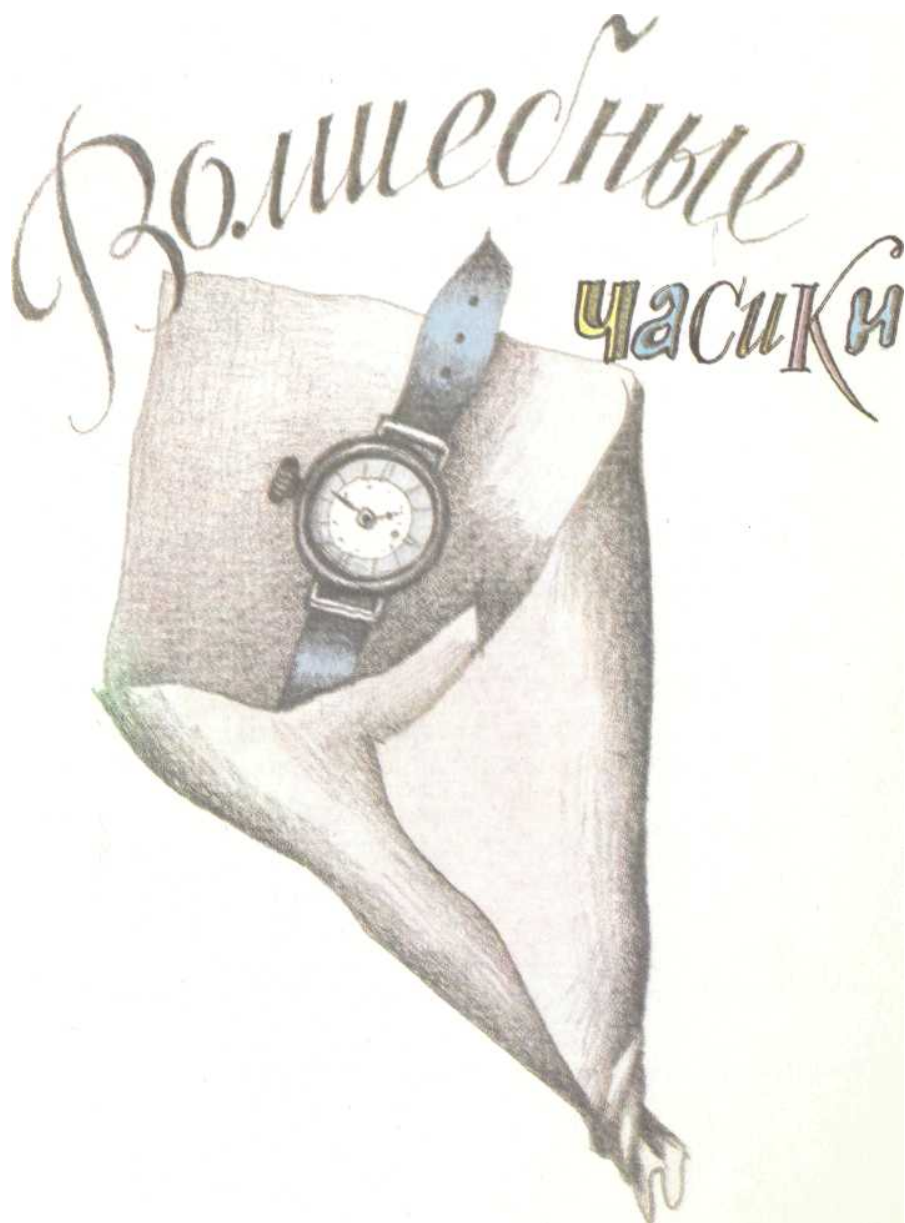
Тем не менее она ухитрилась оглянуться и увидеть, как из дверей выбежали обе пары сапожков и помчались вслед за ней. В этот момент Клепня отпустила Анечкину руку, и Анечка, словно после сильного головокружения, заморгала и протёрла глаза, чтобы выяснить, куда она попала и с нею ли Соломенный Губерт.

Как же она удивилась, когда протёрла глаза! Она удивилась так, что не могла вымолвить ни слова.

Где она оказалась?

Где же она оказалась?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Волшебные часики

Глава *и предпоследняя*
сорок
девятая,

— ВЫ ЛЕТИТЕ ИЛИ НЕ ЛЕТИТЕ? — воскликнула Анечка-Невеличка.

— Я? Да я стою на месте! Причём возле вас!

— Нет, летите! Я вижу. И я лечу вместе с вами. А теперь мы падаем вниз головой. Ой-ой! Осторожнее, а то разобьёмся!

И Анечка-Невеличка зажмурилась.

— Зачем это вы зажмурились? — спросил Соломенный Губерт.

— Как зачем?! Ведь мы сейчас разобьёмся!

— Если мы и разобьёмся, то в Гдетотам. В Тут нам бояться нечего!

— Мы же ведь и есть в Гдетотам! — сказала Анечка.

— А вот и нет! Мы — в Тут, на площади!

— На площади? На какой?

— На которой вы обещали поиграть в эстафету.

— А разве я не играла?

— Играли. Только немножко. А потом загляделись на куранты, а потом побежали к витринам бара.

— Амбара?

— Снова путаете? Да откройте, наконец, глаза!

— Я боюсь! Вдруг мы падаем вниз головой и разобьёмся!

— Вам сказано, что мы не в Гдетотам и не можем падать вниз головой!

Мы не в

ГАЕТОТАМ

и

не можем нагасть
вниз
головой!

мы - в
ТУТ,
на площади
перед
шришетным
магазином.

— И в Гдетотам нас ни капельки негу?

— Ни капельки!

Анечка-Невеличка, отважившись, открыла глаза.

— И правда мы не падаем! А в Гдетотам я больше не вижу ни себя, ни вас! Почему это?

— Потому что на витрине зеркало отвинтили!

— Кто?

— Столяр.

— Ой, вон Человек С Клешнями! Он что-то тащит!

— Какой такой Человек С Клешнями? Это же Столяр!

— Но вместо рук у него клешни!

— Это он держит клещи. Приглядитесь получше!

— Верно, клещи! — согласилась Анечка-Невеличка. — А второй, который ему помогает, купец Абаба или нет?

— Усатый?

— Ага, усатый, как господин Антонио!

— Никаких господина Антонио и купца Абабу я не знаю.

— Как не знаете?!

— Не знаю, и всё!

— Но ведь усатый — вылитый купец Абаба! И на палача он похож, который вас казнить должен. Вы сами мне его показали!

— Это продавец из Игрушечного Магазина. Он приехал на велосипеде и помогает Столяру нести зеркало.

— Ой-ой! Я снова вижу себя в Гдетотам!

И правда Анечке-Невеличке на секунду показалось, что она словно бы проплыла в Гдетотам. Проплыла и сразу куда-то исчезла.

— А теперь не вижу! — воскликнула она.

— И не увидите! Это вы отразились в зеркале, когда Столяр с Продавцом за угол заворачивали.

— Как было замечательно в Гдетотам! — вздохнула

Анечка. — Как смешно мы качались! Точно паяцы на ниточках!

— Какие паяцы! Просто когда отвинчивали верхушку зеркала и наклоняли его, отражения начинали качаться!

— Но Зоологический Сад БЫЛ и правда удивительный!

— Не БЫЛ, а ЕСТЬ! Вот же он, перед вами! И небось подороже Самоката. Мне его не купят.

Поглядев, куда показывал Соломенный Губерт, Анечка, к удивлению своему, увидела на витрине знакомый Зоологический Сад!

— Неужели правда купец Абаба купил его? А Зоологический Сад в Тут не такой

красивый! — сказала она с сожалением и решила поглядеть, есть ли в завитринном Зоосаде те, с кем познакомились они в Гдетотам, где столько чудес приключилось и с ней, и с Соломенным Губертом, который вдруг позабыл всё на свете, а про многое вообще отказывался вспоминать. Поэтому Анечке самой пришлось радоваться старым знакомым, и она, то вздыхая, то хлопая в ладоши, а то и весело подпрыгивая, стала приговаривать:

— Глядите-ка! Вот он, наш милый Кролик! Даже целых два! Вон пегий, в короне из клеверных листиков, а вон чёрный — без короны. А вот Попугай сидит и важничает! И Корабль Пустыни тут! И Фонтан! Только не слышно, шепчет он или не шепчет. Да здесь же всё Царство Кукол! А наших Младших Братъев стало даже больше! Тут — чёрные, как маленькие Негритята, а там — белые, как маленькие белые Негритята! И Самый Старший Брат здесь! Даже целых два! Один чёрный, другой белый. И Самый Младший! И вы тут, Рыбушмень! И три Сирены тут! Будьте осторожнее, барышни, и, когда поёте, никого не глотайте! Правильно сделали Муравьи, что вас пробуравили! А вот и Коврик! И Цирк! И Зелёная Кобылка! Глядите, она с Драконом в одной упряжке! А вон ветряная мельница, и она точь-в-точь Таинственный Замок, в котором хозяйничал Ветер! Ой, в ней окошко отворилось! А в окошке моя дорогая Русалка! А рядом Тётя выглядывает! Значит, и в самом деле Абаба всех купил? Всех-всех?

Анечка-Невеличка не отрываясь глядела на удивительный мир за огромным стеклянным окном, где всё теперь словно бы оцепенело, и вдруг заметила одну вещь, которая в Тут совсем не изменилась, оставаясь такой же, какой была в Гдетотам.

Анечка хотела сказать об этом Соломенному Губерту, но тот, как всегда, куда-то подевался. Она оглянулась и увидела огромную площадь, по которой ездили какие-то вагончики и ходило народу, словно был праздник, — столько этого народу ходило. Увидела она и Соломенного Губерта, подкидывавшего что-то вверх и при этом подпрыгивавшего.

— Идите скорей сюда! — крикнула Анечка.

— А вы обещаете, что не будете говорить сама с собой?

— Обещаю!

Соломенный Губерт снова что-то подбросил и затем поглядел сперва вверх, а потом вниз. Блям-м-м! — послышалось с земли.

— Да перестаньте подкидывать пятак и поскорее идите!

Соломенный Губерт подошёл, и Анечка сказала:

— Тут флажок, а на нём надпись «СТРАШИЛЕ К ИМЕНИНАМ!».

— Как это вы до такого додумались?

— Сами поглядите! На конце ведь написано «НАМ?»

— Ну написано!

— Вот и получается «СТРАШИЛЕ К ИМЕНИНАМ!».

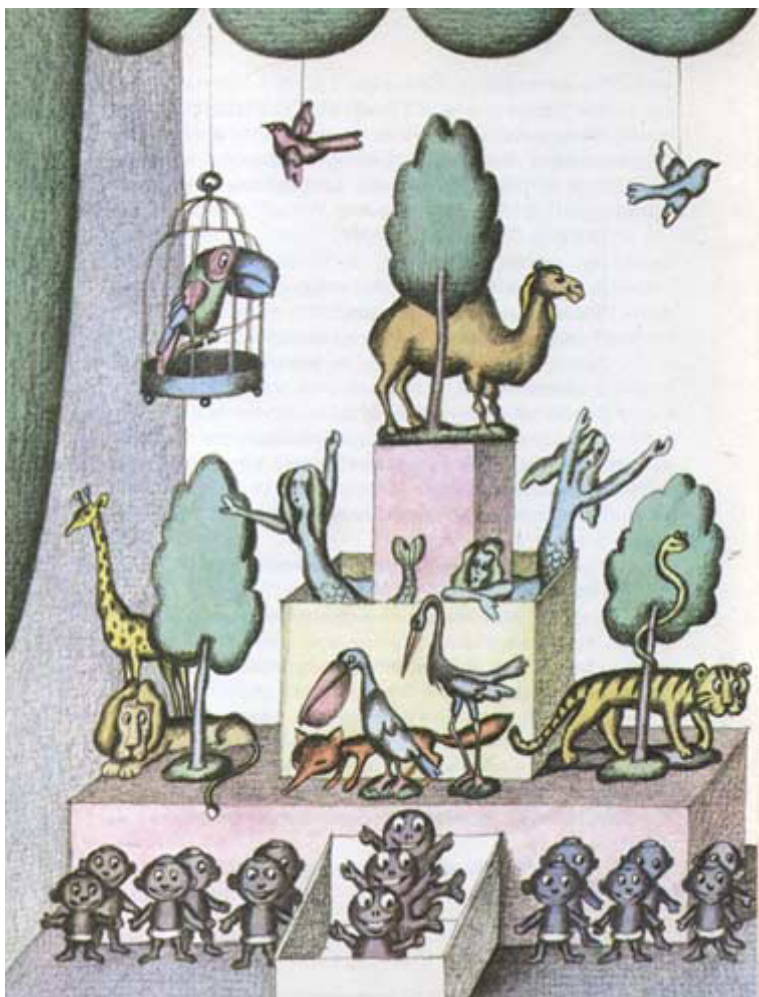
— Вовсе такая глупость не получается! — возмутился Соломенный Губерт. — На флажке написано «ПОЖАЛУЙТЕ К НАМ!». Прочитайте по складам и увидите!

Анечка-Невеличка прочитала:

— ПО-ЖА-ЛУЙ-ТЕ К НАМ!

— Ну, кто был прав?

— Вы,— сказала Анечка, не зная, что и думать.

- Вы понимаете эту надпись?
- Понимаю. Только не знаю, зачем она.
- Затем, что хозяин магазина нас приглашает.
- В гости?
- Да нет! Купить что-нибудь!
- Я покупать ничего не собираюсь, а то покупка наскучит мне, как вам наскучил Самокат, про который вы у Русалки рассказывали!
- Про Самокат я рассказывал здесь, на этом вот месте, а вовсе не у Русалки!
- Но рассказывать-то рассказывали?
- Конечно!
- Хорошо хоть, вы что-то подтверждаете. А я рассказывала вам в цирковом фургоне про выгон?
- Рассказывали! Только не в цирковом фургоне, а здесь, на этом вот месте!

- Пусть на этом! Вы подтвердили уже вторую вещь!
- Больше ничего я подтверждать не стану!
- А я ни о чём вас больше не буду спрашивать,— сказала Анечка-Невеличка.— Хоть на флажке и написано «ПОЖАЛУЙТЕ К НАМ!», погупать я ничего не хочу!
- А деньги-то у вас есть?
- Нету!
- Тогда вы всё равно ничего не купите, даже если захотите.
- А я и не захочу!
- Зато я захочу! — сказал Соломенный Губерт решительно.
- А у вас есть деньги?
- Конечно!
- Сколько?
- Пятак!

- Который вы подкидывали?
- Он самый!
- И который выпал из моей руки?
- Ага! Это ведь я его положил!
- А зачем?

Соломенный Губерт покраснел и хотел было замять разговор, однако Анечка повторила вопрос, и он ответил:

— Только не вздумайте сердиться. Когда я вас увидел, мне показалось, что вы слепая девочка, потому что глядели вы непонятно куда.

Анечка, весело засмеявшись, сказала:

— Я просто удивлялась, какие огромные площади бывают! А вы-то! Подумали, что я слепая! — и Анечка опять засмеялась.

— Я недолго так думал! Когда вы нагнулись за пятаком, я сразу понял, что вы зрячая, и пятак поднял.

— Всё равно я бы его себе не взяла. Я бы его на плитку положила.

— А я бы за ним вернулся!

— А я бы вам сказала, что вы пятак потеряли!

— И мы бы познакомились!

— В Тут мы знаем друг друга хуже, чем в Гдето-там, — сказала Анечка-Невеличка.

— А по-моему, и в Тут мы знаем друг друга неплохо! Жаль, пятачок пополам не поделишь, — сказал Соломенный Губерт. — Придётся нам с вами купить на пятак Счастья!

— На пятак Счастья? Какого?

— Этого никогда наперёд не знаешь. Потому оно и называется Счастьем. Но мы сейчас узнаем! Я его принесу из Игрушечного Магазина.

— А вы долго будете выбирать?

— Счастье долго не выбирают. Надо просто закрыть глаза и взять один розовый кулёчек.

«Что же в кулёчке-то?..» — подумала Анечка, когда Соломенный Губерт вошёл в Игрушечный Магазин.

Это было очень странно. Соломенный Губерт находился теперь там, где есть всё. Зоологический Сад с Попугаем, Кроликом и Верблюдом, Царство Кукол с Негритя-тами-Лилипутаниками и Рыбушменами, Зелёная Комната, Русалка, Тётя — всё-всё! И хотя Соломенный Губерт оказался в Гдетотах, в прекрасном мире, где есть всё-всё, вёл он себя, как ведут себя люди в Тут, когда приходят, скажем, в лавочку за дрожжами.

Он подошёл к прилавку, что-то сказал, потом зажмурился, пошарил рукой в груде розовых кулёчков и один кулёчек вытащил. Потом протянул что-то усатому человеку, по виду точь-в-точь господину Антонио, и послышалось: блям-м-м! Это звякнул пятак. Анечка видела, как пятачок упал на прилавок, как человек, похожий на господина Антонио, взял его с прилавка и куда-то положил.

Потом с блестящим розовым кулёчком в руках из магазина вышел Соломенный Губерт.

— Отгадайте, какое Счастье я купил? — крикнул он и стал приговаривать:

Отгадайте-ка Загадку!

Угадайте-ка Отгадку!

Про юлу

На балу,

Про кошку
Прокошку,
Про фокус
Про покус,
Про пушку
Хлопушку,
Про шило,
Про мыло,
Про всё,
Что жило-было!

- Не могу отгадать, сдаюсь! — сказала Анечка-Невеличка.
- Тогда распечатываем!
- Осторожно! Вы оторвёте кусочек Счастья!
- Не оторву! Оно твёрдое попалося.

Сказав это, Соломенный Губерт распечатал кулёчек, и перед удивлённой Анечкой появились маленькие красивые часики.

- Ой какое замечательное Счастье вам досталось!
- Да уж! — сказал Соломенный Губерт, тоже с удивлением разглядывая часики.
- Какой красивый циферблатик!
- На нём все двадцать четыре часа!
- Как это?
- А вот как! На первом кружочке двенадцать часов— от одного до двенадцати, и на втором, внутри первого, опять двенадцать часов — от тринадцати до двадцати четырёх.

— Значит, на часиках день и ночь? — догадалась

Анечка.

- Значит, день и ночь.
- А как цифры светятся! Ох и досталось вам Счастье — просто замечательное!
- Если хотите, поделимся! Вы что бы выбрали — день или ночь?
- Ночь! — сказала Анечка-Невеличка.
- Почему?
- Потому что ночью можно поспать и не надо гнать скотину на выгон!
- А я бы выбрал день!
- Почему?
- Потому что днём я встретил вас!
- Вы рады, что встретили меня?
- Конечно! Ведь мы так хорошо поиграли!
- Я тоже рада, что встретила вас! Я ещё никогда ни с кем так хорошо не играла! — сказала Анечка-Невеличка и тихо прибавила: — Правда, у часов красивые стрелки?
- Очень!
- А что, если их покрутить?
- Попробуем! — сказал Соломенный Губерт и стал крутить головку часиков. Едва он это сделал, произошло такое поразительное событие, что оно оказалось поразительнее и Зоологического Сада, и Царства Кукол, и заколдованного Таинственного Замка! Оно оказалось поразительней всего!

Что же произошло, когда Соломенный Губерт подкрутил часики?

А ПРОИЗОШЛО ВОТ ЧТО: КУДА НИ погляди, везде и повсюду стемнело! Отчего же могло так стемнеть, если только что был белый день? Неужели оттого, что Соломенный Губерт подкрутил часики? Ох как стемнело! Анечка-Невеличка оглянулась на огромное окно, где было всё-всё, но, кроме шторы, закрывавшей за-оконный волшебный мир, ничего не увидела.

Между тем с башни, под которой Анечка-Невеличка недавно стояла и глядела на клетку, оказавшуюся вовсе не клеткой, а, как сказал Соломенный Губерт, курантами, — с высокой этой башни, тоже погрузившейся во тьму, раздались удары часов, и было этих ударов ровно восемь.

— Уже восемь, слышите? — сказала поражённая Анечка-Невеличка.

— Посмотрим, сколько будет сейчас! — ответил Соломенный Губерт и ещё чуть-чуть подкрутил часики.

И стемнело ещё больше! Стемнело так, что Анечка даже содрогнулась! Настала глубокая ночь, и всё вокруг погрузилось в непроглядную тьму, сквозь которую пробивались только два-три ярких огня. Анечка в испуге поглядела на небо и онемела от удивления. В небе было темно, как ночью, и во тьме сверкали тысячи и миллионы звёзд. О, какая прекрасная звёздная ночь была в высоком небе и какая непроглядная тьма была на земле!

На башне, тоже окутанной непроглядной тьмой и белевшей при свете миллионов звёзд, снова начали бить куранты и пробили двенадцать раз.

— Полночь! — прошептала Анечка и взяла Соломенного Губерта за руку. — Сейчас полночь! Мне страшно...

— Сейчас будущая полночь! — ответил тот и снова стал крутить головку часиков. Анечка взглянула на циферблат и увидела, что стрелки, красиво поблёскивая, крутятся наоборот!

— Осторожно, не ломайте! Стрелочки крутятся наоборот! — воскликнула в непроглядной тьме Анечка.

Однако Соломенный Губерт упрямо переводил стрелки, и Анечка снова поглядела вверх. Звёзды в небе вдруг начали исчезать, словно бы таять, и таяли звёзды до тех пор, пока не осталась одна-единственная. Соломенный Губерт по-прежнему крутил стрелки назад, и единственная эта звёздочка тоже растаяла, после чего начало светать. Потом таять начали рассветные сумерки, и повсюду вдруг засверкал ясный и прекрасный свет дня.

Изумлённая Анечка растерянно поглядела вокруг и в ярком дневном свете увидела площадь, по которой ездили розовые вагончики и ходили люди, разодетые, точно на праздник, и увидела башню, и увидела огромное стеклянное окно Игрушечного Магазина. Его уже не закрывала штора, и в нём опять было всё-всё: Зоологический Сад, Царство Кукол, Таинственный Замок, Зелёная Комната — словом, всё-всё!

— Как я рада, что снова белый день! — сказала Анечка, но Соломенный Губерт, словно не слыша её, продолжал крутить стрелки вспять.

Ох! То, что случилось, было пострашней и поудивительней, чем внезапная непроглядная

полночь или внезапное исчезновение звёзд. То, что произошло, было так удивительно, что Анечка-Невеличка просто остолбенела, так она была поражена.

Да и как было не поразиться, если вдруг, сделав всего один шаг, она оказалась уже не перед Игрушечным Магазином, а перед другим стеклом, за которым виднелись господа в чёрных костюмах и дамы в огромных шляпах, перед стеклом, за которым... как его?... был амбар, то есть тамбар... то есть бар!..

Не успела Анечка сообщить Соломенному Губерту, что она почему-то стоит возле бара, как вдруг оказалась среди множества людей, глядевших вверх на удивительную клетку, которая была словно бы подвешена, хотя и не подвешена. Ещё через мгновение Анечка очутилась возле огромного столба под высоким сводом и наклонилась было за пяточком, выпавшим из её руки, но и этого не успела сделать, потому что внезапно увидела хозяина, идущего к телеге... Потом она вообще перестала понимать, где она и есть ли она на свете, как не понимает этого человек, когда спит...

В этот момент Соломенный Губерт перестал крутить стрелки и очень-очень удивился.

Да и как было не удивиться! Часики словно бы растаяли, и когда Соломенный Губерт огляделся, то увидел, что стоит на набережной, что на него летит комариная Туча и он, точно лассо, раскручивает свою Соломенную Шляпу, намереваясь эту комариную Тучу поймать.

Поразмыслив однако, он перестал раскручивать шляпу, нахлобучил её поглубже и сказал:

— Даже и не подумаю воевать с Выхью! Я ведь знаю, что из этого получится! Туча унесёт мою шляпу, и я останусь ни с чем!

Потом он спросил сам себя:

— Но куда же девались часики?

И сам себе ответил:

— Знаю куда! На них ведь было только двадцать четыре часа, а я переставил стрелки на вчерашнее время. А вчера часиков у меня не было, вот они и растаяли точно так же, как завтра растает всё, что было сегодня. Хорошо, что сегодня вчерашний день! Опять со мной моя Соломенная Шляпа, и опять я Соломенный Губерт!

Люди между тем возвращались с воскресной прогулки. Играла музыка. И Соломенный Губерт отправился домой.

* * *

Был воскресный вечер, вчерашний вечер, и Анечка-Невеличка забиралась в телегу спать. Поразмыслив однако, она сказала:

— Ох, не проспать бы, а то отвезёт меня хозяин рано поутру в город, и встречу я там этого... как же его звали?.. Железный Рупрехт, что ли? Ах, его звали так же странно, как Железный и как Рупрехт, но как-то иначе. Нет, не могу вспомнить! И не потому, что я забывчивая! Будь это вчера, я бы ещё вспомнила. Но это случилось не вчера, а завтра, а то, чему быть завтра, вспомнить невозможно. Ладно, пусть зовётся, как зовётся,— главное, что сегодня опять вчерашний день и можно исправить всё, что я чуть было не натворила! Не стану залезать в телегу, а то привезёт меня хозяин рано поутру в город на Заколдованную Площадь! Лягу я лучше за печку. Она-то меня никуда не увезёт!

Анечка-Невеличка слезла с телеги, напевая:

Заберусь-ка я за печь,
Не придёт ведь булки печь...

и добавила:

...тот, кого звали Соломенный Губерт! Но в это время она уже улеглась за печкой и была такая сонная, что сразу же уснула и спала крепко-крепко. И ничего ей не приснилось... И ничего ей не приснилось? Так уж! Почему так уж? Потому, что уже

КОНЕЦ